

ISSN 2223–2974

СОВРЕМЕННАЯ НАУКА:
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

ЭКОНОМИКА И ПРАВО

№ 12–2 2020 (ДЕКАБРЬ)

Учредитель журнала
Общество с ограниченной ответственностью
«НАУЧНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ»

Журнал издается с 2011 года.

Редакция:

Главный редактор

В.Н. Боробов

Выпускающий редактор

Ю.Б. Миндлин

Верстка

Н.Н. Лаптева

Подписной индекс издания
в каталоге агентства «Пресса России» — 10472

В течение года можно произвести подписку
на журнал непосредственно в редакции.

Издатель:

Общество с ограниченной ответственностью
«Научные технологии»

Адрес редакции и издателя:

109443, Москва, Волгоградский пр-т, 116-1-10

Тел./факс: 8(495) 755-1913

E-mail: redaktor@nauteh.ru

<http://www.nauteh-journal.ru>

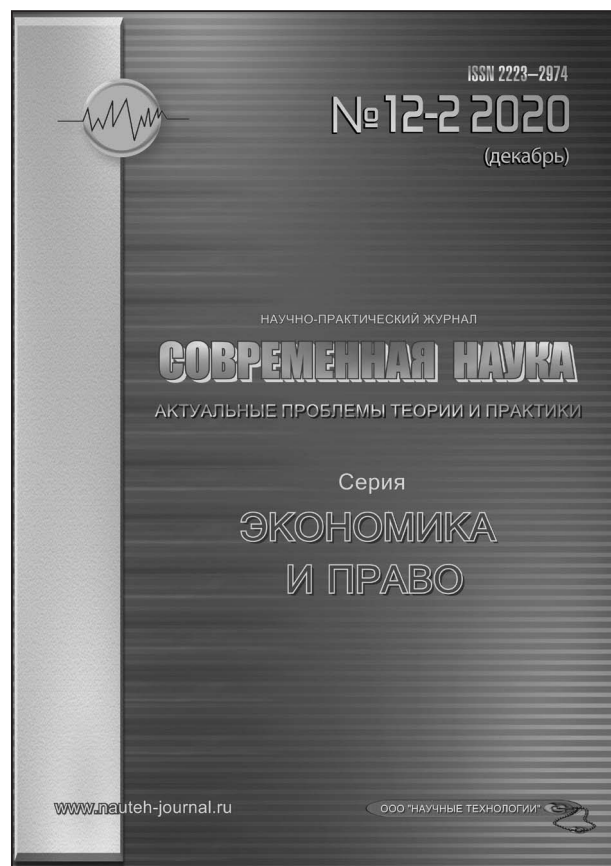
Журнал зарегистрирован Федеральной службой
по надзору в сфере массовых коммуникаций,
связи и охраны культурного наследия.

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС 77-44912 от 04.05.2011 г.

Научно-практический журнал

Scientific and practical journal

(ВАК - 08.00.00, 12.00.00)

В НОМЕРЕ:
ЭКОНОМИКА,
ПРАВО

Авторы статей несут полную ответственность
за точность приведенных сведений, данных и дат.

При перепечатке ссылка на журнал
«Современная наука:

Актуальные проблемы теории и практики» обязательна.

Журнал отпечатан в типографии
ООО «КОПИ-ПРИНТ» тел./факс: (495) 973-8296

Подписано в печать 22.12.2020 г. Формат 84x108 1/16
Печать цифровая Заказ № 0000 Тираж 2000 экз.

ISSN 2223-2974

Редакционный совет

Боробов Василий Николаевич — д.э.н., профессор,
Российская Академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ, профессор

Бусов Владимир Иванович — д.э.н., профессор,
Государственный университет управления, профессор

Воронов Алексей Михайлович — д.ю.н., профессор,
Институт государства и права РАН, г.н.с.

Гомонов Николай Дмитриевич — д.ю.н., профессор
Северо-Западного института (филиал) Московского
гуманитарно-экономического университета, профессор

Горемыкин Виктор Андреевич — д.э.н., профессор
Национальный институт бизнеса, профессор

Ермаков Сергей Петрович — д.э.н., профессор Институт
социально-экономических проблем народонаселения
РАН, г.н.с.

Кобзарь-Фролова Маргарита Николаевна — д.ю.н.,
профессор Российская таможенная академия, профессор

Лебедев Никита Андреевич — д.э.н., профессор
Института экономики РАН, в.н.с.

Леонтьев Борис Борисович — д.э.н., профессор
Федеральный институт сертификации и оценки
интеллектуальной собственности и бизнеса, директор

Малышева Марина Михайловна — д.э.н., Институт
социально-экономических проблем народонаселения
РАН, в.н.с.

Мартынов Алексей Владимирович — д.ю.н., профессор
Национальный исследовательский Нижегородский
государственный университет им. Н.И. Лобачевского, зав.
каф.

Мельничук Марина Владимировна — д.э.н., к.п.н.,
профессор Финансовый университет при Правительстве
Российской Федерации, профессор

Миндлин Юрий Борисович — к.э.н., доцент, Московская
государственная академия ветеринарной медицины
и биотехнологии им. К.И. Скрябина, доцент

Незамайкин Валерий Николаевич — д.э.н., профессор
Российский государственный гуманитарный университет,
зав. кафедрой

Нижник Надежда Степановна — д.ю.н., профессор Санкт-
Петербургский университет МВД России, профессор

Ручкина Гульнара Флюровна — д.ю.н., профессор
Финансовый университет при Правительстве Российской
Федерации, профессор

Рыкова Инна Николаевна — д.э.н., профессор Научно-
исследовательского финансового института Минфина РФ,
рук. центра

Рыльская Марина Александровна — д.ю.н., доцент
Российская таможенная академия, доцент

Сумин Александр Александрович — д.ю.н., профессор
Московский университет МВД России, профессор

Черкасов Константин Валерьевич — д.ю.н., профессор
Всероссийский государственный университет юстиции,
профессор

Шедько Юрий Николаевич — д.э.н., доцент Финансовый
университет при Правительстве Российской Федерации,
профессор

Шмалий Оксана Васильевна — д.ю.н., профессор РАНХ
и ГС при Президенте РФ, зав.каф.

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

ЭКОНОМИКА

Волчков Д.А., Лаптиев С.В., Замчалов С.А. – Методические подходы по совершенствованию автоматизации процессов контроля жизненного цикла вещевого имущества на всех уровнях системы вещевого обеспечения

Volchkov D., Laptiyov S., Zamchalov S. – Methodological approaches towards optimization of processes of control of the life cycle of material items on all levels of the system of material supplies 5

Демин С.С., Столяров Н.С., Семенова А.А. – Стратегия развития воздушного транспорта в условиях глобализации мировой экономики

Demin S., Stolyarov N., Semenova A. – Strategy for the development of air transport in the globalized world economy 12

Лебедев Н.А. – Механизмы внедрения инновационных технологий: реальная отраслевая динамика

Lebedev N. – Mechanisms for introducing innovative technologies: real industry dynamics 20

Липатов А.Г. – Возможности использования информационных технологий в системе доставки грузов

Lipatov A. – Possibilities of using information technologies in the cargo delivery system 26

Овчинников А.П. – Стратегии инновационных предприятий в условиях импортозамещения

Ovchinnikov A. – Strategies of innovative enterprises in the conditions of import substitution 31

Реснянская Е.А. – Стратегия и регулирование трансграничной электронной торговли

Resnyanskaya E. – Cross-border e-commerce strategy and regulation 35

Сандлер Д.Г., Островкин Д.Л. – Реализация программ развития вузов на основе проектного управления

Sandler D., Ostrovkin D. – Realization of higher educational institutions development programs based on project management 38

Соловьева Н.В. – Теоретические положения исследования рисков компаний химической промышленности

Solovieva N. – Theoretical provisions of risk research of chemical industry companies 46

Юдина Н.В., Мельничук М.В. – Актуальные проблемы языковой политики России на современном этапе

Yudina N., Melnichuk M. – Modern tendencies of language policy of Russia at the present stage 50

Право

Голенев В.В. – Актуальные проблемы определения налоговой обязанности по налогу на имущество организаций в контексте решений высших судебных инстанций

Golenev V. – Actual problems of determining the tax liability on the property of organizations in the context of decisions of the highest courts 57

Голенев В.В. – Действительная налоговая обязанность налогоплательщика: проблемы определения в судебной практике

Golenev V. – Substantial tax obligation of a taxpayer: problems of definition in judicial practice 61

Гудков А.П. – О специфике объективной стороны преступного мошенничества в сфере закупок товаров, работ и услуг для государственных и муниципальных нужд

Gudkov A. – On the specifics of the objective side of criminal fraud in the field of procurement of goods, works and services for state and municipal needs 66

Мажинский Р.А. – Некоторые проблемы привлечения несовершеннолетних к уголовной ответственности за угон транспортного средства
Mazhinsky R. – Some problems of bringing minors to criminal responsibility for vehicle theft. 71

Петров А.В., Горбатова М.К., Домнина А.В. – Генезис правосознания
Petrov A., Gorbatova M., Domnina A. – Genesis of legal awareness 74

Шереметьева Н.В., Калашников С.С., Василенко Е.О. – К вопросу «непоимованности» в исполнительном производстве
Sheremeteva N., Kalashnikov S., Vasilenko E. – To the question of "nepoimenovannosti" in the enforcement proceedings 79

Шереметьева Н.В., Шереметьева Н.Г. – К вопросу о доходах, на которые невозможно обратить взыскание в исполнительном производстве

Sheremeteva N., Sheremeteva N. – On the question of income that cannot be foreclosed in the enforcement proceedings 83

Информация

Наши авторы. Our Authors..... 86

Требования к оформлению рукописей и статей для публикации в журнале..... 87

МЕТОДИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ ПО СОВЕРШЕНСТВОВАНИЮ АВТОМАТИЗАЦИИ ПРОЦЕССОВ КОНТРОЛЯ ЖИЗНЕННОГО ЦИКЛА ВЕЩЕВОГО ИМУЩЕСТВА НА ВСЕХ УРОВНЯХ СИСТЕМЫ ВЕЩЕВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ

METHODOLOGICAL APPROACHES TOWARDS OPTIMIZATION OF PROCESSES OF CONTROL OF THE LIFE CYCLE OF MATERIAL ITEMS ON ALL LEVELS OF THE SYSTEM OF MATERIAL SUPPLIES

**D. Volchkov
S. Laptiyov
S. Zamchalov**

Summary: The paper contains a review of main trends of digital transformation. The need for implementation of the concept of life cycle for increase of efficiency of use of material items is substantiated. A new approach towards the structure of life cycle of material items is proposed. Principles of cooperation of the military organization and external operators within the life cycle of material items are described. Recommendations for selection of digital technologies for management of different stages of life cycle of material items are formulated. A list of conditions of effective digital management of life cycle of material items is proposed.

Keywords: material items, digitalization, life cycle, system of material supplies.

Волчков Дмитрий Александрович

Соискатель, ФГКВООУ ВО «Военная академия
материально-технического обеспечения
им. генерала армии А.В. Хрулёва»
dassis@mail.ru

Лаптийёв Станислав Владимирович

К.э.н., преподаватель, ФГКВООУ ВО «Военная академия
материально-технического обеспечения
им. генерала армии А.В. Хрулёва»
stas0713@yandex.ru

Замчалов Сергей Александрович

Соискатель, ФГКВООУ ВО «Военная академия материально-
технического обеспечения
им. генерала армии А.В. Хрулёва»
Brogon32@ya.ru

Аннотация: В статье дан обзор основных тенденций цифровой трансформации. Обоснована необходимость применения концепции жизненного цикла для повышения эффективности использования вещевого имущества. Предложен новый подход к структуре жизненного цикла предметов вещевого обеспечения. Описаны принципы сотрудничества между военной организацией и внешними операторами при реализации жизненного цикла вещевого имущества. Сформулированы рекомендации по выбору цифровых технологий для управления разными стадиями жизненного цикла вещевого имущества. Предложен перечень условий эффективного цифрового управления жизненным циклом вещевого имущества.

Ключевые слова: вещевое имущество, цифровизация, жизненный цикл, система вещевого обеспечения.

В качестве основного инструмента повышения эффективности производственных процессов в настоящее время выступают цифровые технологии. Их ключевые преимущества:

1. Замещение живого (в т.ч. управленческого) труда автоматизированными и роботизированными системами (включая использование искусственного интеллекта). Это позволяет минимизировать вероятность случайных и преднамеренных ошибок (неизбежных в деятельности человека) и добиться стабильного качества выполнения процессов. Важно понимать, что происходящая сейчас умная автоматизация отличается от автоматизации производственных процессов, имевшей место ранее. Ранее автоматизировались рутинные операции, выполнение которых могло быть запрограммировано заранее. В случае умной автоматизации система способна сама принимать решения о режи-

ме выполнения производственного процесса, т.е. замещается не только физический труд человека, но и интеллектуальный труд;

2. Замещение и дополнение реальных производственных активов виртуальными (цифровые двойники, дополненная реальность, киберфизические системы). За счет этого снижаются издержки производства (поскольку часть стадий изготовления изделий выполняется в цифровом, а не материальном виде);
3. Тотальный сбор информации о производственных системах (технологии больших данных), благодаря чему повышается качество управления (происходит непрерывное отслеживание состояния производственного процесса и нужд потребителей и постоянная адаптация параметров производства к текущей ситуации).

В предлагаемой работе мы попытаемся оценить потенциал цифровизации процессов вещевого обеспечения (ВО) в привязке к жизненному циклу предметов вещевого обеспечения и разработать алгоритм внедрения цифровых технологий в сферу управления ВО по всем стадиям жизненного цикла.

Согласно п. 3.16 [6], жизненный цикл (ЖЦ) изделия представляет собой «Совокупность явлений и процессов, повторяющаяся с периодичностью, определяемой временем существования типовой конструкции изделия от ее замысла до утилизации или конкретного экземпляра изделия от момента завершения его производства до утилизации». Для типовой конструкции изделия выделяются следующие ключевые стадии: разработка (проектирование конструкции, изготовление и испытания опытных образцов, технологическая подготовка производства), производство, эксплуатация и утилизация. Для конкретного изделия выделяются стадии эксплуатации и утилизации.

Отметим, что наряду с нормативным определением ЖЦ, существуют и альтернативные подходы к пониманию содержания жизненного цикла. По своей сути они не отличаются от нормативного определения, а лишь детализируют и конкретизируют его. В частности, в исследовании [4] предлагается разделять ЖЦ на периоды создания (в ходе которого происходит разработка и производство изделия) и использования (в течение которого изделие проходит путь от введения в эксплуатацию до ликвидации). При этом эксплуатация, согласно [4], не является непрерывным этапом. Эксплуатация может на некоторое время прерываться для модернизации изделия (модернизация выступает в качестве самостоятельного этапа). Также в качестве самостоятельных этапов выделяются ремонт и консервация. Очевидно, что ремонт, консервация и модернизация имеют место не для всех изделий, тем не менее, включение их в состав ЖЦ представляется оправданным, поскольку они позволяют точнее понять режим функционирования изделия в течение периода его использования. Кроме того, в работе [4] делают важное наблюдение о возможности нелинейной последовательности этапов ЖЦ.

Анализ нормативного определения ЖЦ, с учетом специфики организации процессов ВО, показывает следующее:

1. Необходимо разграничивать жизненный цикл типовой конструкции изделия и жизненный цикл конкретного изделия. ЖЦ типовой конструкции включает в себя ЖЦ конкретного изделия. У ЖЦ конкретного изделия отсутствуют стадии разработки и производства, и, кроме того, реализация ЖЦ конкретного изделия будет зависеть от условий его использования, стратегии организации и т.д. Это означает, что подход к цифровизации различных стадий жизненного цикла будет разным

для типовой конструкции и для конкретного изделия. Как вариант, цифровизация ЖЦ конкретного изделия может выступать в качестве одного из элементов цифровизации управления ЖЦ типовой конструкции;

2. Часть стадий может находиться вне сферы ответственности военной организации. При этом отдельные стадии могут быть полностью выведены за пределы военной организации (в случае ЖЦ типовой конструкции такими стадиями являются разработка, производство и, возможно, утилизация), тогда как другие могут осуществляться военной организацией в партнерстве с внешними структурами. В частности, в условиях распространения контрактов жизненного цикла эксплуатация (которая включает в себя текущий ремонт) может осуществляться с привлечением внешнего партнера. По этой причине внедрение цифровых технологий в сфере ВО должно носить сквозной характер, т.е. охватывать не только внутренние процессы ВО военной организации, но и внешние процессы, выполняемые сторонними структурами. Таким образом, интеграция системы ВО и ее гражданских партнеров должна носить не только организационный (предполагающий выстраивание организационных взаимодействий) и технологический (связность технологических процессов по всем стадиям ЖЦ), но и информационный (основанный на единой цифровой системе) характер. Очевидно, что такая тесная интеграция системы ВО и ее коммерческих подрядчиков создает для системы ВО дополнительные уязвимости из-за сложности согласования моделей организации деятельности, используемых в военной и коммерческой организации. При этом, однако, она позволяет привлечь потенциал гражданских исполнителей для повышения эффективности функционирования системы ВО. По этой причине большое внимание нужно уделять моделям и алгоритмам координации внутренних (контролируемых военной организации) и внешних (находящихся под полным или частичным контролем внешних операторов) элементов ЖЦ и участников системы ВО, обеспечивающих эти элементы ЖЦ. В частности, интеграция внешних операторов и военной организации может усложнить привлечение новых внешних операторов: те операторы, которые уже имеют опыт сотрудничества с военной организацией и обладают навыками взаимодействия в единой цифровой среде, могут быть для военного заказчика наиболее приоритетными и привлекательными партнерами. Их замещение новыми исполнителями (формально более эффективными с точки зрения издержек и/или качества выполнения заказов) может стать для военной организации нежелательным, поскольку их интеграция в единую цифровую сре-

ду управления ЖЦ потребует слишком больших затрат временных и финансовых ресурсов. В результате может произойти фактическое сращивание военной организации и внешних операторов, из-за чего могут возрасти издержки на закупку и снизиться военно-экономический эффект от сотрудничества. Для предотвращения этого риска необходимо либо ввести жесткие (в т.ч. цифровые, на основе больших данных и искусственного интеллекта) инструменты контроля сотрудничества военной организации и внешних операторов [15, 23], чтобы минимизировать вероятность их совместной деятельности в ущерб интересам государства, либо обеспечить максимально простую интеграцию новых партнеров в единую цифровую систему управления ЖЦ. В частности, единая цифровая система управления ЖЦ может быть организована в виде платформы со сравнительно свободным подключением [14]. Эти инструменты могут использоваться совместно.

Цифровизация в настоящее время активно используется для повышения эффективности логистических систем (частным случаем которых является система ВО) [9, 11, 14, 24, 26, 27, 28]. По этой причине ведется активная работа по формированию научно-методического аппарата поддержки внедрения цифровых технологий в сфере ВО. Наибольшее значение, по нашему мнению, имеют исследования А.А. Абдурахмановой, А.Х. Курбанова, Р.А. Красовитова, и А.И. Логачевой [1, 2, 3, 7, 18, 19, 22], в которых в фактически завершённом виде были предложены алгоритмы внедрения цифровых технологий в системе вещевого обеспечения войск (сил). Однако в этих исследованиях цифровизация системы ВО рассматривается без учета ЖЦ предметов ВО. Иными словами, в существующих публикациях речь идет о цифровизации системы ВО, а не о цифровизации управления ЖЦ предметов ВО. Таким образом, эти исследования не соответствуют целям нашей работы.

Отметим, что важность управления ЖЦ продукта для повышения эффективности его использования с точки зрения производителя и потребителя неоднократно подчеркивалась как военными (применительно к предметам ВО, а также к вооружению, военной и специальной технике) [4, 10, 13, 20], так и гражданскими специалистами (применительно к товарам потребительского и промышленного назначения) [29, 30]. Цифровые инструменты управления ЖЦ продукта активно внедряются в практику коммерческих предприятий (при этом имеет место тесная интеграция производителя и потребителя). Военно-гражданское сотрудничество в этом отношении пока отстает от бизнеса, речь идет лишь о внедрении отдельных организационных инструментов по управлению ЖЦ, преимущественно объектов военного назначения длительного пользования (ВВСТ и военной инфраструктуре, где постепенно начинают применяться

контракты жизненного цикла). С учетом постоянно происходящего в военной сфере освоения инструментов гражданского менеджмента можно говорить о потребности в использовании цифровых технологий для повышения эффективности использования предметов ВО на основе управления их ЖЦ.

Предлагаемый нами алгоритм цифрового контроля жизненного цикла предметов ВО представлен в табл. 1. В соответствии с рекомендациями [4], мы, наряду с нормативными этапами ЖЦ, будем также выделять периоды создания и использования. Мы также разбиваем этапы на отдельные фазы. Табл. 1 содержит описание ЖЦ типовой конструкции изделия. Для конкретных образцов рекомендации по управлению ЖЦ нами не разрабатываются с учетом разнородности условий их эксплуатации.

Начальной фазой ЖЦ, по нашему мнению, является идентификация потребности в разработке нового изделия или в модернизации уже существующего. Мы относим модернизацию к периоду создания (или к этапу разработки), хотя специалисты считают, что она входит в этап эксплуатации. Необходимо принимать во внимание тот факт, что, хотя в источниках ЖЦ рассматривается как линейная последовательность неперекрывающихся этапов, на практике, как показано в работе [4], ситуация является более сложной. Этапы могут не только частично перекрываться во времени, но и сама их последовательность может быть нелинейной. В ходе эксплуатации может возникнуть потребность в доработке изделия, что логически означает возвращение к этапу разработки. Фактически в этом случае изделие будет находиться на двух стадиях (и даже в двух разных периодах) ЖЦ одновременно – стадии эксплуатации и стадии разработки (соответственно, в периоде создания и использования).

Идентификация потребности происходит на основе выявления несоответствия характеристик предметов ВО потребностям военной организации (вследствие изменения условий несения службы, возникновения новых запросов и предпочтений у военнослужащих, изменения финансовых возможностей военной организации и т.д.). Для выявления этого несоответствия будут использоваться технологии больших данных, при помощи которых будет аккумулироваться информация о характере эксплуатации изделия. Сбор информации будет происходить при помощи радиоэлектронных меток (которые будут оснащаться предметами ВО) и обрабатываться на основе искусственного интеллекта. Эта фаза реализуется военной организацией.

Запрос на разработку нового изделия (или модернизацию уже существующего) будет формироваться при помощи больших данных и искусственного интеллекта. Искусственный интеллект при помощи информации, собранной в цифровой системе ВО, сможет подготовить предварительные рекомендации по совершенствованию

Таблица 1.

Управление жизненным циклом предметов вещевого обеспечения на основе цифровых технологий

Период	Этап	Фаза	Ответственный исполнитель	Используемые цифровые технологии
Создание	Разработка (модернизация)	Идентификация потребности	Военная организация	Большие данные, RFID, искусственный интеллект
		Формирование запроса	Военная организация	Большие данные, искусственный интеллект
		Разработка технического задания	Военная организация	Цифровой двойник, искусственный интеллект
		Подготовка опытного образца	Внешний оператор	Цифровой двойник, искусственный интеллект
		Испытания	Внешний оператор, военная организация	Цифровой двойник, искусственный интеллект
		Подготовка производства	Внешний оператор, военная организация	Цифровой двойник
	Производство	Серийный выпуск изделия	Внешний оператор	Промышленная киберфизическая система
Использование	Эксплуатация	Использование изделия по назначению	Военная организация	RFID, большие данные
		Контроль состояния изделия	Военная организация, внешний оператор	RFID, большие данные, искусственный интеллект
		Сервисное обслуживание изделия	Внешний оператор	RFID, большие данные
		Списание изделия	Военная организация	RFID, большие данные, искусственный интеллект
	Утилизация	Ликвидация изделия	Внешний оператор	Большие данные

нию предмета ВО. Речь не идет о том, что искусственный интеллект должен полностью заместить специалистов вещевого обеспечения. Предполагается, что при необходимости сравнительно небольших доработок запрос сможет быть в полном объеме подготовлен искусственным интеллектом. Напротив, если есть потребность в разработке принципиально нового изделия, искусственный интеллект подготовит лишь предварительные рекомендации, тогда как окончательное решение будет приниматься специалистами вещевого обеспечения. Эта фаза также реализуется военной организацией.

Разработка технического задания на создание нового изделия (модернизацию уже существующего) будет выполняться специалистами вещевого обеспечения военной организации при поддержке искусственного интеллекта, который будет оказывать содействие в подборе оптимального варианта. На этой фазе может потребоваться цифровой двойник перспективного изделия для предварительного моделирования его характеристик. Это означает, что цифровая система ВО должна иметь достаточный технологический уровень для того, чтобы создавать цифровые двойники. Хотя для этой задачи могут привлекаться и сторонние операторы, тем не менее, с

организационно-экономической точки зрения передача подготовки технического задания на аутсорсинг (даже частично) нам представляется нежелательной. Компании, которые не имеют опыта поставок предметов ВО в интересах военной организации, не обладают достаточными компетенциями для разработки технического задания. Если компания, выполняющая подготовку технического задания, имеет опыт сотрудничества с военной организацией, то это может дать ей нежелательные преимущества в тендере на разработку и подготовку производства предмета ВО (этот тендер также относится к фазе разработки технического задания).

Следующие фазы в рамках этапа разработки будут выполняться внешним оператором (отобранным по результатам тендера в фазе разработки технического задания), при этом в отдельные моменты (в частности, для проведения испытаний и принятия окончательного решения о соответствии образца заявленным техническим требованиям) будет привлекаться военная организация. Отметим, что тендер может носить предварительный характер: по его итогам может быть отобрано несколько операторов, каждый из которых будет самостоятельно разрабатывать промышленный образец. Окончатель-

ный тендер будет проведен в фазе испытаний, когда оптимальный образец будет отобран военным заказчиком.

В фазе подготовки опытного образца внешний оператор, отобранный по результатам тендера, будет, на основе технического задания и предварительных цифровых двойников изделия, разработанных военной организацией, создавать физический образец изделия. Однако часть работ будет проводиться в цифровом формате, при помощи новых цифровых двойников изделия, разработанных с учетом производственных возможностей оператора и уточненных условий эксплуатации. Использование цифровых двойников позволит значительно сократить фазу подготовки, поскольку в материальной, физической форме будут создаваться только те образцы, чьи характеристики оптимально соответствуют требованиям технического задания (иными словами, предварительный отбор образцов будет происходить при помощи цифровых двойников).

Испытания будут также частично проводиться в цифровом формате, чтобы не моделировать в материальном виде все условия эксплуатации. После проведения испытаний будет отобран оптимальный вариант изделия (и, в случае необходимости, оператор, разработавший этот образец, если в фазе подготовки опытного образца участвовало несколько потенциальных исполнителей). Очевидно, что проведение цифровых испытаний требует очень точного моделирования условий эксплуатации. По этой причине в данной фазе необходимо организовать эффективное взаимодействие военной организации и гражданского исполнителя. Военная организация должна не только оценивать результаты испытаний, но и предоставлять разработчикам информацию об условиях эксплуатации и, возможно, участвовать в подготовке цифровых двойников условий эксплуатации.

В фазе подготовки производства внешний оператор налаживает производственную линию, на которой будет выпускаться изделия. Поскольку в настоящее время производственные цепочки носят распределенный характер и них задействовано множество исполнителей, речь идет о выстраивании аутсорсинговой цепочки, которая будет координироваться внешним оператором [8, 16]. Задача внешнего оператора – отобрать аутсорсеров второго (и более низкого) уровня, проверить качество их работы и выстроить цифровой двойник производственной системы, при помощи которого будет осуществляться интеграция участников. В этой фазе возможно участие военной организации, которая также будет контролировать качество функционирования распределенной производственной цепочки (в частности, она может задать критерии отбора аутсорсеров второго уровня, чтобы обеспечить безопасность этой цепочки). Результатом подготовки производства является единая киберфизическая система, обеспечивающая технологическую и производственную интеграцию всех участников рас-

пределенной аутсорсинговой цепочки.

Именно эта единая киберфизическая система будет обеспечивать производство изделия в интересах военной организации.

В ходе эксплуатации конкретного изделия осуществляется непрерывный мониторинг его местонахождения, состояния и условий эксплуатации при помощи радиоэлектронных меток. Собираемая информация поступает в единую информационную систему ВО, где она обрабатывается и хранится. Часть этой информации (носящая несекретный характер) передается внешнему оператору, чтобы он мог осуществлять текущую доработку изделия. Кроме того, на основе собранной информации принимается решение о необходимости сервисного обслуживания.

Сервисное обслуживание изделия также осуществляется внешним оператором – однако не обязательно тем же, который осуществлял его производство. Сервисное обслуживание предполагает ремонт изделия, в зависимости от специфики изделия – его прачечное обслуживание и иные виды сервиса. Проведение таких работ не относится к профилю деятельности производственного предприятия, отвечающего за выпуск изделия. Таким образом, военная организация может самостоятельно провести отбор специализированного оператора, который возьмет на себя выполнение соответствующих работ. Отметим, что ранее эти работы выполнялись военной организацией самостоятельно, однако в ходе освобождения силовых структур государства от непрофильных функций эти задачи были переданы коммерческим операторам [5, 17, 21, 25]. С другой стороны, в рамках управления ЖЦ, производитель может привлечь по контракту сервисную организацию, которая возьмет на себя обслуживание изделия. В этом случае оператор-производитель обеспечит военную организацию полным производственно-сервисным сопровождением изделия на всех этапах ЖЦ. В ходе сервисного обслуживания также будет собираться информация об изделии, которая будет аккумулироваться у оператора и у военной организации (или в единой цифровой системе ВО с возможностью доступа к этой информации для внешнего оператора). Это позволит отслеживать информацию о состоянии изделия и оптимизировать режим его использования.

Списание изделие происходит в автоматизированном режиме на основе решения искусственного интеллекта, принимаемого путем анализа информации о состоянии изделия. В случае дорогостоящих изделий или необходимости одновременного списания большого количества предметов ВО может потребоваться подтверждение этого решения специалистами вещевой службы. Таким образом, списание представляет собой рутинную процедуру, которая может (по крайней мере,

частично) выполняться без привлечения «живых» специалистов.

Утилизация изделия осуществляется в соответствии с регламентом, как правило, внешним оператором. Информация об утилизации регистрируется в единой цифровой системе ВО, как и в случае сервисного обслуживания, этим оператором может быть как непосредственный производитель, так и иной провайдер услуг. Отбор стороннего провайдера услуг утилизации может осуществляться производителем (в ситуации, когда он берет на себя полное сервисное сопровождение предметов ВО на всех стадиях ЖЦ, хотя он может осуществлять это сопровождение с привлечением сторонних провайдеров), так и военной организацией. Можно предположить, что в среднесрочной перспективе полная интеграция провайдеров, обеспечивающих производственное и сервисное сопровождение предметов ВО, будет осуществляться единым внешним оператором.

Проведенный выше анализ показывает, что для эффективного цифрового управления жизненным циклом предметов ВО необходимо выполнение следующих условий:

1. Цифровая интеграция вещевой службы и внешних операторов, занимающихся разработкой, производством и обслуживанием предметов ВО. Поскольку ЖЦ изделия является единым, необходимо также обеспечить единство всех организаций, которые участвуют в ЖЦ;
2. Полный охват цифровыми технологиями всей системы ВО – от разработки и производства до повседневной эксплуатации предметов ВО. Эта цифровая система охватывает все уровни системы ВО: всю систему ВО в целом, ее отдельные элементы (производственные, логистические и сервисные подразделения), а также отдельные предметы ВО. Кроме того, она должна охватывать все периоды, этапы и фазы ЖЦ. Таким образом, применение цифровых технологий должно быть сквозным;
3. Эффективное цифровое управление ЖЦ предметов ВО требует широкого спектра технологий (RFID, большие данные, искусственный интеллект,

цифровые двойники, киберфизические системы и т.д.) [2]. Отметим, что в состав этих технологий не входит набирающая популярность технология блокчейн [12]. Потенциал ее использования в сфере управления ЖЦ невысок. Тем не менее, она может применяться для регистрации обязательств между военной организацией и внешними операторами, а также для учета совершаемых ими операций;

4. С учетом высокого уровня развития современных цифровых технологий нецелесообразно ограничиваться только автоматизацией рутинных процессов ВО. Необходимо применять умную автоматизацию на основе искусственного интеллекта и технологии больших данных, которая позволит обеспечить поддержку принятия решений в системе ВО и частично автоматизировать процедуры принятия решений;
5. Наличие подробной информации о состоянии, местоположении и условиях эксплуатации предметов ВО, что требует использования системы электронных маркеров и датчиков для сбора такой информации, а также, вероятно, облачных технологий для ее хранения и обработки.

Наши выводы:

- цифровая трансформация современной экономики требует освоения цифровых технологий в системе ВО силовых структур государства, в противном случае уровень эффективности этой системы будет снижаться;
- эксплуатация предметов ВО должна осуществляться на основе управления их ЖЦ с применением цифровых технологий;
- при управлении ЖЦ предметов ВО нужно привлекать во внимание возможность нелинейной последовательности этапов ЖЦ, а также то, что разные этапы могут выполняться разными организациями, что требует наличия прозрачного механизма их взаимодействия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абдурахманова Э.Э., Бабенков А.В., Курбанов А.Х. Методические подходы к оценке военно-экономического эффекта от цифровизации логистики в системе материально-технического обеспечения военных потребителей // Вопросы оборонной техники. Серия 16: Технические средства противодействия терроризму. – 2019. – № 5-6. – С. 54-62.
2. Абдурахманова Э.Э., Курбанов А.Х. Цифровые технологии в системе материально-технического обеспечения: оценка рисков // Компетентность. – 2020. – № 5. – С. 10-14.
3. Абдурахманова Э.Э., Курбанов А.Х., Лаптиев С.В. Методические основы внедрения цифровых технологий в системе материально-технического обеспечения Вооруженных Сил Российской Федерации // Экономический вектор. – 2020. – № 2. – С. 78-84.
4. Гасюк Д.П., Дубовский В.А., Гурьянов А.В. Проблема обоснования облика системы управления полным жизненным циклом ракетного комплекса сухопутных войск // Известия Российской академии ракетных и артиллерийских наук. – 2020. – № 2. – С. 29-33.
5. Горшенин Д.Ю., Ревин В.В. Военно-гражданская интеграция в системе материально-технического обеспечения // Научный вестник Вольского военного

- института материального обеспечения: военно-научный журнал. – 2014. – № 2. – С. 98-99.
6. ГОСТ Р 56135-2014. Управление жизненным циклом продукции военного назначения. Общие положения. Утвержден и введен в действие Приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 19 сентября 2014 г. № 1155-ст.
 7. Groshkov D.V., Krasovitsov P.A., Kurbanov A.X. Порядок внедрения технологий «Индустрии 4.0» в процесс вещевого обеспечения военных потребителей // Вестник Алтайской академии экономики и права. – 2018. – № 5. – С. 100-106.
 8. Deментьев В.Е., Новикова Е.С., Устюжанина Е.В. Место России в глобальных цепочках создания стоимости // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2016. – Т. 12. – № 1. – С. 17-30.
 9. Дмитриев А.В. Цифровые технологии прослеживаемости грузов в транспортно-логистических системах // Стратегические решения и риск-менеджмент. – 2019. – Т. 10. – № 1. – С. 20-27.
 10. Дубовский В.А., Курбанов А.Х., Плотников В.А. Сетевая модель планирования и управления процессами жизненного цикла вооружения и военной техники: процедура построения и реализации // Известия Российской академии ракетных и артиллерийских наук. – 2020. – № 3. – С. 39-45.
 11. Жизневский А.Н., Курбанов А.Х., Титов В.А. Методика военно-экономического обоснования внедрения системы автоматизированного учета вещевого имущества в военной организации на основе применения контрольных идентификационных знаков // Экономика и предпринимательство. – 2018. – № 6. – С. 889-895.
 12. Зеленков Г.А., Лисафеева В.В. Применение технологии блокчейн при перевозке контейнеров через порт Новороссийск // Экономический вектор. – 2019. – № 4. – С. 22-28.
 13. Кандыбко Н.В., Курманов А.Т. Управление жизненным циклом высокотехнологичной продукции военного назначения // Менеджмент качества. – 2019. – № 2. – С. 128-134.
 14. Князьнеделин Р.А., Бекмурзаев И.Д., Титов В.А. Повышение эффективности системы государственных закупок на основе цифровых платформ // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Экономика и управление. – 2019. – № 2. – С. 53-61.
 15. Когденко В.Г. Исследование системы государственных закупок: анализ недобросовестных поставщиков // Экономический анализ: теория и практика. – 2020. – Т. 19. – № 3. – С. 430-453.
 16. Котляров И.Д. Формы аутсорсинга в современной международной торговле // Мировая экономика и международные отношения. – 2011. – № 6. – С. 65-72.
 17. Котляров И.Д. Организация эффективного военно-гражданского сотрудничества // Ресурсное обеспечение силовых министерств и ведомств: вчера, сегодня, завтра. Сборник статей II Международной научно-практической конференции. Пермь: Пермский военный институт войск Национальной гвардии Российской Федерации, 2016. – С. 177-181.
 18. Красовитов Р.А. Методика оценки военно-экономического эффекта, получаемого при внедрении технологий «Индустрии 4.0» в сфере вещевого обеспечения военных потребителей // Наука Красноярья. – 2018. – Т. 7. – № 2. – С. 57-76.
 19. Красовитов Р.А., Курбанов А.Х. Научно-методическое сопровождение внедрения концепции «Индустрии 4.0» в сфере вещевого обеспечения военных потребителей // Экономика и предпринимательство. – 2017. – № 10-2 (87-2). – С. 761-767.
 20. Курбанов А.Х. Структура и специфика жизненного цикла изделий, закупаемых в интересах ведомственных логистических систем // Исследование инновационного потенциала общества и формирование направлений его стратегического развития. Сборник научных статей 8-й Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Курск: Университетская книга, 2018. – С. 165-170.
 21. Курбанов А.Х., Плотников В.А. Аутсорсинг: история, методология, практика. М.: Инфра-М, 2012. – 112 с.
 22. Логачева А.И. Вещевая служба военной организации государства в условиях цифровизации экономики и промышленности // Теория и практика сервиса: экономика, социальная сфера, технологии. – 2018. – № 2. – С. 41-45.
 23. Молчанова Г.О., Рей А.И., Шагаров Д.Ю. Обнаружение признаков горизонтального сговора при государственных закупках с использованием методов машинного обучения // Экономическая наука современной России. – 2020. – № 1. – С. 109-127.
 24. Плещенко В.И. Закупки в условиях перехода к Индустрии 4.0: особенности и перспективы // Логистика сегодня. – 2018. – № 1. – С. 66-72.
 25. Плотников В.А. Интеграция военного и гражданского секторов экономики как тенденция строительства военной организации страны (по материалам Тыла Вооруженных Сил Российской Федерации) // Вооружение и экономика. – 2010. – № 2. – С. 85-88.
 26. Плотников В.А. Цифровизация как закономерный этап эволюции экономической системы // Экономическое возрождение России. – 2020. – № 2. – С. 104-115.
 27. Ревин В.В., Михайлов В.В. К вопросу автоматизации процессов управления деятельности служб материально-технического обеспечения // Научный вестник Вольского военного института материального обеспечения: военно-научный журнал. – 2016. – № 3. – С. 39-43.
 28. Сергеев В.И., Дутиков И.М. Цифровое управление цепями поставок: взгляд в будущее // Логистика и управление цепями поставок. – 2017. – № 2. – С. 87-97.
 29. Силаков А.В. Прогнозирование ЖЦТ в условиях нечетких исходных данных // Маркетинг. – 2009. – № 3. – С. 23-31.
 30. Силаков А.В., Силакова В.М. Описание жизненного цикла товара на основе модели диффузии инноваций // Маркетинг и маркетинговые исследования. – 2009. – № 4. – С. 250-263.

© Волчков Дмитрий Александрович (dassis@mail.ru), Лаптиев Станислав Владимирович (stas0713@yandex.ru),

Замчалов Сергей Александрович (Brogon32@ya.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

СТРАТЕГИЯ РАЗВИТИЯ ВОЗДУШНОГО ТРАНСПОРТА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ

STRATEGY FOR THE DEVELOPMENT OF AIR TRANSPORT IN THE GLOBALIZED WORLD ECONOMY

**S. Demin
N. Stolyarov
A. Semenova**

Summary: The article deals with the issues of strategic planning of air transport in the context of globalization. The current planning practice in Russia is compared with the experience of the United States and India. There are bottlenecks in the strategic planning of air transport, in particular, the lack of a strategic audit (control) system. A special place in the article is given to the draft Transport strategy for the period up to 2035, and recommendations are given for finalizing a new version of the Transport strategy.

Keywords: globalization, digitalization, strategic planning, air transport, transport strategy, strategic audit, air transport system, harmonization of regulatory legal regulation of civil aviation.

Демин Сергей Сергеевич
ssdemin@mail.ru

Д.э.н., профессор, Московский авиационный институт
(национальный исследовательский университет), Москва

Столяров Николай Сергеевич

заслуженный экономист Российской Федерации, д.э.н.,
профессор, г.н.с., ФГУП «Государственный
научно-исследовательский институт гражданской
авиации», Москва

Семенова Алла Анатольевна

Д.э.н., профессор, АНО «Российский новый университет»
(РосНОУ), Москва

Аннотация: В статье рассматриваются вопросы стратегического планирования воздушного транспорта в условиях глобализации. Сложившаяся в России практика планирования сравнивается с опытом США и Индии. Отмечаются узкие места в стратегическом планировании воздушного транспорта, в частности, отсутствие системы стратегического аудита (контроля). Особое место в статье уделено проекту Транспортной стратегии на период до 2035 года, даны рекомендации по доработке нового варианта Транспортной стратегии.

Ключевые слова: глобализация, цифровизация, стратегическое планирование, воздушный транспорт, транспортная стратегия, стратегический аудит, авиатранспортная система, гармонизация нормативного правового регулирования гражданской авиации.

Чем обусловлена актуальность стратегического планирования?

Жизнь не стоит на месте – и для того, чтобы предприятие было конкурентоспособным, отрасль успешно развивалась и приносила прибыль, а экономика в целом была жизнеспособной к любым испытаниям, необходимо в управлении (менеджменте) при принятии решений добиваться концептуальной ясности, аналитической стройности, понимания внутренней логики управляемой системы. И на этой основе предвидеть и прогнозировать последствия принимаемых решений, что является объективной необходимостью управления на любом этапе общественно- исторического развития. В современных же условиях – особенно. Рассмотрим это на примере воздушного транспорта – жизненно важной отрасли экономики.

Первое. Стратегический взгляд в будущее авиации приобретает исключительную важность в условиях пандемии. Ведь все, что происходит сегодня в мировой и российской гражданской авиации, обусловлено кризисом, вызванным пандемией. Кризис оказал свое деструктивное воздействие на все – без исключения – составляющие транспортного комплекса России, в том числе и на

гражданскую авиацию. Резкое снижение пассажирских авиаперевозок (от 30% до 70% пассажирооборота), в одночасье ставшим критическим финансовое положение многих авиакомпаний, вынужденное сокращение авиапроизводителями выпуска новых самолетов – эти и другие проблемы, вызванные пандемией, лавинообразным потоком нарастают и негативно влияют практически на все сферы экономической жизни страны.

Кризис не вечен, когда-нибудь он с неизбежностью будет преодолен. И уже сегодня нужно смотреть далеко вперед, пытаясь четко определить ориентиры развития гражданской авиации. Важно при этом не оказаться в плену сложившихся и устаревших стереотипов. Вполне очевидно, что гражданская авиация, выйдя из кризиса, уже не будет прежней. Эти ожидания разделяют и руководители авиакомпаний.

Международная ассоциация воздушного транспорта (IATA) сообщила, что 2020 год станет худшим в истории авиаперевозок. В текущем году объем пассажирских авиаперевозок в мире уменьшится на 54,7 процента, количество пассажиров сократится почти в два раза — до 2,25 миллиардов, чистые потери авиакомпаний во всем мире составят около 84 млрд USD (прогноз IATA). Ожи-

дается, что в 2021 году пассажиропоток вырастет на 55 процентов. При этом он все равно будет на 29 процентов ниже, чем в 2019 году, и дополнительные финансовые потери составят около 15 млрд USD. Таким образом, всего, по оценкам IATA, из-за пандемии авиаперевозчики во всем мире могут потерять до 100 млрд USD. Для сравнения - во время глобального финансового кризиса в 2008-2009 гг. авиакомпании потеряли 31 млрд USD [15].

Существует, однако, и более пессимистические прогнозы, основанные на том, что принимаемых для восстановления отрасли мер недостаточно, что в ближайшее время вряд ли удастся изменить возникшее недоверие к воздушному транспорту.

Действительно, должных оснований для радужных прогнозов нет:

- текущие операционные затраты и срочные финансовые обязательства авиакомпаний продолжают расти и на государственную помощь в необходимом объеме при дефиците федерального бюджета рассчитывать не приходится;
- мировые авиастроители уже заявили, о значительном (на 40%) сокращении выпуска пассажирских самолетов, и вполне очевидно, что продукция отечественных авиастроителей пока не в состоянии быть конкурентоспособной, чтобы обеспечить потребность в новых самолетах и технологиях; парк воздушных судов России на 73,5 % представлен зарубежными изделиями, а из остальных 26,5% половина машин вступила в эксплуатацию еще в советское время;
- система подготовки и переподготовки авиационного персонала, включая современные тренажерные технологии, остается консервативной и неспособной адекватно реагировать на вызовы, порожденные кризисом;
- транспортная доступность малонаселенных и труднодоступных регионов страны все еще остается неразрешимой проблемой, доставшейся в наследство от прошлых времен; для сравнения: в США на 100.000 населения приходится 76,5 самолетов малой авиации, у нас же - всего 3,1.

Перечень проблем гражданской авиации, осложнившихся в условиях кризиса, вызванного пандемией, можно было бы продолжить, но и сказанного достаточно, чтобы сделать *вывод*: никоим образом не принижая значимость оперативных и тактических (текущих) посткризисных мер, необходимо безотлагательно и на научной основе разработать долгосрочную стратегию развития воздушного транспорта, предусмотрев поэтапное планирование движения к намеченной цели, а именно – формированию нового облика гражданской авиации.

Второе. Новая парадигма стратегии развития воздушного транспорта обусловлена не только (и не столь-

ко) стремительно ворвавшейся в нашу жизнь пандемией. Пересмотр ориентиров в области гражданской авиации уже давно назрел и связан с тотальной цифровизацией. «Формирование цифровой экономики - подчеркивает Президент Российской Федерации В.В. Путин, - это вопрос национальной безопасности и независимости России, конкуренции отечественных компаний» [1]. Сегмент цифровых технологий занимает все более значительное место в развитии транспортной инфраструктуры и логистических цепочек и являет собой общемировую тенденцию, характерную и для нашей страны. К сожалению, на сегодняшний день Россия не играет лидирующей роли в этом процессе, однако справедливости ради следует отметить, что за последние годы в нашей стране сделано и многое делается для цифровой трансформации транспортного комплекса. Так, создана Единая государственная информационная система обеспечения транспортной безопасности (ЕГИС ОТБ), позволяющая надежно контролировать пассажирские перевозки – от отдельного пассажира до конкретного транспортного средства. Данная система получила высокую оценку со стороны зарубежных партнеров и признана одной из лучших среди аналогичных систем, используемых в мировой практике.

Компанией «Аэрофлот» испытана и внедрена цифровая технология, позволяющая отслеживать технические состояния агрегатов и узлов воздушного судна во время полета. Огромный поток информации передается в наземную службу технического обслуживания и ремонта и систематизируется в ней. Результат – своевременная замена изношенных деталей, а главное – повышение авиационной безопасности.

Значительных ассигнований потребует цифровая трансформация аэропортов. Аэропорт будущего – это целая экосистема, способная обработать огромное количество данных, свести к минимуму время ожидания в контрольно-пропускных пунктах. Во всем мире спектр услуг, предоставляемых аэропортами, постоянно расширяется. С этой целью логистическо-торговые терминалы превращаются в крупные экономические центры – так называемые аэропорты-города (aerotropolis), способные к комплексному клиентоориентированному обслуживанию пассажиров.

Можно предположить, что уже к 2025 году цифровая трансформация существенно изменит рынок авиаперевозок. К этому времени большинство населения планеты будет представлено постцифровыми поколениями, которые выросли в условиях онлайн-сервисов в быту и привыкли использовать свои мобильные устройства в качестве «пультов управления жизнью». Уже сегодня 54,5% авиапассажиров используют онлайн-регистрацию через мобильное приложение, сайт, сервисы автоматической регистрации в аэропорту. К 2021 году 79% ави-

акомпаний планируют ввести сервисы трекинга (отслеживания) багажа [2].

Разумеется, цифровая трансформация воздушного транспорта не может быть конгломератом отдельных, разрозненных нововведений, а являет собой системное движение в будущее, к новому технологическому укладу, что в свою очередь предполагает системное стратегическое планирование.

Системное стратегическое планирование должно включать:

- финансирование мероприятий цифровой трансформации, включая все источники финансирования, в том числе расходы на НИОКР, субсидий и средств государственного задания, займов и субвенций;
- оценку цифровой зрелости государственных услуг и функций;
- перспективы развития информационных систем, ресурсов и IT-инфраструктуры;
- показатели достижения результативности цифровой трансформации (государственные услуги; контрольно-надзорная функция в сфере транспорта, государственная функция, развитие информационно-телекоммуникационной инфраструктуры и пр).

Третье. Глобализационные процессы последнего десятилетия вносят огромные изменения в мировую систему воздушных перевозок. В стратегии национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом президента Российской Федерации № 683 от 31 декабря 2015 года, особо подчеркивается: "Процесс формирования новой политической модели мироустройства сопровождается ростом глобальной и региональной нестабильности. Обостряются противоречия, связанные с неравномерностью мирового развития, углублением разрыва между уровнями благосостояния стран, борьбой за ресурсы, доступом к рынкам сбыта, контролем над транспортными артериями."

Правительства многих стран сделали ставку на поддержку своих ведущих авиаперевозчиков:

- крупнейшая в Европе авиакомпания Lufthansa получит от властей Германии €9 млрд (около 700 млрд руб.) в обмен на 20% акций;
- правительство небольшой прибалтийской страны Латвии вложит в уставный капитал авиакомпании Air Baltic €150 млн (около 11,7 млрд. руб.);
- правительство США выделило \$25 млрд. (1,75 трлн руб.) на поддержку крупнейших перевозчиков (частично безвозмездно, частично в виде кредита), в том числе American Airlines получит \$5,8 млрд, Delta Airlines — \$5,4 млрд;
- на дополнительную антикризисную поддержку российских авиакомпаний правительство выде-

лило 23,4 млрд. руб., на поддержку аэропортов – около 10,9 млрд руб. Кроме того, "Аэрофлот" в рамках поддержки системообразующих организаций может получить пятилетние госгарантии для кредитования в банках, в том числе в Сбербанке. Процентная ставка по кредитам, как ожидается, может составить от 6,5 до 7% годовых. [16]

Таким образом, в условиях глобализации и связанного с нею соперничества мировых держав необходимо умение смотреть далеко вперед, предвидеть последствия происходящих и возможных событий, а в конечном счете – на основе научно обоснованного целеполагания принимать грамотные стратегические решения. Транспортная система, важнейшей составной частью которой является воздушный транспорт, должна соответствовать этой общемировой тенденции.

Глобализация и стратегическое планирование: зарубежный опыт

Глобализация – один из самых серьезных вызовов, с которыми столкнулось человечество на исходе XX века. В начале 90-х годов многие ученые заговорили о том, что глобальная экономика принесет не только благоденствие, но и множество кризисов, сопровождающихся тяжелейшими социально-экономическими последствиями для многих миллионов людей. Лауреат Нобелевской премии по рыночной экономике Дж. Стиглиц писал: «Проблема заключается в том, может ли глобализация стать доброй силой, приносящей благо бедным всего мира, – конечно же, она это может. Но ею следует правильно управлять, чего слишком часто не делалось» [3].

Разрушив с началом экономических трансформаций 90-х годов всю систему стратегического планирования централизованного государства, либеральное руководство новой России взяло на вооружение лозунг: «рынок регулирует все и вся». Последствия не замедлили сказаться. И, пожалуй, первой пострадала стратегически важная отрасль – гражданская авиация. Иностранные авиапроизводители запленили рынок своей продукцией, а Россия с неизбежностью утратила статус мировой авиационной державы.

А что же сами Соединенные Штаты Америки? Последовали нашему примеру и свернули свои институты стратегического планирования? Отнюдь. Напротив, значительно усилили их. В январе 1993 года Сенат и Палата представителей Конгресса США приняли закон «О деятельности правительства и его результате» [4], предусматривающий введение стратегического планирования и установки критериев эффективности работы федерального правительства, а также достижение других целей, в частности, «повышать эффективность федеральных программ и публичную отчетность по ним, уделяя большое внимание результатам, качеству услуг и удовлетворе-

нию потребностей клиентов». В такой постановке закон самым непосредственным образом касался качества транспортных услуг, предоставляемых населению.

В то время, как в нашей стране был упразднен Госплан СССР, федеральный закон США обязывает руководителей каждого ведомства представлять директору Административно-бюджетного управления и Конгрессу *стратегический план программных мероприятий*, охватывающий период не менее 5 лет с начала финансового года; при этом план обновляется и пересматривается не реже одного раза в три года.

Примечательно, разработку стратегических планов ведомств поручено осуществлять только федеральным служащим.

Доклады об исполнении стратегических планов и программ четко регламентированы: ежегодно (до 31 марта) руководитель каждого ведомства составляет и представляет Президенту и Конгрессу доклад об исполнении программ за предыдущий финансовый год. В каждом докладе даются обзор успешных результатов достижения целей, описания случаев и объяснения причин недостижения целей (несоответствия программно-мероприятия критериям успешности).

Контроль за использованием стратегических планов строго регламентирован, для него в рамках контрольно-ревизионной системы существуют *функционально независимые* контрольные органы, которые инкорпорированы в государственно-правовую систему как необходимый элемент механизма регулирования баланса полномочий исполнительной и законодательной власти США [5].

Небезынтересно будет рассмотреть опыт стратегического планирования в Индии - в стране, где сложился самый быстрорастущий внутренний рынок гражданской авиации в мире. Согласно прогнозам, к 2020 году индийский авиационный рынок станет третьим крупнейшим в мире, а к 2030 году выйдет на первое место в мире по объему. Так, если в 2016 году пассажиропоток в Индии вырос до 180 миллионов человек, то в этом году он составит 370 миллионов человек, при этом 80% авиационных перевозок будут внутренними.

Причинами столь впечатляющего роста стали не только рост личных доходов граждан, снижение цен на топливо упрощение визового режима и других формальностей. Индийский рынок авиации продемонстрировал устойчивость к глобальному экономическому спаду благодаря проводимой политике, государственному патронажу и планированию.

Ответственность за формулировку национальной политики и программ для развития и регулирования гражд-

данской авиации возложено на Министерство гражданской авиации правительства Индии.

На протяжении длительного времени в стране работала Плановая комиссия, которая с 1951-1952 г. регулярно составляла пятилетние планы социально-экономического развития страны. Планы определяли параметры экономического роста, капиталовложения как государственного, так и частного секторов. Планирование в отношении государственного сектора отмечалось большой детализацией и носило индикативный характер.

Всего было составлено двенадцать пятилетних планов развития Индии.

В 2015 году правительство Индии заявило о прекращении деятельности Плановой комиссии, главным недостатком работы которой оказалось отсутствие эффективных механизмов взаимодействия центра и штатов, слабый мониторинг и оценка выполнения планов. Внесены были существенные изменения в систему государственного управления – преимущество было отдано методам стратегического планирования. С этой целью было создано новое государственное учреждение – Национальный институт трансформации Индии (НИТИ). Ведомство представляет собой мозговой центр правительства, предназначенный для разработки стратегических и технологических рекомендаций по ключевым вопросам экономики и политики, в том числе и в области гражданской авиации, ориентированной, как уже отмечалось, на развитие внутренних авиаперевозок.

В 2017 году в Индии была принята трехфазная программа структурных изменений экономики («Лук и стрелы»), затрагивающая непосредственно вопросы развития гражданской авиации. Контроль и координация программы возложены на НИТИ [6].

Проблемы стратегического планирования в Российской Федерации.

Почти 30 прошло с тех пор, когда в США был принят закон о стратегическом планировании. В это же время в России начались нелиберальные реформы, в результате которых советская система стратегического планирования была упразднена и в последующем утрачена. Даже понятие «планирование» в те времена считалось чем-то предосудительным и неприемлемым для рыночных реформ.

Что мы имеем сегодня? Система стратегического планирования в Российской Федерации практически отсутствует, цели органов власти не увязываются между собой и с требованиями Президента и Правительства и не стыкуются с проектной деятельностью Правительства, определяются формально, а их достижения не контролируются. Таков неутешительный вывод делаем не

мы, авторы статьи, а независимый орган государственного аудита (контроля) – Счетная палата Российской Федерации, проведя экспертно-аналитическое мероприятие «Стратегический аудит формирования и достижения показателей деятельности федеральных органов исполнительной власти, руководство деятельностью которых осуществляет Правительство Российской Федерации, в 2017-2018 годах и истекшем периоде 2019 года» [7].

Кроме того, Счетная палата отмечает, что система стратегического планирования деятельности исполнительной власти в настоящее время *разбалансирована и неэффективна*, недостаточно нормативно урегулирована и методически обеспечена.

В 2014 году был принят федеральный закон «О стратегическом планировании в Российской Федерации» [8]. Однако, он не оправдал надежд и не стал основой системы государственного стратегического планирования. Сегодня стала очевидной необходимость значительных уточнений и доработок закона. А ведь шли к нему почти четверть века!

Можно с полным основанием констатировать, что в настоящее время полноценной системы стратегического планирования не существует: стратегии принимаются без научно обоснованных прогнозов и зачастую носят имитационный характер, стратегический аудит (контроль) за ходом реализации стратегических планов и программ не налажен должным образом, необходимые коррективы и дополнения в принятые стратегии вносятся от случая к случаю, а то и вовсе не вносятся. К сожалению, не является исключением в этом отношении и Транспортная стратегия Российской Федерации.

Транспортная стратегия Российской Федерации на период до 2030 года.

Стратегия была утверждена Распоряжением Правительства Российской Федерации от 22 ноября 2008 года № 1734-р [9].

После почти шестилетнего периода реализации Транспортной стратегии до 2030 года выяснилось, что за эти годы она существенно отстала от реальной практики. Возникла жизненная необходимость ее актуализации и обновления. Что и было сделано.

Новая редакция Транспортной стратегии на период до 2030 года была утверждена Распоряжением Правительства Российской Федерации от 11.06.2014 № 1032р [10]. В 400 страничном документе были составлены два варианта развития: базовый (консервативный) и инновационный.

Предпочтение было отдано второму варианту, который должен способствовать достижению доступно-

сти транспортных услуг населению на уровне развитых стран и в соответствии со стандартами безопасности.

Транспортная стратегия, согласно замыслам авторов, должна реализовываться в два этапа: на первом этапе до 2020 года включительно предполагается завершить модернизацию транспортной системы с помощью целевого инвестирования и устранения «узких мест». Затем, с 2021 года по 2030 годы планируется *«интенсивное инновационное развитие транспортной системы» для обеспечения, опять-таки, «инновационного» социально-ориентированного пути развития Российской Федерации.*

Особое место в стратегии занимают вопросы развития *авиатранспортной системы*, на которую был возложен целый ряд задач:

- реконструкция, строительство взлетно-посадочных полос; реконструкция и развитие аэродромов и аэропортовых комплексов, особенно в труднодоступных районах Севера, Сибири, Дальнего Востока и приравненных к ним мест;
- модернизация навигационной системы;
- закупка пассажирских самолетов и стимулирование приобретения воздушных судов российского производства;
- гармонизация нормативно-правового регулирования транспортной деятельности;
- развитие хабовых технологий и совершенствование технологий обслуживания пассажиров;
- повышение доступности авиaperевозок для населения (развитие авиационной подвижности) и др.

Задачи, поистине, амбициозные и по государственному важные. За эти годы многое было сделано для улучшения качества обслуживания авиапассажиров. В 2019 году российские аэропорты обслужили более 221 млн. пассажиров – это наивысший показатель за все 95 лет истории отечественной гражданской авиации. Однако, несмотря на прилагаемые усилия, трудно сказать, что стратегия реализуется успешно. Главную причину, на наш взгляд, следует искать в недостаточном умении прогнозировать на средне – и долгосрочную перспективу, а в дальнейшем грамотно и эффективно доводить идею до логического ее завершения, применяя при этом недооцененный стратегический аудит (контроль), по результатам которого можно было бы корректировать и изменять планы; предугадывать риски, угрозы и вызовы.

Невероятно, но факт: за все время существования Транспортной стратегии (с 2008 года) она ни разу не подвергалась комплексному стратегическому аудиту независимого органа контроля – Счетной палаты Российской Федерации. Согласно федеральному закону «О Счетной палате Российской Федерации» стратегический аудит применяется в целях оценки реализуемости рисков и последствий результатов стратегических целей обеспе-

чения безопасности и социально-экономического развития Российской Федерации [11] (от 5 апреля 2013 г. №41 -ФЗ). Стратегический аудит – это не аудит расходов, а аудит результатов. В зарубежной практике контроля крупных национальных проектов и программ он нашел широкое применение [12].

В 2020 году, согласно Транспортной стратегии Российской Федерации до 2030 года, завершается первый этап ее реализации, результатом которого должен стать переход транспортной системы к ее системному комплексному развитию по всем направлениям, в том числе и в области воздушного транспорта.

На первом этапе должна быть создана «система государственного стратегического планирования в сфере транспорта на основе транспортно-экономического баланса и развития статистического наблюдения».

Далее. На первом этапе предполагалось решение вопросов, связанных с ликвидацией «узких мест» в соответствии со стратегиями и концепциями развития видов транспорта. Первый этап завершается (по времени), а долгосрочной стратегии развития воздушного транспорта как не было, так и нет.

Опубликованный Минтрансом 13 июля 2020 доклад о реализации Транспортной стратегии РФ до 2030 г. в отчетном 2019 г. показал, что проблемы, накопленные в сфере транспорта, не только не решаются, но и усугубляются. При этом задачи на будущее становятся все менее масштабными и не ориентированы на кардинальное решение нарастающих проблем. Большинство целей Транспортной стратегии в 2019 г. не было достигнуто. Более чем по половине показателей (47 из 84) целевые значения не были достигнуты – причем эти значения соответствуют наименее амбициозному базовому сценарию. При этом по многим показателям отставание от целевых значений является крайне высоким. В частности, хронически не выполняются планы по строительству и вводу в действие объектов транспортной инфраструктуры, которые измеряются накопленным итогом с 2010-2011 гг. Так в 2019 году, в сфере воздушного транспорта количество введенных после реконструкции взлетно-посадочных полос составило на 69,9 % меньше, чем запланировано по базовому сценарию и на 71,5 %, чем по инновационному сценарию.

При этом, по мнению авторов доклада, основная проблема с невыполнением планов касается того, что значительная доля пассажиров отправляется через Московский авиационный узел. Так доля отправления пассажиров из аэропортов РФ, не входящих в Московский авиационный узел, в общем объеме отправления пассажиров из аэропортов РФ составила на 4,4 % меньше к обоим сценариям, а средний возраст самолетов вместо 12,3 лет составляет 16,1 года.

Таким образом, стратегическим планам развития всех видов транспорта, в том числе и воздушного, на втором этапе реализации Транспортной стратегии Российской Федерации до 2030 года уже не суждено увидеть свет. Дело в том, что данная стратегия, как и многие ее аналоги, прекратила свое существование на середине пути. Бюрократическим волеизъявлением обновленная стратегия была предана забвению и вместо нее появился проект *новой* Транспортной стратегии Российской Федерации на период до 2035 года, где нет ни слова о необходимости разработки видовой стратегии - стратегии развития воздушного транспорта.

О проекте Транспортной стратегии Российской Федерации на период до 2035 года.

Представляя Правительству Российской Федерации новую транспортную стратегию, М.В. Мишустин так обозначил ее цель – сформулировать современную транспортную инфраструктуру, которая нужна для развития страны и достижения национальных целей. Необходимо задать такую динамику в отрасли, чтобы ее рост опережал запросы других секторов экономики, чтобы люди и бизнес в любой момент могли получить доступные, качественные, новые, технологичные и безопасные услуги» [13].

Чем отличается новая транспортная стратегия от своей предшественницы? Прежде всего объемом (60 страниц), отсутствием излишней детализации, ориентацией на национальные проекты, инновационным характером – одним из наиболее значимых результатов реализации стратегии должно стать внедрение цифровых технологий на всех видах транспорта и транспортной деятельности.

Реализация стратегии предполагается в два этапа. Первый этап реализуется с 2020 по 2024 годы, второй этап – с 2025 по 2035 годы. Уже на первом этапе стратегии ставится задача вхождения российской Федерации в число 5 крупнейших экономик мира и обеспечение темпов экономического роста выше мировых при сохранении макроэкономической стабильности (в том числе инфляции на уровне, не превышающего 4%). На втором этапе должен быть осуществлен переход к форсированному развитию транспортной системы России.

Для всех видов транспорта, в том числе и воздушного, в Стратегии определены пять главных целей, достижение которых требует реализации целого комплекса задач. В сфере воздушного транспорта, в частности, потребуется:

- реконструкция объектов аэропортовых комплексов: 68 объектов –
- к 2024 году и 149 объектов – к 2035 году;
- завершение к 2030 году перехода на электронный документооборот;

- увеличение авиационной подвижности населения до 0,95 полета
- на 1 человека в год (к 2024 году) и до 1,55 полета на 1 человека в год – к 2035 году);
- повышение уровня защищенности аэропортов от актов незаконного вмешательства.

К 2035 году для реализации мероприятий Стратегии потребуется полное обеспечение воздушными судами отечественного производства нужд региональной и малой авиации, а также авиации общего назначения.

Задачи масштабные, стратегически важные. Для их решения понадобятся значительные материальные ресурсы, эффективное управление, государственный патронаж и контроль.

Успешная реализация Стратегии будет, по замыслу, способствовать связанности территорий России, устойчивости функционирования транспорта как единой отрасли.

Правительство в основном одобрило проект стратегии и отправило его на доработку. А работать есть над чем – и не только потому, что нет пределов в совершенствовании; в документе, на наш взгляд, есть немало «узких мест».

Во-первых, смущает излишний оптимизм документа: все показатели растут, не встречая на своем пути никаких преград. А ведь в беспокойном, стремительно меняющемся мире существует множество угроз и рисков, которые могут весьма серьезно повлиять на реализацию стратегических замыслов. Однако стратегия безальтернативна, из всех возможных сценариев разработчики выбрали самый простой – оптимистичный. Нельзя не помнить, что глобализация имеет не только плюсы, но и минусы. Они хорошо известны. Многие аналитики предсказывают даже конец эпохи глобализации, что с неизбежностью негативно отразится и на состоянии региональных экономик.

Во-вторых: финансовую нагрузку в интересах достижения стратегических целей и задач разработчики хотят постепенно переложить с государства на пользователей транспортных услуг («пользователь платит»). На наш взгляд, это недалековидная либерализация транспортной системы может значительно осложнить реализацию Стратегии. Это – прежде всего вопрос национальной безопасности. Транспортные артерии страны должны развиваться при активном участии государства и быть под его постоянным контролем.

Один только пример в подтверждение. В прошлом году объем пассажиропотока на внутренних авиалиниях вырос на 7,4% (по сравнению с предыдущим годом) и составил 135,4 млрд. пассажиро-километров. Этому в значительной мере способствовала долгосрочная государственная политика по реализации программ субсидирования, направленная на увеличение региональных воздушных перевозок, на обеспечение доступности перевозок пассажиров на Дальний Восток, в Симферополь, Калининград и другие регионы страны.

В-третьих, нельзя не обратить внимание и на то, что приоритет в стратегии отдан железнодорожному и другим видам транспорта. При всей их значимости нельзя отводить второстепенное место воздушному транспорту, который оказался в весьма затруднительном положении и нуждается в государственной поддержке. Так сравнительный анализ нормативной правовой базы гражданской авиации ИКАО (Международной организации гражданской авиации) и Российской Федерации не в нашу пользу; требуется актуализация всех федеральных авиационных правил, приказов и распоряжений [14]. Система сертификации гражданской авиационной техники нуждается в совершенствовании. Многие эксперты, включая специалистов Счетной палаты Российской Федерации, считают неэффективным исполнение госпрограммы по развитию авиапромышленности Российской Федерации до 2025 года.

В-четвертых, стратегическое управление – это не только планирование, но и анализ, организация, корреляция провозглашенных стратегических целей, контроль. Стратегический аудит (контроль) в органическом единстве с традиционным финансовым аудитом и аудитом эффективности использования располагаемых ресурсов способен обеспечить высокую результативность стратегического управления. К сожалению, в стратегии не только не прописан, но даже не обозначен механизм контроля – как внутреннего, так и внешнего. Впрочем, это слабое место множества принимаемых и разрабатываемых стратегий.

И, наконец, *в-пятых*, эффективная реализация целей и задач стратегии, большинство которых носит инновационный характер, невозможна без научного сопровождения, без опоры на науку. Государственный научно-исследовательский институт гражданской авиации (ФГУП ГосНИИ ГА), недавно отметивший свое 90-летие, располагает солидным научно-методическим потенциалом и мог бы взять на себя научное обеспечение реализации Транспортной стратегии Российской Федерации на период до 2035 года.

ЛИТЕРАТУРА

1. Путин В.В. Доклад на заседании Совета по стратегическому развитию и приоритетным проектам. - Ново-Огорево, 5 июля 2017 год
2. Шатилин И. Как изменятся авиаперевозки через 5 лет благодаря цифровым технологиям // Frequent Flyers.ru // 23.09.2019.
3. Стиглиц Д.Ю. Ревущие девяностые. Семена раздора. – М.: Современная экономика и право, 2005. С.254.
4. ДОСЬЕ s20.eng – S.20 -S20 Конгресс Соединенных Штатов Америки сто третьего созыва // ДПС МИД РФ, 12.01.97.
5. Демин С.С., Столяров Н.С., Семенова А.А. Опыт организации государственного финансового контроля за рубежом и возможности его применения в России // Актуальные проблемы социально-экономического развития России: научно-аналитический журнал, 2020, №3. – С.14-24.
6. Ростяникова Е.В. От пятилетних планов к стратегическому планированию: опыт Индии. – В кн.: управление социальными инновациями: опыт, проблемы и перспективы. – Москва: РУДН, 2018. – С.23-28.
7. Бюллетень Счетной палаты Российской Федерации, 2020, №1(266).
8. Федеральный закон «О стратегическом планировании в Российской Федерации» от 28.06.2014 № 172 – ФЗ (ред. От 31.12.2017) // Российское законодательство 2019: Сборник федеральных законов РФ (ФЗ РФ).
9. Транспортная стратегия Российской Федерации на период до 2030 года: Утверждена Распоряжением правительства Российской Федерации от 22 ноября 2008 года №1734-р.
10. Транспортная стратегия Российской Федерации на период до 2030 года: Утверждена Распоряжением правительства Российской Федерации от 11 июня 2014 года №1032-р.
11. Федеральный закон «О Счетной палате Российской Федерации» от 5 апреля 2013 года №41-ФЗ.
12. Столяров Н.С. Финансовый контроль в системе стратегического управления социально-экономическим развитием России (теория и практика). – Монография. – Москва: 2006. – С.309-338.
13. Стенограмма заседания Правительства Российской Федерации, 26 марта 2020 года.
14. Демин С.С., Столяров Н.С., Семенова А.А. Перспективы развития воздушного транспорта в условиях глобализации: монография. – Москва: РУСАЙНС, 2019. – 232с.
15. Электронный ресурс. «Рамблер/финансы» Статья: «Эксперты подсчитали потери авиаперевозчиков в 2020 году»; (Дата обращения: 14.06.2020); URL: https://finance.rambler.ru/markets/44344873/?utm_content=finance_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink
16. Электронный ресурс. «Коммерсантъ. Генрих Костринский «Очередь на вылет. Авиакомпании готовятся к борьбе за выживание»; (Дата обращения: 18.06.2020). URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4380500?query=%D0%B2%D0%B8%D0%B0%BA%D0%BE%D0%BC%D0%BF%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D0%B8%20%D0%B3%D0%BE%D1%82%D0%BE%D0%B2%D1%8F%D1%82%D1%81%D1%8F%20%D0%BA%20%D0%B1%D0%BE%D1%80%D1%8C%D0%B1%D0%B5%20%D0%B7%D0%B0%20%D0%B2%D1%8B%D0%B6%D0%B8%D0%B2%D0%B0%BD%D0%B8%D0%B5>

© Демин Сергей Сергеевич (ssdemin@mail.ru), Столяров Николай Сергеевич, Семенова Алла Анатольевна.

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

МЕХАНИЗМЫ ВНЕДРЕНИЯ ИННОВАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ: РЕАЛЬНАЯ ОТРАСЛЕВАЯ ДИНАМИКА

Лебедев Никита Андреевич

Д.э.н., профессор, в.н.с., ФГБУН «Институт экономики
Российской академии наук»
swonson@bk.ru

MECHANISMS FOR INTRODUCING INNOVATIVE TECHNOLOGIES: REAL INDUSTRY DYNAMICS

N. Lebedev

Summary: Abstract analysis of the real dynamics of the main trends in the development of the dairy industry using statistical material is given. Briefly classified equipment that performs the main technological operations for processing milk and obtaining raw materials from animals for the production of products in the dairy industry, including those of an innovative nature, the use of which not only facilitates technological processes, but also allows you to meet the demand for high-quality dairy products.

Separate directions of digitalization of production processes that enhance the growth of livestock production are considered.

It is concluded that it is necessary to strengthen the pace of modernization, not to stop the introduction of innovative technologies in dairy enterprises, which will make them a competitive sector with clear guidelines for long-term development.

Keywords: innovative technologies, dairy products, technological processes, modernization, regional investment projects, digitalization of production processes.

Аннотация: Дан тезисный анализ реальной динамики основных трендов развития молочной отрасли с использованием статистического материала. Кратко классифицировано оборудование, выполняющее основные технологические операции по переработке молока и получения сырья от животных для производства продукции на предприятиях молочной отрасли, имеющие в т.ч. инновационный характер, применение которого не только облегчает технологические процессы, но и позволяет удовлетворять спрос на молочную продукцию высокого качества.

Рассмотрены отдельные направления цифровизации производственных процессов, усиливающих рост производства продукции животноводства.

Сделан вывод, что необходимо усиливать темпы модернизации, не останавливать внедрение инновационных технологий на молочнопродуктовых предприятиях; это делает их конкурентоспособным сектором с чёткими ориентирами долгосрочного развития.

Ключевые слова: инновационные технологии, молочная продукция, технологические процессы, модернизация, региональные инвестиционные проекты, цифровизация производственных процессов.

Решение задач, касающихся структурной модернизации предприятий молочнопродуктовой отрасли направлено на технологические инновации, обеспечивающие ресурсосбережение и совершенствование многообещающих технологий. Внедрение этих технологий, повышение их конкурентных преимуществ, поддерживающих экономическую устойчивость предприятий отрасли, обеспечивают в т.ч. и отечественные законодательные и нормативные акты, на определённую перспективу фиксирующие государственную поддержку создания и внедрения инновационного оборудования для реализации технологических процессов на молочных предприятиях т.п. [1]. Этого настоятельно требует и необходимость производить молочную продукцию в достаточном объёме и высокого качества [2].

Прежде, чем анализировать технические средства, применение которых как облегчает технологические процессы, так и позволяет удовлетворять спрос на молочную продукцию высокого качества, важно кратко охарактеризовать реальную динамику основных трендов развития молочной отрасли. Статистика, предоставленная «Союзмолоко» показывает, что 2018-2020 годы не

были простыми для отечественной молочной отрасли, этот период отмечен, во-первых, продлением до 31 декабря 2020 г. продовольственного эмбарго в отношении ряда отдельных видов продукции, которые поставляли страны ЕС, США, Канады и т.д. По причине падения курса рубля сократился импорт молочной продукции, хотя сложившиеся потери были в определённой степени компенсированы тремя существенными источниками. Во-первых, возрос объём производства сырого товарного молока в корпоративном секторе. Так, в 2019 г. было получено 22,1 млн т. молока. Во-вторых, возрос импорт сухой молочной продукции из Белоруссии. И, в-третьих, в 2019 г. закупочные цены на сырое молоко оставались выше уровня предыдущего года. При этом, объём спроса на натуральные сыры вырос на 6%, тогда как на сырную продукцию снизился на 10% [3].

В 2018 г. поголовье крупного рогатого скота составило 4361 тыс. голов, что, например, позволило произвести 1 160,9 тыс. т. сыра (плюс 16,1 тыс. т.), в 2020 г. отечественные сыровары увеличили производство на 12%. Отечественное производство сливочного масла в первой половине 2019 г. отреагировало небольшим

спадом – 147, 4 тыс.т., что на 5,4 тыс. т. меньше по сравнению с аналогичным периодом 2018 г. Важно отметить, что импорт сливочного масла по итогам 2018 года (по официальным данным портала таможенной статистики vedlord.com) составил 79,9 тыс. т., или на 10,6 тыс. т. меньше, чем в 2017 г. Самообеспеченность сливочным маслом достигла 72,6% в 2019 г. [4], молоком – 172, 2 кг. на душу населения.

Анализ показывает, что предприятиям молочной сферы невозможно выпускать продукцию, не используя технические средства, применение которых не только облегчает технологические процессы, но и позволяет удовлетворять спрос на молочную продукцию высокого качества [5].

С этой точки зрения, оборудование, выпускаемое для выполнения основных технологических операций на предприятиях молочной промышленности, можно классифицировать следующим образом:

- установки для переработки молока с целью получения сырья от животных для производства молочной продукции [6];
- оборудование для обеспечения сохранности молока (путём охлаждения), его пищевой и биологической ценности и логистики;
- агрегаты термической и механической обработки (очистки от механических примесей, качественного сепарирования, гомогенизации);
- аппараты для переработки молока и вторичного молочного сырья (обезжиренного молока, сыворотки, пахты) для получения качественной продукции (масла, сыра, творога и пр.), максимально возможной прибыли и решения при этом экологических задач [7].

Оборудование, выпускаемое для переработки молока и получения сырья от животных для производства молочной продукции - это, прежде всего, установки автоматического доения и холодильные установки. Промышленные предприятия закупают установки автоматического доения как стационарные системы для параллельного обслуживания до нескольких десятков особей крупного или мелкого скота. В небольших фермерских и домашних хозяйствах для переработки молока используют передвижные аппараты для коров и для коз. Эти системы могут быть подключены к одному или двум животным.

В сегменте холодильных установок, обеспечивающих сохранность молока, лидирует компрессор-конденсатор Danfoss-Maneurop производства компании «Агро-Альянс». Лидирующие позиции по разработке и внедрению оборудования для агрохозяйств, кроме производственной компании «Агро-Альянс» занимают и производственная компания «АгроСиб», Laly (Голландия), Миассский завод доильного оборудования (МЗДО, Челябинская область), ирландское ООО «ДейриМилк», имеющее представительство в Смоленске; они продвигают новую концепцию по поставкам техники для молочных ферм, позволяющую добиваться стабильно высоких экономических показателей.

Современным инновационным решениям отвечают применяемые на фермах холодильные установки промышленного изготовления компании «АгроСиб». Установки имеют различные технические характеристики. В них задействована технология прямого снижения температуры - это ванны, танки и пластинчатые устройства; охладители молока вертикального типа (ОВТ) шайба, открытого типа (ОМОТ) ванна, закрытого типа (ОМЗТ).

Производственные предприятия предлагают рынку проточные охладители и сложные модульные установки, имеющие разные объёмы резервуаров, в частности, от ста до пятисот литров, цены на которые минимальны и которые пользуются высоким спросом у небольших фермерских хозяйств, до охладителей молока типа танк, вместимостью 30000 литров для эксплуатации в крупных агропромышленных комплексах, комплектация которых включает оснащение электромеханическими мешалками и автоматической системой промыва, датчики давления, сенсорную панель управления и т.п. дополнительные опции.

Рассмотрим отдельные технические характеристики и стоимость танков-охладителей закрытого типа.

Рассмотрим отдельные технические характеристики и стоимость танков-охладителей закрытого типа.

Таблица 1.

Характеристика моделей молокоохладителей типа танк

Объём, в литрах	1000	5000	15000	30000
Общая мощность, кВт	2,2	6,0	22,4	36,6
Габариты на монораме, в мм				
длина	2150	3600	7600	-
высота	1500	2150	2450	-
ширина	1280	1750	2000	-
Масса, кг	250	630	1680	2780
Кол-во компрессоров, шт.	1	1	2	4
Кол-во мешалок, шт.	1	1	2	4
Стоимость (тыс. руб.) в стандартном исполнении	353	623	1593	2785

Источник: составлено по материалам: <https://domagro18.ru/catalog/okhladiteli-moloka/tank-okhladitel-moloka-zakrytogo-tipa/>

Если говорить о требованиях к конструкции, изготовлению, эксплуатации, параметрах безопасности и методах испытаний резервуаров охладительных установок малой мощности, то они классифицированы ГОСТом Р 50803-2008 (ИСО 5708:1983).

Термическую и механическую обработку (фильтрацию от механических примесей, качественное сепарирование, гомогенизацию) качественно проводят с использованием эталонных фильтров предварительной очистки молока компании UVMILK. Предлагаемые фильтры безопасны для пищевого применения, на треть снижают показатели по соматическим клеткам и бактериальной обсеменённости, что повышает сортность молока. Фильтры производят из сертифицированного первичного пищевого полипропилена марки PP H030, имеющего оптимальный состав рецептуры, сбалансированные физико-механические экструзионные технологические характеристики, они отвечают самым современным требованиям, изготовлены из итальянской высококачественной стали заводов Marcegaglia, что обеспечивает высокую стойкость к коррозии и прочность изделий.

Для улучшения пастеризации молока и производства качественных молочных продуктов, парное молоко неоднократно очищается на фермах и предприятиях. Для его первичной очистки UVMILK предлагает рынку три вида фильтров - фильтры для молокопроизводителей, молокопереработчиков и фильтры для молокосорбщиков, рабочие возможности которых практически не имеют ограничений. Наиболее значимая часть фильтров – сменные картриджи, через которые при тонкой очистке можно пропустить тонны молока.

Раскрывая принцип действия, в частности, фильтров тонкой очистки молока, следует уточнить, что это высокотехнологичные сита, которые разделяют пыль и суспензии через пористые каналы, изнутри наполненные ворсинками, по которым проходят молекулы жира, что полноценно очищает продукт будь то от соматических клеток (продуктов мастита), бактерий, механических примесей и пр.

Производственная практика показывает, что не менее инновационными представляются и технологии, и оборудование для мембранной фильтрации самого высокого качества от компании «Кизельманн Рус», разрабатываемые для Milknews. Высокая эффективность оборудования обеспечивается за счёт широкого спектра применения и сочетания способов мембранной фильтрации, классификация которых, как уже отмечалось, соответствует размеру частиц: микрофильтрации, ультрафильтрации, нанофильтрации, обратного осмоса, а также процесса, неотделимого от мембранной фильтрации - микропартикуляции. При этом каждому из способов мембранной фильтрации присущ индивидуальный вид установок, нестандартный диаметр мембранных пор и т.п., что, конечно же, отличает область их использования.

Так, разнообразное применение находят способы мембранной фильтрации которые подразделяются, *во-первых*, на ультрафильтрацию как процесс очистки

молока через полупроницаемые мембраны, имеющие размеры пор до 10 мкм под давлением до 0,5 МПа. Таким образом сгущается молочный белок, после чего готовый продукт сушат и при необходимости применяют в готовых изделиях (в сырах, йогуртах и пр). *Во-вторых*, на обратный осмос-разделение растворов через полупроницаемые мембраны с порами размером меньше 50 нм при давлении 1-10 МПа. Обратный осмос-разделение применяют при глубокой очистке, когда мембрана пропускает воду, при том, что все остальные составляющие задерживаются мембраной и используются при концентрации компонентов сыворотки и молочного сырья.

В-третьих, нанофильтрация - это процесс обратного осмоса, который применяют как правило для деминерализации или при частичном обессоливании сыворотки с использованием сравнительно открытой мембраны, пропускающей воду и мелкие одновалентные ионы. И, *в-четвёртых*, применяют относительно новый способ, при котором под давлением не выше 0,3МПа через полупроницаемую мембрану диаметром пор до 1000 нм и скорости жидкости до 7 м/сек. разделяются компоненты молока.

Как таковую мембранную фильтрацию применяют и при инновационных технологиях производства питьевого молока, когда применяя микрофильтрацию, получают имеющее всё более широкое распространение высокобелковое молоко - пастеризованное ESL - молоко с различным содержанием белка, срок хранения которого составляет как минимум три недели на «холодной полке». На данный продукт спрос растёт постоянно, что даёт возможность молочным комбинатам повышать рентабельность.

Мембранную фильтрацию применяют и для производства творожков детского питания и йогуртов. Эта продукция имеет приятный вкус, нежную консистенцию. Подобную технологию используют многие молочные бренды. Но всё же наиболее распространённой сферой применения установок мембранной фильтрации выступает сыроделие. Поскольку отдельные сорта французских сыров производятся из непастеризованного молока, то в силу действующей технологии производить их длительное время было возможно только во Франции. И лишь бактериальная очистка молока методом мембранной фильтрации позволила сыроделам других стран выполнить санитарно-эпидемиологические требования к переработке молока и обеспечить пищевую безопасность продукции, аналогичную степени пастеризованной продукции или даже выше и выпускать сыры со вкусом непастеризованного молока. Кроме того, бактериальная очистка молока увеличивает срок хранения продукции, а также снижает использования нитратов.

География предприятий, основным видом деятельности которых является производство и реализация технологически инновационной молочной продукции

такова, что 80 % из них функционируют в европейской части страны.

Решение задач, касающихся структурной модернизации предприятий молочнопродуктовой отрасли, как отмечалось выше, направлено на технологические инновации, многофункциональную специализацию, обеспечивающие ресурсосбережение и совершенствование многообещающих технологий.

Предприятия, выпускающие молочную продукцию, обеспечивают поставку на рынок самой разнообразной молочной и кисломолочной продукции, твёрдых и мягких сыров различных сортов, сливочного масла и маргарина, сметаны, творожных продуктов, йогуртов, лечебно-профилактической продукции и т.п.

В свою очередь статистика показывает, что «Союзмолоко» (Национальный союз производителей молока) представил рейтинг ведущих отечественных молочных предприятий 2019 года - производителей сырого молока и молочной продукции.

Место лидера занимает «Данон-Россия» (чистая прибыль 6,334 млрд руб.). Второе место у компании «Данон-трейд» (чистая прибыль 2,305 млрд руб.). На третьем месте расположилась «Вимм-Биль-Данн» (чистая прибыль 5,4 млрд руб.).

Высокая производственная динамика наблюдается и у крупнейших молочных предприятий с высокими темпами модернизации, отвечающих современным требованиям и входящих в ТОП-10 «Союзмолоко».

Это, прежде всего, «ЭкоНива-АПК». Итоги 2019 года показывают, что при поголовье коров в 51,8 тыс. голов чистая прибыль составила 14,4 млн евро.

«ЭкоНива-АПК» – одно из ведущих аграрных предприятий страны, представлена в семи областях, имеет земельную площадь более 500 000 га (на январь 2019). Численность рабочей силы составляет около 10000 сотрудников; в 2019 г. произведено 758,6 тонн молока.

«ЭкоНива-АПК» реализует ряд региональных инвестиционных проектов. В частности, в комплексе «Ступинская Нива» к концу 2020 года начнёт эксплуатироваться ферма на 3,6 тыс. коров и площадка выращивания молодняка на 5,1 тыс. голов; сумма инвестиций составила 3,9 млрд руб. В Воронежской области в 2021 году вводятся в эксплуатацию животноводческие комплексы для ежегодного прироста объёмов производства в 67 тыс. тонн молока от 20 тысяч фуражных коров.

В Республике Татарстан активно действует агрофирма АК «Ак Барс», которая наряду с сухим молоком ежегодно перерабатывает около 130 тыс. тонн сырого коровьего молока; в составе агрофирмы 80 предприятий, производящих сельхозпродукцию, в том числе Зеленодольский молочноперерабатывающий комбинат и Чистопольский молочный комбинат. Годовой оборот

предприятия в 2019 составил более 90 млрд рублей [8]. В тоже время, «Сафпэт» - дочернее предприятие «Ак Барс» планирует запустить проект по выпуску тары (пластиковых бутылок) из полиэтилентерефталата ПЭТ, многократно защищающего молоко от кислородного окисления; тем самым будет развиваться технология чистого и ультра-чистого розлива молока в эту тару, для чего необходимо вложить 18,6 млрд руб., из которых 700 млн. руб. выделит Фонд развития промышленности, собственных средств «Ак Барс» аккумулирует 3,1 млрд руб., а ключевую сумму - 14,8 млрд руб. определено привлечь в ВЭБе [9].

Динамичность молочной отрасли, эффективность работы молочноперерабатывающего предприятия, высокое качество продукции доказаны на примере одного из ведущих производителей молочных продуктов и твороженных изделий - Пискаревского молочного завода (Санкт-Петербург), выпускающего широкий ассортимент кисломолочной продукции, сметаны, творожных изделий и т.п. Объём переработанного молока составил 150,8 тыс. тонн [10].

На российском рынке в ряду производителей широкого ассортимента молочной продукции представлено современное предприятие - Кировский молочный комбинат, где перерабатывается до четырёхсот тонн молока в сутки, из которого производят 40 наименований молочной продукции с чистой прибылью 565 млн. руб. (в 2019 году). Поголовье коров в агрофирмах комбината составляет 11 тыс. 444 голов. Средний надой на одну корову составляет в Кировской области около 8100 кг.

Реконструкция и модернизация производственных объектов Кировского молочного комбината финансируется банком ВТБ, который выделит 88 млн руб. на строительство безпривязного коровника на 250 голов и двух телятников на 800 голов.

Двенадцать молочных комплексов входят в состав не менее известного производителя, крупного агропромышленного комплекса, находящегося на северо-западе страны – концерна «Детскосельский», который вложил около трёхсот млн рублей для увеличения производства молока до ста тыс. тонн в 2019 году.

Чистая прибыль ЗАО Молочный комбинат «Авида» в 2019 году составила 195 млн руб. (плюс 15%). Структура комбината предусматривает в том числе производство молочной продукции высокого качества из натурального сырья. Производство молока, прежде всего, сконцентрировано в ЗАО «Молоко Белогорья», ЗАО «Оскольское молоко» и ООО «Агрохолдинг Авида», переработка локализована в ЗАО МК «Авида» (около трёхсот тонн молока в сутки).

Но насколько достигнутые показатели соответствуют реализации программы развития молочной отрасли?

Табл.2.

Ключевые показатели отрасли [11]

	2013	2020 (по плану 2013 года)	2020 (факт)
Самообеспеченность товарным молоком, %	66,5	78 (к 2030 г.)	70
Произведено товарного молока, млн т.	17,5	23,6	18,0
Уровень товарности молока в СХО, %	88	95	70,7
Средняя продуктивность КРС в СХО, тонн в год	5,0	6,0	7,0
Средняя цена молока, руб./литр у производителя	20	24	25,5
Средняя зарплата в молочной отрасли, руб.	15600	32500	88352

Как показывает статистика, динамика роста по ряду позиций не была достигнута планируемых программных цифр развития молочной отрасли, чему в перспективе может способствовать оптимистическая сюжетная линия развития отрасли. Она предполагает ежегодный темп роста до четырёх процентов. С этой точки зрения перспективен инновационный сценарий, он повысит качественные параметры развития отрасли. Вместе с тем, сценарий динамического развития заложен в технологии решения проблем молочной отрасли – Государственной программы развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия [12], которой предусмо-

рено, что к 2025 году объём финансирования составит 4 193,8 млрд руб.

В качестве одного из механизмов внедрения инновационных технологий в рамках структурной модернизации предприятий молочной отрасли стала цифровизация производственных процессов, что сегодня становится всё более и более необходимым.

Средства цифровизации используются на фермах для многоаспектного отслеживания функционирования хозяйства, для чего, например, на животных устанавливают капельные процессоры, подключаемые к Интернету. Кроме того, на фермах устанавливают различные электронные устройства, что даёт возможность считывать необходимую информацию в каждый момент времени. В частности, мобильные приложения помогают фермерам составлять рацион крупного рогатого скота, наблюдать за перемещением животных. Датчики показывают объём молока, наличие инфекций и т.п., рассчитывают направления развития хозяйств.

С этой точки зрения, объединяясь в союз производителей молока, многочисленные сервисные компании, представляющие их интересы, предприятия молочной отрасли создают самодостаточность для широкого конкурентного успеха. Понимая безусловную необходимость усиления темпов модернизации, немаловажно не останавливать внедрение инновационных технологий на молочнопродуктовых предприятиях. Внедрение инновационных технологий на предприятиях молочной отрасли сделает их передовым конкурентоспособным сектором с чёткими ориентирами развития.

ЛИТЕРАТУРА

1. О Стратегии развития пищевой и перерабатывающей промышленности Российской Федерации на период до 2020 г. (утв. распоряжением Правительства РФ от 17 апреля 2012 г. № 559-р (с изм. и доп. от 30 июня 2016 г., 13 января 2017 г.) // base.garant.ru
2. Технический регламент Таможенного союза «О безопасности молока и молочной продукции» (ТР ТС 033/2013) // base.garant.ru
3. milknews.ru/longridy/2019-year-in-review.html
4. www.ab-centre.ru
5. Родионова, Г.В. Влияние сезона года на качество молока // Переработка молока. - 2007. - № 3. - С. 20.
6. Бардюков, А.М., Кушнерова, Д.Д., Козлов, С.А. Производственное использование молочных коров в хозяйствах Московской области // В сборнике: Актуальные проблемы ветеринарной медицины, зоотехнии и биотехнологии. Сборник научных трудов Международной учебно-методической и научно-практической конференции, посвященной 100-летию со дня основания ФГБОУ ВО МГАВМиБ - МВА имени К.И. Скрябина. Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московская государственная академия ветеринарной медицины и биотехнологии - МВА имени К.И. Скрябина». - 2019. - С. 207-208.
7. Чебакова, Г.В., Ворошик, М.Е., Есепёнок, К.В. Использование вторичного молочного сырья для производства кисломолочных сывороточных напитков // Инновации и инвестиции. - 2019. - № 2. - С. 129-132.
8. <https://www.dairynews.ru/company/holding/ak-bars-kholdingovaya-kompaniya-oao/>
9. https://www.equipnet.ru/interview/pizhevoe/pizhevoe_78.html
10. <https://www.dairynews.ru/company/holding/piskarevskiy-mol-zavod-ooo/>
11. Программа развития молочной отрасли 2020; Итоговые материалы проекта. Союзмолоко, 20 июня 2014; Текущая ситуация на молочном рынке России: состояние и прогнозы. М., МСХ. - 2020. - С.3; Russia.gorodrabot.ru/молочная_промышленность

12. Государственная программа развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия в ред. от 3 октября и 26 ноября 2020 г. Утверждена постановлением Правительства от 14 июля 2012 г. № 717

© Лебедев Никита Андреевич (swonson@bk.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Институт экономики Российской академии наук

ВОЗМОЖНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В СИСТЕМЕ ДОСТАВКИ ГРУЗОВ

Липатов Андрей Геннадьевич

*К.э.н., доцент, Государственный университет управления
tr172@mail.ru*

POSSIBILITIES OF USING INFORMATION TECHNOLOGIES IN THE CARGO DELIVERY SYSTEM

A. Lipatov

Summary: The article deals with modern information systems for automating the process of cargo delivery. An analysis of their integration into modern logistics infrastructure is given, and technologies that complement this process are studied. The paper concludes that the pandemic has created new requirements and boundaries for the platforms used, allowing them to integrate into the company's overall software system. The choice of information technology in automating the process of cargo delivery management is individual for each company and should take into account its size, orientation, number of business processes, and level of logistics development.

Keywords: logistics, automation, cargo, delivery, technology, digitalization.

Аннотация: В статье рассматриваются современные информационные системы автоматизации управления процессом доставки грузов. Приводится изучение возможностей интеграции их в современную логистическую инфраструктуру, изучаются технологии, дополняющие данный процесс. В работе сделан вывод, что выбор информационной технологии в автоматизации процесса управления доставкой грузов является индивидуальным для каждой компании и должен учитывать ее размеры, направленность, число бизнес-процессов, уровень развития логистики.

Ключевые слова: логистика, автоматизация, грузы, доставка, технологии, цифровизация.

Современная логистика не может эффективно и стабильно функционировать без использования качественных информационных систем. Особенно это важно для такого бизнес-процесса логистических потоков, как доставка грузов. Своевременность доставки грузов зачастую является важнейшим фактором экономической эффективности того или иного производства. При этом распределение материальных потоков бывает сформировано неэффективно, что в конечном итоге повышает себестоимость продукции и влечёт за собой сбои в своевременности поставок и доставки товаров до поставщика либо собственного склада хранения.

В развитых европейских странах проблема эффективности доставки грузов уже давно решена посредством использования современных информационных технологий, которые позволяют на единой платформе интегрировать данную функцию, в состав общей логистической системы [1].

При этом материальные потоки распределяются с достаточной точностью, позволяя выявлять максимально экономичный путь доставки грузов. В России же как правило данный процесс не включён в автоматизированную систему логистики. В этой ситуации часты потери и сбои в поставках, не своевременность доставки товаров и не эффективность распределения их на складе [2].

Поэтому при помощи информационных технологий, которые разработаны в современных условиях, появляются возможности формирования наиболее модернизированной единой системы управления логистикой, подпроцессом которой является доставка или транспортировка продукции до склада поставщика (собственного склада хранения). Это позволит в последствии значительно ускорить процесс доставки и снизить потери, которые происходили во время транспортировки грузов, а также уменьшить себестоимость продукции [3].

Для выявления наиболее эффективных информационных систем, позволяющих автоматизировать процесс управления доставкой грузов, далее рассмотрим имеющиеся тенденции в отрасли, которые на сегодняшний день получили наибольшее распространение в России среди крупных логистических центров или компаний, имеющих широкую сеть комплексов и точек продаж [4]. При этом стоит пояснить, что большая часть автоматизированных средств позволяет формировать модель управления грузами по схеме, приведенной на рисунке 1.

Исследование концепций управления логистической системой позволило определить, что наиболее эффективными среди информационных систем являются основанные на системно-динамическом моделировании. Для анализа рынка автором проведён обзор программного

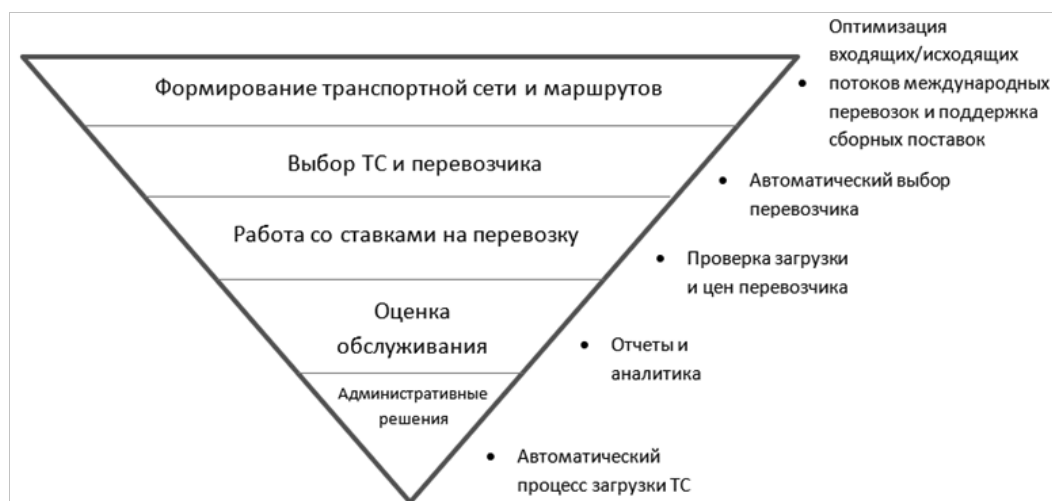

Рис. 1. Модель работы информационной системы по управлению доставкой грузов
Источник: составлено автором по [6]

обеспечения, реализующего функции системно-динамического моделирования в логистике.

Проанализированы следующие виды программного обеспечения [8]:

1. MATLAB;
2. Simulink;
3. MATHCAD;
4. AnyLogic.

В таблице 1 приводится характеристика основных параметров выбранного ПО, включая возможности по обеспеченности принятия решений при управлении логистической системой.

Изучив возможности программных средств моделирования динамических систем, которые используются при формировании автоматизированных модулей управления перевозками грузов, выбор был сделан в пользу инструмента имитационного моделирования – «AnyLogic».

В последнее обновление «Anylogic 8.1» была встроена новая библиотека моделирования материальных и финансовых потоков, открывающая новые возможности для использования в логистике.

Новая библиотека позволяет моделировать потоки транспорта и движения грузов среди складских помещений, а также имитировать физическое перемещение потоков от поставщика к покупателю, учитывая всех участников логистической сети: транспортные компании, организации хранения, сбытые предприятия. Появился инструмент визуализации плотности загрузки транспортных единиц, складских площадей, занятых в процессах перемещения грузов.

Основные элементы процесса управления логистической системой «AnyLogic» в части бизнес-процесса «перевозки грузов» систематизированы в таблице 2.

Таким образом, на основании системно-динамического моделирования в программе AnyLogic, возможно составить модель, способствующую оптимизации процесса доставки грузов, учитывающую показатели ключевой эффективности организаций (KPI). Здесь стоит подчеркнуть, что в программу могут быть интегрированы любые KPI, свойственные логистической системе. Для управления перевозками грузов в качестве KPI могут быть выделены следующие показатели [7]:

- затраты на перевозку грузов;
- складские затраты;
- затраты на погрузку-разгрузку грузов;
- модели управления перевозкой грузов;
- виды транспорта, занятого перевозкой грузов;
- структура канала доставки;
- наличие логистических посредников;
- численность персонала, занятого в доставке;
- тип перевозки грузов.

Каждый из представленных показателей находится в зависимости от разных факторов. Накопителями в данной модели будут выступать показатели ключевой эффективности, а потоками - переменные, используемые для расчетов KPI [5].

Так, например «накопитель» затраты на перевозку грузов – зависим от переменных «структура канала доставки», «численность персонала, занятого в доставке», «тип перевозки грузов». В свою очередь функция, решаемая при помощи накопителя, влияет на показатель сопоставимости доходов и расходов от перевозки грузов. В таблице 3 содержится информация о накопителях и переменных каждого приведенного выше ключевого

Таблица 1.

Характеристика параметров программного обеспечения, применяемого в построении автоматизированных систем управления логистическими системами предприятий

ПО	Общая характеристика	Возможности оптимизации потоков процессов и логистики	Настройки логистического управления	Преимущества	Недостатки
MATLAB	Пакет прикладных программ для решения задач экономических и технических вычислений	В модели используется результат работы этих функций MATLAB для динамического изменения задержек обработки, приоритетов и других ключевых элементов процесса.	Logistics Simulation Software for Mission Planning	Понимание альтернативных вариантов и компромиссов; возможность раннего выявления ошибок по оптимизации логистической системы; позволяет контролировать точность каждого компонента интерактивно	Отсутствие русскоязычных разработок; Высокая стоимость программного продукта Сложность интерфейса и настроек
Simulink	Интерактивный инструмент для моделирования, имитации и анализа динамических систем	Позволяет строить графические блок-диаграммы, динамические системы, анализировать работоспособность систем	Возможно использовать надстройки MATLAB	Обеспечивает быстрый доступ к широкому спектру методов анализа и проектирования. Интегрируется с другими ПО.	Сложность моделирования в программе; необходимость дополнительных надстроек для адаптации модели к логистической системе
MATH-CAD	Математический редактор, позволяющий проводить технические и инженерные расчеты, возможно адаптировать к моделированию сложных реализаций численных методов	Простота настройки, наглядность математических действий, широкая библиотека функций и численных методов, символьных вычислений, аппарат представления результатов.	Delphi, (перечень команд сервера ограничен)	Отсутствие возможностей разработки графических интерфейсов пользователя	Одни и те же контуры выделяются иногда несколько раз, что усложняет адаптацию их к разрабатываемой модели
AnyLogic	Программное обеспечение имитационного моделирования нового поколения	Существенно упрощает разработку моделей и их анализ.	Возможно использовать надстройки	Пакет поддерживает все методы имитационного моделирования: моделирование динамических систем; дискретно-событийное моделирование; системная динамика; агентное моделирование.	Сложность адаптации модели к процессно-ориентированному, системно-динамическому и агентному подходам

Источник: составлено автором самостоятельно

показателя эффективности.

Исходя из того, что ряд накопителей имеет схожие переменные и одинаковые функции, появляется возможность объединения накопителей по принципу схожести выполняемых ими функции. В частности это:

— сбытовые затраты;

- складские затраты;
- модели управления запасами;
- тип логистических посредников.

Занесение представленных накопителей с приведенными в таблице 3, сопровождающими их переменными, позволит компании разработать модель поддержки

Таблица 2.

Элементы архитектуры «AnyLogic» в части бизнес-процесса «перевозки грузов»

Задача	Описание
Блок «Производство». Управление запасами и организацией производства	Стратегические и оперативные планы формирования цепочек поставок запасов; Разработка процесса принятия решений по организации поставок; Поиск методов оптимизации перемещения запасов; Снижение товарных потерь
Блок «Финансы»: Склад, снабжение, сбыт.	Стратегический план распределения финансовых ресурсов между бизнес-процессами; Оптимизация сбытовых затрат; Оптимизация расходов на перемещение товаров; Повышение точности и достоверности плановых расчётов
Блок «Бизнес-процессы»: разработка модели бизнес-процессов, учитывающей ключевые показатели эффективности	Оптимизация сбытовой сети и каналов распределения товаров Сокращение звеньев в канале распределения путем отказа услуг от ненужных посредников Отказ от части посредников, участвующих в сбытовой сети

Источник: составлено автором самостоятельно

Таблица 3

Информация для формирования системно-динамической модели поддержки принятия решений при управлении логистической системой

Накопитель модели	Переменные	Функция, решаемая при помощи накопителя	Влияние функции
затраты на перевозку грузов	«структура канала доставки», «численность персонала, занятого в доставке», «тип перевозки грузов»	формирование оптимального канала перевозку грузов, минимизация затрат	сопоставимость доходов и расходов
складские затраты	«склад», «объем грузопотока», «время хранения», «товарные потери»	распределение остатков товаров на складе, повышение оборачиваемости товаров, снижение расходов на хранение	снижение товарных потерь, рост объема продаж, увеличение прибыли
модели управления перевозкой грузов	«склад» «перевозки грузов», «объем грузооборота», «потери во время перевозки грузов»	ускорение времени перевозки грузов, снижение расходов на хранение	формирование эффективной логистической системы
виды транспорта, занятого перевозкой грузов	«объем грузооборота», «потери во время перевозки грузов», «расходы на транспорт», «расходы на хранение»	снижение расходов на перевозку грузов, формирование оптимального маршрута доставки грузов	сопоставимость расходов на транспорт
тип логистических посредников	«объем продаж», «сбыт продукции», «дефицит продукции»	снижение расходов на перевозку грузов, формирование оптимального размера запасов	сопоставимость объемов грузооборота и расходов на доставку грузов

Источник: составлено автором самостоятельно

принятия решений при управлении логистической системой, учитывая ее особенности.

Формирование индивидуальной модели управления перевозками грузов в системе «AnyLogic» позволит своевременно выявлять факторы, негативно сказывающиеся на финансовых результатах компании. Таковыми могут быть:

1. низкий уровень складских расходов, оказывающий влияние на рост товарных потерь и снижение качества, и скорость перевозки грузов;
2. наличие сбоев в поставках, что влечет товарные

потери и снижение конкурентоспособности предприятия;

3. недостаточный грузооборот, неэффективная карта маршрутов распределения грузов.

На основании выявленных факторов далее разрабатывается набор управленческих решений, способствующих повышению эффективности логистической системы и, в частности, процесса перевозки грузов. Такими могут быть следующие управленческие решения:

1. реорганизация отдела логистики, что позволит устранить все выявленные недостатки системы

- доставки грузов;
- 2. формирование новой системы хранения товаров;
- 3. разработка новой методики формирования карт маршрутов транспорта;
- 4. выделение отдельного специалиста, руководящего перевозками грузов компании.

Разработка управленческих решений должна сопровождаться определением рисков и показателей эффективности функционирования логистической системы.

Не стоит забывать, что рассмотренные системы постоянно совершенствуются. При этом пандемия стала важным триггером, способствующим цифровой трансформации в доставки грузов вместе с общим сдвигом транспортно-логистической системы в онлайн. Современные онлайн-решения позволяют управлять рисками грузоперевозок, снижая при этом не только в разы административные издержки, но и в отдельных случаях принося ощутимый экономический эффект.

ЛИТЕРАТУРА

1. Антоненкова А.В., Шайтура С.В., Анализ информационных систем в логистике / Транспортное дело России, 2015. № 5. С. 105–106.
2. Веремеенко Е.Г. Проблемы и перспективы российского рынка транспортно-логистических услуг // Молодой исследователь Дона – 2018 – № 4 Дыбская В.В. [и др.]; под ред. Сергеева В.И. Логистика. — М.: Эксмо, 2013. — 944 с. — (Полный курс MBA).
3. Косюга О.С., Коляда В.В. Применение архитектуры клиент-сервер и файл-сервер в информационных системах. В сборнике: Информационное общество: современное состояние и перспективы развития Сборник материалов XI международного студенческого форума. 2018. С. 52–55.
4. Рыбальченко, М.В. Архитектура информационных систем: учеб.пособие для вузов / М.В. Рыбальченко. — Москва: Издательство Юрайт, 2016. — 91 с
5. Дмитрук, К.А. Информационно-логистические системы / К.А. Дмитрук. — Текст : непосредственный // Молодой ученый. — 2020. — № 19 (309). — С. 17-21. — URL: <https://moluch.ru/archive/309/69745/> (дата обращения: 25.11.2020).
6. Логистические информационные системы: <http://logistic-info.ru/informacionnye-sistemy.html>(дата обращения: 25.11.2020).
7. Тенденции рынка информационных систем управления транспортной логистикой// <https://www.tadviser.ru/index.php> (дата обращения: 25.11.2020).
8. Применение IT-технологий в транспорте и логистике. Серверное и сетевое оборудование для транспортных и логистических компаний // https://www.karma-group.ru/transport_logistic/(дата обращения: 25.11.2020).

© Липатов Андрей Геннадьевич (tr172@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Государственный университет управления

СТРАТЕГИИ ИННОВАЦИОННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ В УСЛОВИЯХ ИМПОРТОЗАМЕЩЕНИЯ

Овчинников Алексей Павлович

К.э.н., доцент, Российский университет
транспорта (МИИТ)
alexovchinnikov@mail.ru

STRATEGIES OF INNOVATIVE ENTERPRISES IN THE CONDITIONS OF IMPORT SUBSTITUTION

A. Ovchinnikov

Summary: The article discusses the strategic priorities of the innovative development of the economy in the context of import substitution. The external and internal factors influencing the choice of the strategy of an innovative enterprise in the context of import substitution are listed. The features of the implementation of innovative strategies in the context of import substitution are characterized.

Keywords: import substitution, innovation, innovation strategies.

Аннотация: В статье рассматриваются стратегические приоритеты инновационного развития экономики в условиях импортозамещения. Перечислены внешние и внутренние факторы, влияющие на выбор стратегии инновационного предприятия в условиях импортозамещения. Охарактеризованы особенности осуществления инновационных стратегий в условиях импортозамещения.

Ключевые слова: импортозамещение, инновации, инновационные стратегии.

В соответствии с принятой 15 апреля 2014 года государственной программой «Развитие промышленности и повышение ее конкурентоспособности» предусматривается создание в России устойчиво развивающейся конкурентоспособной промышленности, в том числе на основе применения инновационно ориентированных технологий. Для достижения данной цели Программой предусматривается решение взаимосвязанных задач, связанных с обеспечением условий для выпуска высокотехнологичной инновационной продукции в России [17]. При этом акценты в Программе сделаны на использовании потенциала импортозамещения.

В новых геоэкономических условиях Правительство России приняло комплекс мер, направленных на ограничение доступа на внутренние рынки продукции «недружественных» стран. Сложившиеся с 2014 по 2020 годы новые условия экономического развития создают качественно новые возможности для развития всех отраслей и секторов экономики, в том числе специализирующихся на выпуске высокотехнологичной инновационной продукции. Среди направлений инновационного развития промышленного сектора на основе стратегии импортозамещения в вышеназванной Программе выделяются:

- обеспечение технологической поддержки импортозамещающих процессов в гражданских отраслях промышленности;
- внедрение новых технологий, обеспечивающих задачи реализации стратегии импортозамещения;
- выпуск станкоинструментальной продукции как направление развития высокотехнологичных средств производства;

- организация выпуска продукции энергетического машиностроения;
- организация выпуска информационно-программного обеспечения и др.

Таким образом, в новых условиях ключевая роль в реализации задач стратегии импортозамещения отводится инновационно ориентированным предприятиям. В свою очередь эффективность достижения поставленных задач будет во многом определяться выбранными стратегиями развития инновационных предприятиях в новых условиях.

Проблемы эффективности стратегии импортозамещения и ее результатов на макроуровне рассматривались в различных исследованиях. Выделенные в монографии С.Д. Бодрунова[4] отрасли промышленности, которые рассматриваются в качестве ключевых направлений реализации, либо требуют существенного «инновационного вмешательства», либо сами являются источником инновационного развития для других отраслей: машиностроение, станкостроение, фармацевтическая отрасль, производство медицинской техники и оборудования, выпуск сельскохозяйственной продукции, текстильная промышленность, сектор IT-технологий. В другой коллективной монографии также подчеркивается роль инновационных технологий в отраслевом развитии России на основе стратегии импортозамещения [7]. Проблемы и перспективы стратегии импортозамещения рассматривались и в ряде других монографий [5,11,15,16] и публикаций в периодических изданиях[2,13,14].

Стратегии инновационных предприятий – также до-

вольно развитое направление научных исследований [6,8]. Вопросам же выбора стратегий инновационных предприятий в сложившихся условиях в силу относительной новизны направления уделено меньше внимания. Например, Н.В. Стрельцова рассматривает стратегические приоритеты развития российских предприятий в условиях импортозамещения [18]. Группа исследователей рассматривает отдельные аспекты стратегического планирования предприятий в условиях импортозамещения [3]. В статье М.В. Козлова рассматриваются возможности использования частных стратегий вертикального и горизонтального слияния для малых инновационных предприятий в условиях импортозамещения [9]. В другом исследовании раскрыты принципы и составляющие модели, формирующей стратегию развития инновационного предприятия в условиях импортозамещения [12]. Некоторое внимание также уделено вопросам влияния макроэкономических механизмов на выбор стратегии импортозамещения [10].

С точки зрения теоретического обеспечения, выбор и формирование стратегий инновационных предприятий в условиях импортозамещения основываются на методологии менеджмента и его разделов: инновационного менеджмента и менеджмента инноваций, инновационного маркетинга и маркетинга инноваций. С практической стороны, выбор стратегии инновационного предприятия в условиях импортозамещения определяется влиянием большого количества факторов.

В частности, выбор конкурентной стратегии инновационного предприятия в условиях импортозамещения будет определяться влиянием факторов внешнего и внутреннего свойства. К внешним факторам, влияющим на выбор стратегии инновационного предприятия можно отнести:

1. Отраслевые особенности и состояние конкуренции в конкретной отрасли:

- влияние потенциальных покупателей инновационной продукции;
- влияние на конкурентные условия поставщиков;
- структура будущих конкурентных отношений в отрасли;
- вероятность появления аналогичной инновационной продукции как в стране, так и из «дружественных» стран, выделенных условно при осуществлении государственной политики импортозамещения;
- общая вероятность появления нового инновационного предприятия на рынке инновационного продукта.

2. Состояние государственного регулирования и государственной политики в отрасли, в которой функционирует предприятие:

- наличие или отсутствие различных форм государственной поддержки: финансовой, материальной, налоговой и других форм;
- состояние государственного регулирования отрасли;
- качество законодательства;
- перспективы развития государственной политики в отрасли.

3. Совокупность научно-технических факторов и состояния национальной инновационной инфраструктуры:

- степень распространения инновационных технологий;
- доступность инновационных технологий;
- доступность объектов инновационной инфраструктуры;
- объемы государственного финансирования инновационной инфраструктуры.

Выбор стратегии инновационного предприятия в условиях импортозамещения будет определяться и внутренними факторами. В их числе можно выделить:

1. Тип инновационного предприятия в зависимости от его масштабов (крупное, среднее или малое) будет во многом определять стратегию его развития.
2. Сложившаяся структура отношений с ключевыми заинтересованными группами: потребителями, поставщиками и др.
3. Цели в отношении разрабатываемой инновационной продукции.
4. Рыночное положение инновационного предприятия.
5. Опыт разработки стратегий в целом и стратегий в условиях импортозамещения, в частности.
6. Доступ инновационного предприятия к ресурсам: финансовым, трудовым, материальным, информационным, инновационным.

В самом общем плане можно выделить несколько стратегий инновационных предприятий, принятых в научной литературе, которые могут использоваться и в условиях импортозамещения. Следует учитывать некоторые особенности реализации таких стратегий в условиях импортозамещения. К ним относят [1]:

1. Наступательная стратегия. Для данного вида стратегии характерны высокий уровень риска и потенциальная результативность. Научные исследования и опытно-конструкторские работы (НИОКР) ведутся в сочетании с использованием передовых инновационных технологий. В условиях импортозамещения применение данной стратегии имеет несколько ограничений, связанных с потребностью в специалистах высокой квалификации и доступе к новейшим технологиям. Такой тип стра-

тегии могут применять крупнейшие российские монополии, ориентирующие свои инновационные подразделения на нужды отраслей экономики. В некоторых случаях, в зависимости от содержания инновационного проекта, наступательная инновационная стратегия может применяться и средними предприятиями.

2. Для другого типа стратегии, оборонительной, характерны относительно низкий уровень риска, рыночные достижения (в виде доли рынка инновационной продукции) и высокий уровень НИОКР. Применение данного типа стратегии уместно для ситуаций с уже имеющимися рынками инновационной продукции, которые высвободились в результате ухода с них зарубежных компаний. К таким производствам можно отнести выпуск медицинской техники и оборудования, производство комплектующих для компьютерной техники и др.
3. Уход с российского рынка зарубежных компаний вследствие осуществления импортозамещения позволяет использовать и промежуточные инновационные стратегии. В рамках данной стратегии инновационное предприятие заполняет пробелы, образованные как результат узкой специализации других предприятий.

4. Актуальной в условиях импортозамещения можно признать стратегию лицензирования (поглощения). Данная стратегия предполагает возможность использования лицензий других предприятий, преимущественно зарубежных.

5. Другой стратегией, использование которой должно учитывать существующие ограничения, является имитационная стратегия. Выбор такой стратегии означает использование предприятием уже обращающихся на рынке инновационных решений с определенной модернизацией и усовершенствованиями.

Перечисленные стратегии инновационных предприятий не исчерпывает перечень их возможных видов. В условиях импортозамещения конфигурация стратегической деятельности предприятия будет определяться значительным множеством внешних и внутренних факторов. Так, предприятие, для которого самой эффективной будет наступательная стратегия может не иметь возможности реализовать данный вид стратегии в силу недостатка финансовых ресурсов. Таким образом, при выборе стратегий в условиях импортозамещения требуется учитывать большое количество факторов, что в свою очередь создает необходимость построения методологических основ выбора эффективных стратегий инновационных предприятий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Агарков С.А. Инновационный менеджмент и государственная инновационная политика / С.А. Агарков, Е.С. Кузнецова, М.О. Грязнова. - Москва: Акад. естествознания, 2011. - 143 с.
2. Бажанов В.А., Орешко И.И. Обработывающие производства России: санкции, импортозамещение // ЭКО. – 2019. – № 1 (535). – С. 75-92.
3. Банк С.В., Вилисов В.Я., Христофорова И.В. Формирование инновационных товарных стратегий в условиях импортозамещения // Вопросы региональной экономики. – 2016. – № 1 (26). – С. 3-7.
4. Бодрунов С.Д. Теория и практика импортозамещения: уроки и проблемы / монография / С.Д. Бодрунов. – СПб.: ИНИР им. С.Ю. Витте, 2015. – 171 с.
5. Глаголев С.Н. Импортозамещение в экономике России: монография / С.Н. Глаголев, В.В. Моисеев. – Белгород : Изд-во БГТУ, 2015. – 275 с.
6. Ефимычев Ю.И., Трофимов О.В. Концептуальные основы стратегии инновационного развития промышленных предприятий: Монография. – Н. Новгород: Изд-во ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2010. – 273 с.
7. Импортозамещение в АПК России: проблемы и перспективы: монография. – М.: ФГБНУ «Всероссийский НИИ экономики сельского хозяйства» (ФГБНУ ВНИИЭСХ), 2015. – 447 с.
8. Касс М.Е. Формирование стратегии инновационного развития предприятия на основе управления нематериальными активами [Текст]: монография / М.Е. Касс; Нижегород. гос. архитектур.- строит. ун-т – Н.Новгород: ННГАСУ, 2011. – 159 с.
9. Козлов М.В. Вертикальное и горизонтальное объединение в кластер как стратегия импортозамещения для малого инновационного предприятия // Экономика и современный менеджмент: теория и практика. – 2015. – № 46. – С. 40-49.
10. Коновалов Ю.В. Механизмы промышленной политики, влияющие на импортозамещение и инновационную стратегию предприятий // Российское предпринимательство. – 2017. – Т. 18. № 6. – С. 957-970.
11. Концепция импортозамещения продукции легкой промышленности: предпосылки, задачи, инновации : [монография] / В.Т. Прохоров, Т.М. Осина, Д.В. Рева [и др.]. – Новочеркасск : Лик, 2017. – 334 с.
12. Кузнецов И.М. Организационно-экономические модели формирования стратегии инновационного производства электрооборудования в условиях импортозамещения // Транспортное дело России. – 2016. – № 2. – С. 3-5.
13. Лифшиц А.М., Менделевич В.А. Круглый стол «импортозамещение - драйвер развития цифровой энергетики, мифы или реальность» // Автоматизация и IT в энергетике. – 2020. – № 11 (136). – С. 68-70.
14. Оборин М.С. Проблемы и перспективы импортозамещения в отрасли сельского хозяйства // Ученые записки Крымского федерального университета

- имени В.И. Вернадского. Экономика и управление. – 2020. Т. 6. – № 2. – С. 96– 105.
15. Осташевский С.М. Теоретико-методологические аспекты импортозамещения как фактора повышения эффективности российской экономики : монография / С.М. Осташевский. – Москва ; Челябинск : Изд-во ЧОУВО РБИУ, 2017. – 158 с.
16. Пичурин И.И. Особенности промышленного маркетинга в России на этапе импортозамещения : монография / И.И. Пичурин. – Екатеринбург : Изд-во УМЦ УПИ, 2015. – 183 с.
17. Постановление Правительства РФ от 15 апреля 2014 г. N 328 "Об утверждении государственной программы Российской Федерации "Развитие промышленности и повышение ее конкурентоспособности" (с изменениями и дополнениями) / Гарант. URL: <https://base.garant.ru/70643464/#friends> (дата обращения: 12.11.2020).
18. Стрельцова Н.В. Развитие инновационного потенциала российских предприятий в условиях государственной политики импортозамещения // Экономика и социум. – 2014. – № 4-6 (13). – С. 938-947.

© Овчинников Алексей Павлович (alexovchinnikov@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

СТРАТЕГИЯ И РЕГУЛИРОВАНИЕ ТРАНСГРАНИЧНОЙ ЭЛЕКТРОННОЙ ТОРГОВЛИ

Реснянская Екатерина Александровна

*Петрозаводский Государственный Университет;
Генеральный директор, Таможенный представитель, ООО
«Гермес», Санкт-Петербург
resnyanskaya.ek@mail.ru*

CROSS-BORDER E-COMMERCE STRATEGY AND REGULATION

E. Resnyanskaya

Summary: This article describes the results of the development of electronic commerce in Russia; identified the main trends in cross-border trade; the problems of regulation of cross-border trade are given; the drawbacks of the development process of electronic commerce in the Russian Federation are noted; the author's strategy is proposed for enhancing cross-border trade.

Keywords: e-commerce, cross-border trade, integration, information systems, offline retail, internet site.

Аннотация: В данной статье охарактеризованы результаты процесса развития электронной торговли в России; определены основные тренды трансграничной торговли; приводятся проблемы регулирования трансграничной торговли; отмечены недостатки процесса развития электронной торговли в Российской Федерации; предложена авторская стратегия для активизации трансграничной торговли.

Ключевые слова: электронная торговля, трансграничная торговля, интеграция, информационные системы, офлайн-ритейл, интернет-площадка.

Электронная торговля в последнее десятилетие приобретает все большую популярность среди российских потребителей. В результате рынок электронной торговли в России имеет устойчивую динамику роста, вошел в мировой Топ-10 по объемам продаж. По итогам первого полугодия 2020 года оборот электронной торговли в России, составил 1,65 трлн. рублей, из них 16% (268 млрд. рублей) пришлось на трансграничную торговлю и 84% - на внутреннюю торговлю.

Как ожидается, к концу года оборот возрастет в годовом сопоставлении на 45%, до 2,933 трлн. рублей, из которых на трансграничную торговлю придется 21% оборота (607 млрд. рублей) и 79% (2,3 трлн.) - на внутреннюю. В 2019 году оборот дистанционной торговли составил 2 трлн. рублей, на трансграничную торговлю пришлось 29% оборота. А с 2010 года оборот увеличился с 260 млрд. рублей более чем в 11 раз.

По итогам января - июня 2020 года доля e-commerce в общем обороте розничной торговли уже достигла 10,9%, что, приближает Россию к ведущим странам, для сравнения: США - 13,9%, КНР - 29,9%. Порядка 46% локальных продаж по итогам января - июня приходится на Центральный федеральный округ и по 13% на Северо-Западный и Приволжский федеральные округа. Распределение рынка по трансграничной торговле оказалось сопоставимым, за тем лишь исключением, что на ЦФО приходится 43%.

На Москву приходится 29,2% всех отправок по России, и 26,6% отправок из-за рубежа. На Санкт-Петербург по обоим направлениям почти 8%, на Мо-

сковскую область - 6,49% и 7,73% соответственно. Около 4% отправок локального рынка получают жители Краснодарского края, а вот на жителей Свердловской и Ростовской областей, а также Татарстана приходится чуть более 2%. Чуть менее 2% отправок приходится на Самарскую, Новгородскую и Новосибирскую области. Аналогичным образом топ-10 выглядит и для трансграничного рынка.

Между тем, следует отметить, что электронная торговля получила распространение не только внутри страны, но и связала ее с другими странами в этой сфере, как и во многих других, то есть получает распространение трансграничная электронная торговля. Анализ публикаций по данной теме [1; 2; 3 и др.] оставляет основания для осмысления необходимых преобразований в сфере трансграничной торговли, но предварительно следует определить тенденции в данной сфере.

Основным трендом трансграничной торговли в 2019 году, стало сокращение объемов рынка, который сжался как в стоимостном, так в физическом выражении, что было обусловлено несколькими причинами.

Во-первых, усилилась конкуренция с сильными локальными игроками. Внутренние интернет-магазины практически всегда имеют преимущество в скорости доставки покупателю по сравнению с зарубежными площадками. Поэтому если для потребителя более важным является именно скорость доставки, а отечественные онлайн-магазины могут предложить сопоставимый товарный ассортимент и конкурентоспособные цены, то потребитель будет отдавать предпочтение локальным

площадкам.

Во-вторых, на трансграничную торговлю в 2019 году отрицательно повлияло снижение необлагаемого таможенными пошлинами лимита с €1000 до €500.

Хотя на такие покупки приходилось менее 1% заказов, на снижение лимита потребители отреагировали сокращением дорогих покупок в иностранных онлайн-магазинах, что, конечно, негативно повлияло на стоимостную динамику рынка. К трансграничной торговле обычно относят покупки конечными российскими потребителями товаров из иностранных онлайн-магазинов напрямую с использованием для доставки курьерских служб или почтовых операторов.

Такой подход можно считать условным в связи с тем, что, зарубежные интернет-магазины могут использовать также каналы B2B для ввоза товаров и сокращения времени доставки потребителям (так, поступает, например, магазин одежды Farfetch, размещающий товары на Яндекс.Маркет).

Формально эти механизмы будут относиться к внутренней торговле. Импорт товаров по схемам B2B или B2C имеет разные налоговые и таможенные условия, и, как правило, ввоз товаров B2C, особенно товаров с низкой стоимостью, укладываемых в необлагаемые таможенные лимиты, позволяет оптимизировать налоговые платежи. Но стоимость транспортировки товаров в рамках схем B2C существенно выше, что в большинстве случаев делает такой «розничный импорт» неконкурентоспособным в сравнении с B2B. Как показывают расчеты, затраты на транспортировку в случае доставки товаров по почте в 4-10 раз превышают расходы на логистику при традиционном (крупномасштабном) импорте.

Как и во внутренней торговле, основу трансграничной торговли составляют электроника и техника (25,8%) и одежда и обувь (35%). В 2019 г. российские потребители стали чаще заказывать товары для дома на зарубежных площадках – их доля выросла до 14%, среди популярных товаров – автозапчасти и аксессуары (7%).

Лидером рынка трансграничной интернет-торговли является Aliexpress, на который приходится около 85% общего физического потока заказов из КНР. По оценкам экспертов Высшей школы экономики, GMV Aliexpress в России в 2019 г. достиг 180 млрд. руб., компания выполнила около 280 млн. заказов российских потребителей (со средним чеком в \$10).

Другими зарубежными площадками, популярными среди российских потребителей, являются в первую очередь, магазины одежды и обуви – asos.com (2,1 млн. уникальных посетителей ежемесячно), iherb.com

(2,0 млн.), farfetch.com (1,9 млн.), yoox.com (0,6 млн.), newchic.com (0,5 млн.). Также российские потребители заказывают товары с зарубежных маркетплейсов – ebay.com (2,3 млн.), amazon.com (1,3 млн.) и joom.com (1,5 млн.) [4].

Китайским магазинам удается сохранять лидирующие позиции на рынке благодаря гибкой ценовой политике и улучшению логистики. Так, в 2019 г. их доля выросла до 60%, увеличившись на 11 п.п. по сравнению с 2015 г. Однако, в 2019 г., впервые за последние 10 лет, объем посылок из Китая (в абсолютном выражении) снизился на 0,8% г/г.

Так же одним из существенных трендов 2019 года стало снижение трансграничной интернет-торговли в крупнейших городах страны. В прошлом году зарубежные интернет-магазины получили на 12% г/г меньше заказов из Москвы, и на 6% г/г меньше заказов из Санкт-Петербурга, а спрос в городах-миллионниках снизился на 2-5% г/г. Снижение интереса жителей крупных городских агломерацией к покупкам за рубежом было связано как с растущей конкуренцией со стороны российских онлайн-площадок, так и созданием крупными иностранными ритейлерами складов и локальных маркетплейсов в России, что позволило потребителям получать заказанные товары быстрее без дополнительных затрат и потери в качестве.

Тем не менее, рынок Московского региона остается крупнейшим и наиболее доходным в стране.

По предварительным данным, в 2020 году ожидается существенное сокращение объема трансграничной торговли: по итогам первого полугодия ее доля сократилась с 29% в 2019 году (586 млрд. рублей) до 16% (268 млрд. рублей). Доля покупок в локальных интернет-магазинах выросла с 71% (1,446 трлн. рублей) до 84% (1,386 трлн. рублей) по итогам прошлого года.

Между тем, российский рынок электронной торговли имеет еще достаточно большую потенциальную емкость. Однако, для дальнейшего его роста имеются определенные запреты и ограничения. Введение дополнительных запретов или отказ от ныне действующих ограничений может оказать существенное влияние на динамику интернет-торговли.

В настоящее время разработан проект стратегии развития электронной торговли в Российской Федерации на период до 2025 года, в котором представлены основные направления и механизмы решения задач развития электронной торговли в Российской Федерации.

Между тем следует отметить, что в данном документе не определены стратегические направления в отношении трансграничной торговли. Стратегия развития

электронной торговли в Российской Федерации могла бы быть дополнена направлениями развития трансграничной торговли.

С учетом проведенного анализа состояния и тенденций трансграничной торговли для ее активизации возможным решением могла бы стать следующая стратегия дальнейшего развития:

1. Сближение условий деятельности для офлайн-ритейла и интернет-площадок по средствам контроля качества товаров, прежде всего мерами нетарифного регулирования, сертификации, улучшение клиентского сервиса для граждан. В основе - создание системы многоканальности – пользователи получают доступ к полному ассортименту товаров и могут выбрать оптимальный для него вариант доставки, а также зарезервировать на сайте товар для последующего приобретения или реализации.
2. Введение дифференцированной схемы обложений для стандартных отправок и таможенных складов. Для таможенных складов – уплата таможенной пошлины и НДС, для остальной части электронной коммерции – это проведение системной работы с другими государствами – чле-

нами ЕАЭС по снижению порога беспошлинного ввоза. Данная модель позволит учесть интересы, как покупателей, так и внутренних производителей.

3. Выделение товаров для электронной торговли в отдельную категорию, с целью контроля декларируемой таможенной стоимости и консолидации на одном получателе объемов – создание института «Оператора электронной торговли».
4. Интеграция на основе существующих решений между IT-ресурсами и IT-ресурсами Федеральной таможенной службы.
5. Принятие единого законодательного акта в рамках таможенного союза, нивелирующего терминологии и подходы к регулированию электронной торговли во внутреннем законодательстве разных государств, приводящие к проблемам трансграничных отношений в данной сфере.

Предлагаемые меры позволят интегрировать разнообразие информационных систем и заложенных в них бизнес-логик, согласовывать форматы данных, обеспечить заранее продуманную связность объединяемых процессов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Казакова К.В., Пушилилин Д.В. Перспективы развития интернет-торговли в России // *Фундаментальные исследования*. – 2014. – № 12-9. – С. 1968-1972 [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://fundamental-research.ru/ru/article/view?id=36472>.
2. Магомедалиев М.Ж., Рабаданова Р.М. Современное состояние и перспективы электронной коммерции в России // *Материалы IX Международной студенческой научной конференции «Студенческий научный форум»* [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://scienceforum.ru/2017/article/2017039581>
3. Староверова К.О. Актуальные проблемы таможенного регулирования трансграничной интернет-торговли РФ // *Актуальные проблемы таможенного дела и евразийской интеграции. Материалы международной межвузовской научно-практической конференции Международного экономического форума государств-участников СНГ*. - М.: ФГБОУ ВО "РЭУ им.Г.В.Плеханова", 2016. - С.175-181. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.rea.ru/publications/Pages/Staroverova28042016.aspx>
4. Трансграничная онлайн-торговля: оценка экономического эффекта от потенциального снижения необлагаемого лимита для посылок из зарубежных интернет-магазинов [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.hse.ru/mirror/pubs/share/335376603>.

© Реснянская Екатерина Александровна (resnyanskaya.ek@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРОГРАММ РАЗВИТИЯ ВУЗОВ НА ОСНОВЕ ПРОЕКТНОГО УПРАВЛЕНИЯ

REALIZATION OF HIGHER EDUCATIONAL INSTITUTIONS DEVELOPMENT PROGRAMS BASED ON PROJECT MANAGEMENT

D. Sandler
D. Ostrovkin

Summary: The article is devoted to the formation of programs for the development of Russian universities in accordance with the urgent tasks facing the Russian higher education. The development programs of the leading universities of the Russian Federation included in the "Project 5-100" program have been analyzed and the main projects implemented by these universities also have been identified and analyzed. On the basis of the collected data and the analysis which was carried out, recommendations were formulated for the universal part of development programs, including composition of the main projects. Approaches to program management based on project management tools have been formulated. They will allow to conduct a comprehensive modernization of all components of the university's activities. The approaches provide the economic viability and integrity of the development of the university.

Keywords: project management, management, university, higher education, university development programs, university modernization, university management.

Сандлер Даниил Геннадьевич

*К.э.н., доцент, ФГАОУ ВО «УрФУ имени первого Президента России Б.Н. Ельцина»
d.g.sandler@urfu.ru*

Островкин Денис Леонидович

*К.и.н., ФГБОУ ВО «Уральский государственный лесотехнический университет»
ostrovkin.denis@yandex.ru*

Аннотация: Статья посвящена вопросам формирования программ развития российских вузов в соответствии с актуальными задачами, которые стоят перед отечественным высшим образованием. Проанализированы программы развития ведущих вузов Российской Федерации, входящих в программу «Проект 5-100», выявлены и проанализированы основные проекты, реализуемые данными университетами. На основе собранных данных и проведенного анализа были сформулированы рекомендации по универсальной части программ развития, в том числе состав основных проектов. Сформулированы подходы к управлению программой на основе инструментов проектного управления, которые позволят проводить комплексную модернизацию всех составляющих направлений деятельности университета. Подходы предусматривают экономическую состоятельность и целостность развития вуза.

Ключевые слова: проектное управление, менеджмент, университет, высшее образование, программы развития вузов, модернизации университета, управление университетом.

В последние несколько десятилетий российское высшее образование находится в состоянии перманентных реформ и изменений. Его модернизация, в первую очередь, связана с трансформацией социально-экономических условий, совершенствованием образовательных технологий и программ, формированием новых подходов к образовательной среде. Однако немаловажным условием этих изменений становится поиск новых подходов к процессу управления университетами, позволяющих повысить его эффективность. Этому способствуют и цели, сформулированные в приоритетных национальных проектах. Так, в соответствии с национальным проектом «Образование», Россия должна войти в число мировых стран-лидеров по качеству образования, в результате чего будет обеспечена его глобальная конкурентоспособность [1].

Кроме того, в июне 2020 г. Министерство науки и высшего образования представило проект «Программы стратегического академического лидерства» [2]. Она будет определять вектор развития российской высшей школы на ближайшее десятилетие. В основе Стратегии

лежит идея, которая основывается на базисном значении высшего образования и науки для достижения конкретных результатов и национальных целей, выразившихся в указе Президента РФ от 7 мая 2018 года.

В соответствии с концепцией можно выделить две главные идеи. Во-первых, что именно университеты должны готовить качественных специалистов, которые в последующем будут востребованы на рынке труда и иметь потенциал для качественных изменений в экономике. Во-вторых, вузы должны стать центром науки и научных исследований, проводить современные разработки опираясь на требования рынка и региональные потребности. Наконец, в-третьих, именно вузы-лидеры должны взять на себя функцию быть во главе развития регионов.

Достижение данной цели подталкивает руководителей вузов обращаться не только к воспроизведению стандартных управленческих рецептов и компетенций, а к поиску «уникальных конкретных преимуществ и продуктов». При этом получение его невозможно путем из-

вестного воспроизведения управленческих действий. В связи с этим, все чаще руководители вузов обращаются к проектному управлению.

В современной литературе, при различных дискуссиях, не редко два различных понятия – «проектное управление» и «проектное обучение» – используют как инструменты для решения сходных задач. Однако, по нашему мнению, несмотря на сходную инструментальную основу, они применяются в разных процессах и имеют различную область применения. Считаем необходимым подчеркнуть различия в вышеназванных понятиях. Так, под «проектным управлением» мы подразумеваем процесс управления деятельностью, нацеленной на разработку и реализацию проектов [3], а под «проектным обучением» – базовую образовательную технологию, поддерживающую компетентностно-ориентированный подход в образовании [4]. Важность внедрения проектного обучения для решения стратегических задач не является отдельным предметом данной статьи и раскрыта в целом ряде работ [5, 6, 7, 8]

Насколько проектное управление свойственно вузам, возможно ли его внедрение на постоянную основу и каковы его параметры? Данные теоретические подходы к построению проектного управления в университетах в настоящее время освещены достаточно большим количеством авторов в научной литературе [9, 10, 11, 12]. Суммировав, выделим ряд приоритетных черт, имеющих у проектного подхода, по мнению исследователей:

- объединение различных областей и сфер жизнедеятельности университета для решения конкретной стратегической задачи, а также возможность гибкого изменения в соответствии с меняющейся средой;
- возможность получить результат за ограниченное время и оценить его действие;
- создание проектных команд из числа сотрудников различной подчиненности, а также гибкость таких структур;
- поощрение и стимулирование мотивации сотрудников (как личной, так и командной) в соответствии с выполненной задачей;
- усиление роли руководителя проекта и личной ответственности за его выполнение [12, 13].

Кроме того, для урегулирования процессов и выработки общих подходов к управлению проектами в 2011 г. Федеральным агентством по техническому регулированию и метрологии были приняты стандарты ГОСТ Р 54869–2011 «Проектный менеджмент. Требования к управлению проектом», ГОСТ Р 54870–2011 «Проектный менеджмент. Требования к управлению портфелем проектов», ГОСТ Р 54871–2011 «Проектный менеджмент. Требования к управлению программой».

Таким образом, проект в вузе должен стать «инструментом достижения стратегических целей образовательной организации высшего образования, позволяющий сделать это с минимумом затрат, в кратчайшие сроки» [14]. В результате, проект и проектное управление должно быть отражено в стратегических документах вуза – программах развития университетах, отражающих основные показатели и цели.

Безусловно, управление проектами в университетах имеет свою специфику, которая необходимо учитывать и которая уже подвергалась исследованию в отдельных работах [15].

В предыдущих статьях авторами данного исследования были проанализированы основные внешние факторы, которые способствуют внедрению проектного менеджмента в университете, такие как: изменения в области государственного управления и молодежной политики, реализации национальных проектов, деятельность научных фондов и т.д. [16]. Однако для успешного решения изложенных факторов и трендов вуз должен разработать комплексную программу развития и перейти на проектное управление, которое позволит обеспечить поступательное функционирование и развитие университета.

Для системного анализа программ развития университетов нами были взяты несколько ведущих российских вузов, входящих в «Проект 5-100»: Национальный исследовательский технологический университет НИТУ «МИСиС» (НИТУ «МИСиС»), Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (УрФУ), Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта (БФУ им. И. Канта), Сибирский федеральный университет (СФУ) и Тюменский государственный университет (ТюмГУ). Цель данного проекта – достижение максимальной конкурентоспособности российских вузов в мировом образовательном пространстве, вхождение в число лидеров, среди научно-образовательных центров на глобальном рынке образования. [17].

В программах развития данных университетов основной акцент сделан на образовательные и научные направления. Это вполне объяснимо, т.к. именно эти показатели позволяют вузам занимать лидирующие позиции в различных рейтинговых системах и направлены на основную деятельность высших учебных учреждений. В связи с этим, можно выделить четыре основных блока в программах данных университетов:

- модернизация образовательного процесса;
- модернизация научно-исследовательского процесса и инновационной деятельности;
- развитие кадрового потенциала;
- совершенствование организационной структу-

Количество проектов, реализуемых вузами, в рамках основных направлений деятельности (по программам развития)

Вуз	Количество проектов				Итого (в процентной доле по блокам)
	модернизация образовательного процесса	модернизация научно-исследовательского процесса	развитие кадрового потенциала	модернизация организационной структуры университета	
НИТУ «МИСиС»	7	6	3	3	19 (37%/31%/16%/16%)
УрФУ	5	7	2	2	16 (31%/43%/13%/13%)
БФУ им. И. Канта	3	5	4	2	14 (22%/36%/28%/14%)
СФУ	7	6	6	5	24 (29%/25%/25%/21%)
ТюмГУ	4	6	5	4	19 (21%/32%/26%/21%)
Итого по 5 вузам	26	30	20	16	92 (28%/33%/22%/17%)

ры университета и повышение эффективности управления.

В соответствии с данными направлениями деятельности в программах развития рассматриваемых нами вузов можно выделить количество ключевых проектов и мероприятий, реализуемых университетами, которые представлены в таблице.

Анализ количества и направления проектов показывает, что вузы, как центры образования, в первую очередь, сосредотачивают свое внимание на улучшении образовательного и научно-исследовательского процесса. При этом отметим, что часть проектов и мероприятий среди вузов имеет единую основу, а некоторые из них свою уникальную, специфическую составляющую для данного университета. Исходя из этого, считаем возможным выделить «пул» проектов и мероприятий, которые универсальную составляющую и отвечают требованиям реализации национальных проектов «Образование», «Наука», «Кадры для цифровой экономики» и ежегодно-му посланию Федеральному собранию Президента РФ.

Анализ программ развития ведущих вузов свидетельствует, что на сегодняшний день в сфере высшего образования приоритетными являются следующие векторы развития:

1. Обеспечение подготовки кадров для базовых отраслей экономики и социальной сферы с переходом к реализации адаптивных, практико-ориентированных и гибких образовательных программ высшего образования, которые обеспечивают получение студентами профессиональных компетенций, отвечающих актуальным требованиям

рынка труда, в том числе в области цифровой экономики, командной и проектной работы (Кадры для экономики);

2. Обеспечение возможности для всех категорий граждан к онлайн-курсам, реализуемым организациями и образовательными платформами в соответствии с качеством подготовки обучающихся мировому уровню (Доступность контента мирового уровня);
3. Повышение качества преподавания и соответствие направлений подготовки региональным рынкам труда с учетом мнения работодателей и мониторинга трудоустройства выпускников (Постоянное совершенствование);
4. Решение крупных научно-технологических задач, развития высокотехнологичных отраслей и реализации амбициозных научно-технологических программ (Научно технологические достижения);
5. Внедрение новых образовательных технологий, создание цифрового обучающего контента (симуляторы, виртуальные лаборатории и т. д.), осуществление визуализации учебной информации, а также профессиональная подготовка и переподготовка преподавателей для работы с новыми технологиями (Новые образовательные технологии);
6. Объединение образовательных организаций высшего образования и научных организаций вне зависимости от их ведомственной принадлежности с организациями реального сектора экономики, проводящих научные исследования и разработки мирового уровня (Кооперация).

До сих пор недооценена, роль седьмой задачи – роста экономической устойчивости ООВО. Но именно она

позволяет добиться стабильности достижений в предыдущих 6 задачах. В то же время, наличие задачи экономической устойчивости и экономической состоятельности достижений в остальных задачах, в условиях ограниченных ресурсов, делает обязательным поиск синергетического эффекта между ними и формирование стратегических проектов, решающих одновременно несколько задач.

В связи с ключевыми задачами развития и проведенным выше анализом ведущих вузов нами были **сформулирована универсальная часть программ развития в виде основных проектов**, которые должны войти в программы развития вузов, что позволит кардинально изменить всю систему управления, повысить ее эффективность и успешно достигать поставленных целей в будущем.

Важно, что при реализации данных проектов, по нашему мнению, образуется взаимосвязь стратегических

задач и ключевых проектов (см. схему), которая позволяет проводить комплексную модернизацию всех составляющих направлений жизнедеятельности университетов с введением показателей целостности и экономической состоятельности.

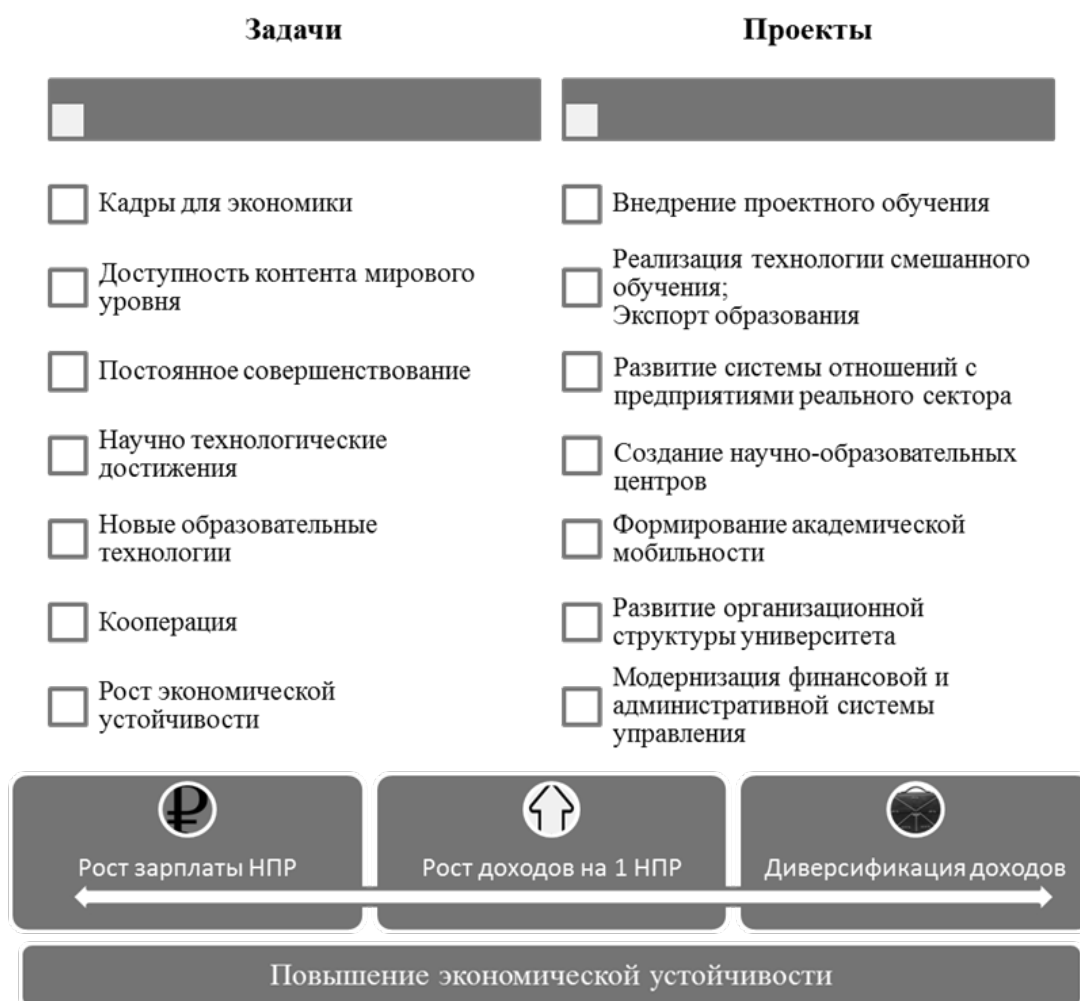
В соответствии с представленными проектами авторами был проведен анализ проектов, их целеполагание, а также краткое описание, которое представлено ниже.

Проект 1. Внедрение проектного обучения в образовательные программы университета

Цель проекта – качественное изменение содержания образовательных программ путем введения механизмов проектной деятельности, а также активное вовлечение предприятий реального сектора в процессы формулирования актуальной проблематики проектных заданий, обеспечения доступа к информационным и материальным ресурсам для выполнения работ и оценки результатов работ проектных команд.

Схема 1

Взаимосвязь стратегических задач и ключевых проектов

В рамках реализации проекта должны быть созданы лаборатории и коворкинги проектного обучения для формирования коммуникационной среды на стыке образования, науки и предпринимательства. Осуществлена качественная модернизация существующих и разработка новых образовательных программ, подготовка руководителей студенческих проектов, сформирована экспертная и партнерская база, внедрена информационная система сопровождения проектной деятельности и взаимодействия с партнерами. Должно быть запланировано применение модели компетенций WorldSkills и элементов индивидуализации образовательных траекторий в качестве механизма повышения мотивации студентов к обучению на основе осознанного выбора и быстрой адаптации траекторий к запросам работодателей.

Проект 2. Реализация технологии смешанного обучения и online-обучения

Цель проекта – организация совмещения сетевого обучения с очным, интеграция традиционных форм с электронными технологиями.

В рамках данного подхода значительная часть базовых знаний осваивается студентом самостоятельно, а на очных занятиях проходит практическое закрепление материала. Важно, что реализация проекта смешанного обучения позволит не просто дополнить традиционное и уменьшить время, проведенное обучаемыми в аудитории, но и станет неотъемлемой составной частью образовательного процесса, переходящего в новое качественное состояние посредством взаимного влияния и интеграции традиционного и электронного обучения. При этом, по нашему мнению, важно, чтобы практика, проектная и исследовательская работа, занимала не менее 40% объема общей подготовки специалистов.

При реализации данного проекта важно, что вуз создает базу online-курсов по всем уровням подготовки, что обеспечивает возможность построения индивидуальных образовательных траекторий обучения. В дальнейшем это может послужить экспортом модулей в формирующиеся в России платформы открытого образования, платформы научно-образовательных центров и др.

Масштабное внедрение смешанных технологий обеспечит формирование единого информационного пространства, интегрированного в межвузовское и мировое информационное сообщество, снижение доли аудиторной нагрузки, повышение эффективности образовательных, научно-исследовательских и управленческих процессов.

Проект 3. Создание научно-образовательных центров по приоритетным направлениям науки и техники

Цель данного проекта – ориентирование обучения по приоритетным направлениям науки, а как следствие – организации процесса обучения интегрированного с реализацией исследовательских и прикладных проектов.

Считаем, что отличным примером организации таких центров может стать практика создания проектно-учебных лабораторий. Такие лаборатории должны стать одним из механизмов, способствующих повышению практической значимости образовательных программ и обеспечению освоения студентами проектных компетенций через реализацию исследовательских, прикладных и консалтинговых проектов. Важно, что реализация данного проекта позволит обеспечить инфраструктуру для реализации междисциплинарных научных исследований, а также даст возможность закрепления инициативных проектных команд.

Важной особенностью формата проектно-учебных лабораторий является то, что они могут реализовываться как отдельная организационная форма, что дает ряд преимуществ как для коллективов в университете, так и для студентов.

Среди таких преимуществ можно выделить три ключевых:

- проектно-учебные лаборатории обеспечивают инфраструктуру для реализации междисциплинарных проектов;
- статус таких лабораторий позволяет закреплять инициативные проектные команды;
- проектно-учебные лаборатории предоставляют студентам возможность знакомства с принципами работы проектных центров.

Проект 4. Формирование академической мобильности и профессионального роста сотрудников университета

Цель проекта – обеспечение вуза административным и профессорско-преподавательским составом из числа конкурентоспособных специалистов для решения задач, связанных с достижением поставленных целей. Считаем необходимым разделить данный проект на два взаимосвязанных направления: во-первых, учет и оценка деятельности сотрудников, а во-вторых, создание условий для «возвращения» талантов.

Потребность сегодняшнего дня в том, чтобы переломить склонность профессорско-преподавательского состава считать, что стратегическое планирование осу-

ществляют и должны осуществлять главные должностные лица (ректор, проректоры), а основная функция ППС ограничивается педагогической деятельностью. Для этого необходима система стимулирования деятельности учебных подразделений университета, при которой краткосрочные результаты оцениваются более существенно, чем усилия, направленные на долгосрочные перспективы развития.

Данное направление проекта позволит предусмотреть ежегодную рейтинговую оценку преподавателей, кафедр и факультетов/институтов (по итогам учебного года) по показателям, характеризующим научную, учебную, методическую и организационную работу. По результатам рейтинговой оценки преподавателям устанавливаются стимулирующие надбавки к должностному окладу. Система рейтинговой оценки в целом позволит повысить эффективность внутреннего контроля и диагностики профессорско-преподавательского состава и кафедр, совершенствовать процесс управления вузом.

Другим направлением должно стать целевая и конкурсная поддержка перспективных студентов-выпускников и молодых преподавателей определенных научных специальностей исходя из текущих и перспективных потребностей вуза путем отбора. Важным условием необходимо предусмотрено отчетность о результатах научно-исследовательской деятельности и эффективности деятельности соискателя. Подпрограммой данного направления может служить формирование так называемого «кадрового резерва» для замещения руководящих должностей путем отбора перспективных сотрудников, обладающих высокими профессиональными и личностными качествами.

Проект 5. Экспорт образования и формирование стратегии международного продвижения образовательных услуг

Цель: повышение привлекательности и конкурентоспособности российского образования на международном рынке образовательных услуг с увеличением роста числа иностранных обучающихся в образовательных организациях.

Проект должен быть направлен на реализацию совместных образовательных программ университета с зарубежными коллегами, а также создание (или расширение) перечня магистерских программ двух дипломов. По нашему мнению, для облегчения процесса интернационализации не менее 30 – 40% программ магистратуры и аспирантуры должно реализовываться на английском языке.

Проект 6. Развитие системы отношений с предприятиями реального сектора.

Цель проекта – развитие научно-технологического сотрудничества с предприятиями реального сектора, в том числе в области инженерных изысканий. Данная инициатива позволит устранить недостаточную системность взаимодействия университета с реальным сектором экономики, увеличить объем заказов на НИОКР.

Основным механизмом должно сопровождения наукоемких и модернизируемых отраслей региона, в том числе через создание в рамках НИЧ функции проактивного поиска заказов на корпоративном рынке, для формирования стратегического партнерства с предприятиями реального сектора экономики. Это позволит создать и оснастить совместно с предприятиями новые лаборатории, в том числе лаборатории центров коллективного пользования, развитие проектных и конструкторских бюро, выполнение прикладных НИР.

Проект 7. Развитие организационной структуры университета

Цель: упорядочение организационной структуры и повышение эффективности функционирования вуза в целом.

В части реорганизации существующей структуры управления необходимо:

- четко разделить функции руководителей и существующих структурных подразделений вуза;
- создать отдел по стратегическому развитию и проектному управлению;
- конкретизировать пакеты положений, должностных инструкций и видов работ для операций и процедур, структурных подразделений и рабочих мест.

В структуре управления ответственность за принимаемые решения должна быть сформулирована для каждой должности в виде диапазонов ответственности. В рамках диапазона каждое должностное лицо вуза действует самостоятельно и несет личную ответственность за полученный результат. Одновременно должны быть очерчены деловые отношения, в которые вступают должностные лица между собой для принятия решений, относящихся к их диапазонам ответственности.

В существующую линейно-функциональную структуру может быть встроена матричная структура управления, т.е. введен институт руководителей проектов. Этот статус могут приобретать даже рядовые сотрудники при соответствующей компетентности, выполняющие самостоятельные задания по программе. Это будет способ-

ствовать более качественному решению проблем, распределению задач, прав и ответственности в системе управления.

Проект 8. Модернизация финансовой и административной системы управления

Цель: фокусировка и координация деятельности университета по минимизации финансовых потерь и повышение ответственности не только руководителей структурных подразделений вуза, но и профессорско-преподавательского состава и кафедр за результаты учебной и финансовой деятельности.

На сегодняшний день, очевидно, что изменение современных вузов в сторону «адаптивной профессиональной предпринимательской организации» неизбежный шаг [18]. В связи с этим, одной из задач стратегического управления является придание вузу предпринимательского стиля поведения направленного на повышение доходности вуза за счет непрерывной цепи организационных нововведений. Высшее руководство вуза должно задуматься о совместимости понятий «образование» и «рынок» и предпринять в этом направлении радикальные шаги, необходимость которых обусловлена недостаточным бюджетным финансированием, обострением конкуренции, лавинообразным нарастанием изменением во внешней среде, низкой заработной платой и отсутствием мотивации у профессорско-преподавательского состава и сотрудников. Необходимо разработать концепцию организации внутривузовского предпринимательства, ориентированную на достижение стратегических целей вуза.

Примером таких изменений может стать создание «малых предприятий», цель которых – осуществление научной, производственной и коммерческой деятельности с целью удовлетворения потребностей потребителей и получение на этой основе прибыли. Важно, что спектр и направления деятельности таких предприятий обширен: от проведения научно-исследовательских до ремонтно-строительных работ, оказания услуг в культурно-творческой, спортивной и иной деятельности.

Следующим шагом реализации проекта должно стать внедрение «центров финансовой ответственности» вуза. Каждое структурное подразделение должно рассматриваться как предпринимательская организация, занятая реализацией своего проекта. Таким образом, такие центры получают право самостоятельно распоряжаться полученным доходом и осуществляющая свою деятельность на основе договоров с другими ЦФО, а с другой стороны точечно формируют персональную ответственность за собственное финансовое благополучие, а значит и в целом за вуз.

Результатом проекта должно стать создание центров финансовой ответственности по основным направлениям деятельности университета, формирование единой системы бухгалтерского и налогового учета движения финансовых средств, расширение технологий электронных услуг, оптимизация основных бизнес-процессов с целью эффективного управления ресурсами университета.

Реализация данных проектов является для вузов амбициозной и долговременной задачей. Однако университет является сложной системой, где глобальные изменения требуют тщательной подготовки, детального планирования и готовности вкладывать большие ресурсы в течение длительного времени для получения отсроченных результатов в стратегической перспективе. В результате, преимущества проектного управления входят в противоречия, расхождение в академической среде.

Основная проблема управления в вузе заключается в том, что традиционные методы организации не предполагают проектное управление. Взаимодействие идет по линии операционной деятельности: «проректор – управление – отдел», либо «проректор – дирекция (деканат) – кафедра». При этом отсутствуют нормативные и регулирующие отношения проектного управления в самой организации. Даже при внешней декларативности о переходе ведущих университетов на проектный менеджмент в программах развития вузов об этом мало упоминается. Так, среди указанных нами выше вузов только в стратегических целях и показателях ТюмГУ можно найти то, что университет к 2018–2020 гг. планирует полный переход на проектное управление. По нашему мнению, Департамент проектной деятельности Министерства науки и высшего образования должен взять на себя функции методического центра и разработать рекомендации для вузов по поэтапному переходу к проектному управлению.

Следующим вопросом становится готовность самой корпоративной культуры вуза и сотрудников в целом к новым способам управления. Ни для кого не секрет, что любые изменения воспринимаются рядовыми работниками как «чуждые насаждения сверху». Дополняется это практически отсутствием квалифицированного персонала с проектными компетенциями. Так, только не более 150 человек в сфере высшего отечественного образования являются сертифицированными специалистами (по сведениям Российской ассоциации управления проектами «Совнет»), которые прошли обучение по управлению проектами по стандарту ICB IPMA. В рамках других систем обучения и стандартов количество почти не отличается. Поэтому руководителям вузов нужно быть готовым к тому, что первоначально проектное управление приведет к видимым затратам и лишь в перспективе – экономии средств и ресурсов.

В связи с этим, для решения вышеназванных задач в каждом конкретном вузе должен быть разработаны комплексные проекты с четко сформулированными количественными результатами, экономической моделью, а также выраженной и ориентированной во времени целью. Цель проекта подразделяется на мероприятия, что должно трансформироваться в задачи структурных подразделений университета, быть отражено в индивидуальных KPI (Key Performance Indicators) сотрудников.

Считаем, что планомерное внедрение вышеизложенных рекомендаций по применению инструментов проектного управления, в рамках реализации программ

развития, позволит сформировать организационную культуру работы с проектами, применять на практике программно-аналитические средства и повышать эффективность образовательной деятельности вуза. Кроме того, внедрение проектного подхода в деятельность университетов может стать ключевым методом при достижении тактических и стратегических целей инновационного развития вуза, позволяющих достигать иницируемых и целенаправленных трансформаций в относительно короткие сроки и отвечающих таким принципам организации современного образовательного пространства, как прагматичность, открытость, постоянное развитие, системность и прозрачность.

ЛИТЕРАТУРА

1. Паспорт Национального проект «Образование». [Электронный ресурс]. – URL: <http://government.ru/info/35566/> (дата обращения: 15.08.2020).
2. Программа стратегического академического лидерства [Электронный ресурс]. – URL: https://www.minobrnauki.gov.ru/ru/press-center/card/?id_4=2875 (дата обращения: 15.08.2020).
3. Юсупов В.З. Источники, методологические основы и понятийный аппарат проектного управления в педагогическом менеджменте // Научные труды Московского гуманитарного университета. – 2018. – № 4. – С. 15 – 43.
4. Герасикова Е.Н. Проектное обучение в действии: опыт реализации проектного подхода в подготовке будущих специалистов Калужской области // Экономика и современный менеджмент: теория и практика: сб. ст. по матер. XLVII междунар. науч.-практ. конф. – Новосибирск: СибАК, 2015. – №3(47). – С. 26–31.
5. Завьялова Н.Б., Сагинова О.В. Проектная работа студентов: как улучшить результат // Креативная экономика. – 2017. – №9 – Т. 11. – С. 943-952.
6. Завьялова Н.Б., Сагинова О.В. Проектная работа студентов // Плехановский научный бюллетень. – 2018. – №1. – С. 35–37.
7. Завьялова Н.Б., Сагинова О.В., Стукалова А.А., Максимова С.М. Место и роль проектной работы в подготовке специалистов для современной экономики // Российское предпринимательство. – 2017. – Т. 18. – №19 – С. 2759–2768.
8. Сагинова О.В., Гришина О.А., Штыхно Д.А. Проектное обучение студентов на основе заказов малых и средних предпринимательских структур // Российское предпринимательство. – 2017. – Т. 18. – №3. – С. 417–425.
9. Дульзон А.А. Опыт обучения управлению проектами // Высшее образование в России. – 2013. – № 10. – С. 83–90.
10. Сауренко Н.Е. Управление проектами в высшей школе // Мир науки, культуры, образования. – 2011. – № 5. – С. 195–198.
11. Бабенко Е.И., Загороднова Е.П. Проектная деятельность университета на основе стратегического анализа // ARS ADMINISTRANDI. 2011. № 4. С. 29–35.
12. Москвин С.Н. Управление проектами в сфере образования. Учебное пособие для вузов. – М.: Издательство Юрайт, – 2019. – 139 с.
13. Управление проектами / И.И. Мазур, В.Д. Шапиро, Н.Г. Ольдерогге, А.В. Полковников. – М., 2010. – 960 с.
14. Полевой С.А., Чалова А.В. Проблемные вопросы проектной деятельности в организациях высшего образования // Проблемы современного образования. – 2019. – С. 136 – 143.
15. Проектное управление научной деятельностью вуза. Методический инструментарий: монография // под ред. д-ра экон. наук, проф. А.В. Шишкина. – М.: Издательство «Палеотип». – 2013. – 144 с.
16. Сандлер Д.Г., Островкин Д.Л. Формирование инструментов проектного управления в системе высшего образования // Вестник БИСТ. Серия «Экономика». – № 1 (46), – 2020. – С. 24 – 35.
17. Подробнее на сайте Проекта 5-100. [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.5top100.ru> (дата обращения 10.08.2020).
18. Грудзинский А.О. Стратегическое управление университетом: от плана к инновационной миссии // Университетское управление: практика и анализ. – 2004. – № 1. – С. 9–20.

© Сандлер Даниил Геннадьевич (d.g.sandler@urfu.ru), Островкин Денис Леонидович (ostrovkin.denis@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОЛОЖЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ РИСКОВ КОМПАНИЙ ХИМИЧЕСКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

THEORETICAL PROVISIONS OF RISK RESEARCH OF CHEMICAL INDUSTRY COMPANIES

N. Solovieva

Summary: The article discusses the theoretical aspects of understanding risks and opportunities as their dichotomy in the activities of chemical companies. Various approaches to understanding risk are studied and accumulated, modern approaches are highlighted; the industry specificity of understanding the risks in the chemical industry is analyzed. The author considers the main approaches to the classification of risks, including sectoral ones, on the basis of which the author's classification of risks and opportunities of chemical companies is proposed, taking into account sectoral and corporate aspects.

Keywords: risks, risks and opportunities, chemical industry, risk classification, industry risks.

Соловьева Наталья Владимировна

*соискатель, Северо-Кавказский Федеральный
Университет, г. Ставрополь
solo-snv@mail.ru*

Аннотация: В статье рассмотрены теоретические аспекты понимания рисков и возможностей как их дихотомии в деятельности компаний химической промышленности. Изучены и аккумулированы различные подходы к пониманию риска, выделены современные подходы; проанализирована отраслевая специфика понимания рисков в химической промышленности. Автором рассмотрены основные подходы к классификации рисков, в том числе – отраслевые, на основании чего предложена авторская классификация рисков и возможностей компаний химической промышленности с учетом отраслевого и корпоративного аспектов.

Ключевые слова: риски, риски и возможности, химическая промышленность, классификация рисков, отраслевые риски.

Проблема управления рисками компаний всех видов деятельности широко освещается в научной, методической и прикладной литературе отечественных и зарубежных авторов, находит локальные решения в системах менеджмента крупных корпораций. Динамичное развитие факторов внешней и внутренней среды компаний, определяющих уровень рисков, изменчивость среды функционирования, эволюция понимания риска и его видовой структуры порождает необходимость развития теории и практики риска в контексте развития экономики и связанных с ней сфер функционирования организаций.

Эволюция теории риска, понятия «риск» и теоретических подходов к управлению рисками (риск-менеджмента) неоднократно рассматривался ученым. Первоначальное значение риска связано с возможностью наступления какого-либо опасного события, наличия самого факта опасности. Это нашло отражение в первоначальном научном и современном обыденном понимании риска. Взяв за основу имеющиеся в научной литературе группировки подходов к пониманию риска и проведя анализ отечественных и зарубежных трудов по проблемам риска и риск-менеджмента, мы предлагаем группировку основных определений риска по смысловому содержанию: риск как опасность возникновения потерь, риск как ситуация неопределенности, влияние неопределенности, риск как возможность наступления событий, оказывающих негативное влияние на экономи-

ческий объект, риск как событие, риск как деятельность, риски как альтернатива возможностям.

Анализ хронологии выхода трудов по теории риска показывает, что понимание риска как вероятности возникновения потерь и риска как ситуации неопределенности является сравнительно устаревшим. Действительно, простая вероятность потерь сопутствует любым экономическим и социальным явлениям, однако для характеристики этих явлений понятием «риск» необходимо сопроводить их активной деятельностью субъекта анализа. Подмена же понятия риска неопределенностью представляется результатом терминологической запутанности.

Международные стандарты ISO 73:2009 и ISO 31000 определяют риск как следствие влияния неопределенности на достижение поставленных целей. Характерно, что в стандартах подчеркивается вероятность и позитивного, и негативного влияния, а также указывается простое отклонение от ожидаемых значений. Кроме того, указана возможность трактовки риска как события, изменения условий. В русскоязычном аналоге стандарта, ГОСТ Р 51897-2011, указана только первая часть определения: «Риск – следствие влияния неопределенности на достижение поставленных целей» [8].

Одной из распространенных точек зрения на риск является его изучение как возможности наступления со-

бытий, оказывающих негативное влияние на объект, или как само такое событие. С. МакКей рассматривает такую возможность как противоположность цели управления [4]. Аналогично в стандарте COSO ERM 2017 риск – это вероятность возникновения событий, которые могут оказать влияние на достижение стратегических и бизнес-целей [15]. Примечательно, что в этом, ориентированном прежде всего на практику, документе не акцентировано внимание на негативной коннотации понятия, а дана нейтральная характеристика в свете вероятных последствий рисков событий. Это приближает данное видение к наиболее современной точке зрения: риск как альтернатива возможностям.

Следующая точка зрения – риск как само событие, которое может характеризоваться вероятностью наступления и последствий. Риск как событие рассматривает П. Хопкин: «Событие, обладающее способностью повлиять (подавить, усилить или вызвать сомнения) на эффективность и результативность основных процессов организации» [2]. Характерно, что в данном случае речь идет не просто о потерях в абсолютном выражении, а о снижении относительных характеристик деятельности компаний: их эффективности.

Риск как деятельность – достаточно распространенная точка зрения на данную категорию. Кандыба А.А. [9] характеризует понятие риска через элементы ситуации риска: а) неопределенность, б) наличие нескольких альтернатив разрешения ситуации, в) возможность оценить альтернативы субъективно и объективно, г) необходимость принятия решения. Исходя из этого, риск в понимании Кандыбы А.А. – деятельность, связанная с преодолением неопределенности в ситуации неизбежного выбора, в процессе которой имеется возможность количественно и качественно оценить вероятность достижения предполагаемого результата, неудачи и отклонения от цели.

Наконец, одной из современных, получающих все большее распространение точек зрения является изучение риска как альтернативы возможностям. Ряд авторов подчеркивает как негативное, так и позитивное влияние риска на деятельность объектов, однако в массовом сознании риски по-прежнему носят отрицательную коннотацию: и в стандартах, и в отчетах компаний, и в теоретических трудах в первую очередь рассматриваются вероятные потери от наступления рисков событий, что ведет к упущению из внимания возможных позитивных последствий риска. В этой связи представляется разумным дополнить понятие риска парной категорией возможностей по аналогии с другими дихотомическими понятиями и инструментами (например, силы и слабости в SWOT-анализе).

А. Бенджамин [1] рассматривает риски в контексте

системы управления рисками и возможностями. С его точки зрения, риск – это вероятность будущего снижения результативности в отношении достижения четко установленных и заявленных целей на всех организационных уровнях, включая стратегические цели организации. Под возможностью автор понимает вероятность будущего повышения результативности в отношении достижения четко определенных целей и выполнения миссии организации.

С. Хунцикер [3] определяет риск как инструмент, позволяющий воспользоваться возможностями, поскольку он напрямую и измеримо сравнивает возможности и негативные аспекты риска, связанные с бизнес-целью или стратегической альтернативой. Это определение связывает риск и с деятельностью через категорию «инструмента», что говорит о движущей силе категории в отношении функционирования объектов анализа.

Характерно, что существует множество определений риска, незначительно отличающихся между собой. В связи с этим интересным представляется подход П. Хопкина [2], который, анализируя различные определения риска, в том числе, включенные в национальные стандарты риск-менеджмента, приходит к выводу о том, что организация самостоятельно может выбрать определение риска, наиболее подходящее для ее собственных целей.

Необходимо отметить, что понимание риска специфически реализуется в работах по отраслевой экономике. Так, Рыгаловский Д.М., характеризуя признаки внешних и внутренних рисков компаний химической промышленности, сопутствующих управлению компанией химической промышленности, акцентирует внимание как на нейтральных признаках, способных оказать и положительное, и отрицательное влияние на деятельность объектов (изменения в региональной политике, изменения конъюнктуры рынка и др. – в большей мере это внешние признаки), так и на негативных признаках риска (увеличение ставки рефинансирования, недостоверность получаемой руководством информации, разногласия между руководителями различных подразделений, низкий профессионализм менеджеров и др. – как внешние, так и внутренние) [14].

Анализ эволюции понятия «риск» в последние годы показывает, что в современной теории по-прежнему не существует единого подхода к пониманию данной экономической категории, однако всё большее развитие получает понимание двойственной и динамической природы риска.

В контексте наших работ мы будем рассматривать риск и возможность в деятельности организаций химической промышленности как дихотомические категории, характеризующие деятельность организации (со-

бытия - как частный случай этой деятельности), с точки зрения вероятности и значимости результатов этой деятельности (событий): риск – вероятность и значимость негативных результатов, возможность – вероятность и значимость позитивных результатов.

Дальнейший анализ целесообразно проводить в разрезе видов риска, его возможных вариаций в современной экономической среде. Ряд признаков фасетной классификации рисков (напр., внешние и внутренние, чистые и спекулятивные риски, риски по функциональным направлениям и др.) используются авторами для составления так называемых системных классификаций рисков, которые, как правило, сводятся к выделению двух укрупненных групп и их дальнейшей дифференциации в этих рамках. Отдельные авторы, характеризуя отраслевую специфику риска, строят двумерную классификацию рисков по признакам сферы возникновения и экономической природе.

Ключевые риски, подлежащие анализу и учету в компаниях химической промышленности, по мнению Глуценко А.В. и Ярковой И.В. [7], можно разделить на отраслевые и экологические. Нестеров А.А. выделяет риски, специфичные для химической промышленности: индивидуальный, технический, экологический, социальный и экономический риски. Характерно, что автор делает акцент на рисках, связанных с производством и экологической стороной деятельности компаний, а также социальной стороной производственного процесса [12].

В работах, посвященных тематике, смежной с рисками (например, стратегическое управление), приводится перечень рисков, охватывающих конкретные факторы

их возникновения. Например, Аникина И.Д. в качестве основных рисков производства минеральных удобрений выделяет низкий внутренний спрос со стороны компаний АПК; рост цен на природный газ (60 % в структуре издержек предприятия); рост ценовой конкуренции со стороны зарубежных производителей [6].

Макарова В.И и Новикова Н.А. выделяют для догоняющей инновационной стратегии развития химической промышленности риски высокой конкуренции; внешние риски, связанные с необходимостью широкого использования иностранного капитала; риск зависимости от импорта технологий. Эти же авторы, рассматривая стратегию технологического лидерства химической промышленности, выделяют риски инноваций и риски, связанные с быстротой распространения информации и отсутствием действенной защиты интеллектуальной собственности [11].

Агеева Е.П. и А.Н. Дырдонова, применительно к инновационным инвестиционным проектам химической промышленности выделяют маркетинговый риск, риск повышения капитальных вложений на проект и общеэкономические риски. [5]

Л.А. Родина, Е.А. Ломакина выделяют как специфику рисков компаний химической промышленности повышенную опасность производства, генерирующую экологические, экономические, социальные риски, которые необходимо выделять из общей массы рисков компании и не включать их в расчет интегрального риска. Исходя из этого, авторы выделяют производственные, коммерческие риски, риски управления, финансовые риски компаний химической промышленности [13].

Рис. 1. Классификация рисков и возможностей компаний химической промышленности [разработано автором]

С нашей точки зрения, классификация рисков и возможностей, используемая в управлении, для принятия управленческих решений в области управления рисками должна отвечать одновременно требованиям двух, зачастую противоречивых подходов: теории рисков и, соответственно, носить научно обоснованный характер, и сложившейся практике управления рисками.

С позиции проведенного теоретического исследования мы предлагаем следующую классификацию рисков и возможностей организаций химической промышленности (рисунок 1).

Предлагаемый подход сформирован на основании следующих принципиальных положений:

- классификация отвечает требованиям гибкости и адаптивности к специфике деятельности конкретной компании и определенного момента анализа;
- классификация отражает степень возможности управления рисками и возможностями со стороны менеджмента компании;

— поскольку большая часть компаний исследуемого вида деятельности функционирует в форме вертикально-интегрированных корпоративных структур, то классификация рисков и возможностей включает дифференциацию предмета исследования в зависимости от объекта: головная организация, дочерняя организация или корпорация в целом;

— итоговое влияние рисков и возможностей на деятельность организаций химической промышленности проявляется в результатах реализации рисков событий, среди которых укрупненно можно выделить: экологические, финансовые (экономические), социальные (включая медицинские, оплату труда и т.д.) и технологические потери или приобретения; групп конкретные риски и возможности могут привести одновременно к нескольким видам результатов, соответственно, укрупнено будут характеризоваться как эколого-экономические, социально-экономические, технико-экономические и другие риски.

ЛИТЕРАТУРА

1. Benjamin A.S. Enterprise Risk and Opportunity Management. – Wiley, 2017. - 360 p. - ISBN 1119288428.
2. Hopkin Paul. Fundamentals of Risk Management: Understanding, Evaluating and Implementing Effective Risk Management / Kogan Page, 2018. - 480p. - 978-0749483074 5th.ed.
3. Hunziker S. Enterprise Risk Management: Modern Approaches to Balancing Risk and Reward / Springer, 2019. - 234p. - ISBN: 3658253568
4. McKay S. Risk Assessment for Mid-Sized Organisations: COSO Tools for a Tailored Approach / 2nd ed. - Wiley, 2017. - 128 p. - ISBN 978-1940235080.
5. Агеева, Е.П. Изменение специфики инновационной активности в условиях нестабильности геополитической ситуации, а также рост импортозамещения в химической и нефтехимической промышленности // Агеева Е.П., Дырдонова А.Н. // Вестник Казанского технологического университета. 2014. №22.
6. Аникина, И.Д. Управление инвестиционными стратегиями предприятий химической отрасли // Вестник ВолГУ. Серия 3: Экономика. Экология. 2008. №2.
7. Глушенко, А.В., Яркова И.В. Интегративная модель организации стратегического управленческого учета на предприятиях химической промышленности // Вестник ВолГУ. Серия 3: Экономика. Экология. 2016. №2 (35).
8. ГОСТ Р 51897-2011/Руководство ИСО 73:2009. Национальный стандарт Российской Федерации. Менеджмент риска. Термины и определения» (утв. и введен в действие Приказом Росстандарта от 16.11.2011 N 548-ст)
9. Кандыба, А.А. Управление экономическими рисками в условиях глобализации экономики: монография / А.А. Кандыба. – Ярославль: ЯФ АТиСО, 2018. – 253 с.
10. Кузьмин, Е.А. Риск-профиль сложных организационно-экономических структур [Текст] : [науч. изд.] / Е.А. Кузьмин [отв. ред. И.Н. Ткаченко]; М-во образования и науки РФ, Урал. гос. экон. ун-т. – Екатеринбург: [Изд-во Урал. гос. экон. ун-та], 2013. – 78 с.
11. Макарова, В.И. Процесс разработки стратегии инновационного развития предприятий химической промышленности // Макарова В.И., Новикова Н. А. // Вестник ВУиТ. 2012. №3 (26).
12. Нестеров, А.А. Оценка рисков на предприятиях химической промышленности [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=27708043> [дата обращения 06.08.2020].
13. Родина Л.А. Организационное и информационное обеспечение механизма управления рисками предприятий химической промышленности // Родина Л.А., Ломакина Е.А. // Вестник ОмГУ. Серия: Экономика. 2011. №1.
14. Рыгаловский Д.М. Формирование механизма управления рисками на базе процессного подхода // Российское предпринимательство. 2017. №8.
15. Управление рисками. Правила игры меняются [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://www2.deloitte.com/content/dam/Deloitte/ru/Documents/risk/russian/rules-of-game-changing.pdf> (Дата обращения: 28.07.2019).

© Соловьева Наталья Владимировна (solo-snv@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЯЗЫКОВОЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Юдина Наталья Владимировна

*Д.филол.н., профессор, Финансовый университет при
Правительстве РФ
NVYudina@fa.ru*

Мельничук Марина Владимировна

*Д.э.н., профессор, Финансовый университет при
Правительстве РФ
MVMelnichuk@fa.ru*

MODERN TENDENCIES OF LANGUAGE POLICY OF RUSSIA AT THE PRESENT STAGE

**N. Yudina
M. Melnichuk**

Summary: The article examines the language policy of the Russian Federation as a whole and outlines the main tasks of the language policy aimed at strengthening national interests and strengthening the position of the Russian language abroad. The purpose of the article is to determine the importance of the Russian language for international academic mobility and, as a consequence, the increase of the level of export of Russian education. The research methodology is based on general scientific methods of cognition: induction, deduction and comparative analysis, which are supported by a graphical method of data visualization.

Keywords: language policy; knowledge economy; Russian language; higher education.

Аннотация: В статье рассматривается языковая политика Российской Федерации в целом и обозначены основные задачи языковой политики, направленные на укрепление национальных интересов и усиление позиций русского языка за рубежом. Целью статьи является определение значимости русского языка для международной академической мобильности и, как следствие, повышения уровня экспорта российского образования. Методология проведенного исследования базируется на общенаучных методах познания: индукции, дедукции и методе сравнительного анализа, которые подкреплены графическим методом визуализации данных.

Ключевые слова: языковая политика; экономика знаний; русский язык; высшее образование.

На основополагающую роль языка в определении национальной идентичности указывали еще мыслители Древней Греции. Неудивительно, что каждое государство стремится выстроить свою языковую политику таким образом, чтобы фундаментальная роль языка в деле существования нации сказывалась наиболее благоприятным образом на существовании государства, и язык в полной мере выполнял свою консолидирующую функцию, являясь детерминантой сплоченности граждан [1-6]. Долгие годы такая консолидирующая роль отводилась русскому языку, но распад СССР с последующим образованием целого спектра независимых территориальных объединений, проводящих свою собственную национальную языковую политику, привели к изменению статуса русского языка в этих вновь образованных государствах и, как следствие, во всем мире. Безусловно, такие изменения были прогнозируемы и в какой-то степени обоснованы. Но в связи со сложившейся ситуацией как никогда актуальной становится реализация следующих направлений государственной языковой политики в призме геополитических интересов России: «расширение зоны влияния, поддержание русскоязычной диаспоры за рубежом, восприятие русского языка как полноправного и полноценного участника широкой коммуникации в рамках как своего многонационального государства, так и мирового сообщества» [7].

Приняв участие в заседании Совета по русскому

языку, созданному в 2014 г. и подчеркнув тем самым его значимость, Президент России заявил о том, что совершенствование государственной политики в области поддержки русского языка является приоритетной задачей всех органов власти и что наша страна несет ответственность за сбережение русского языка в условиях глобализации, поэтому крайне важно предотвратить все попытки «вытеснить его на периферию» [8].

Статистические данные говорят о том, что в настоящее время 146 млн. граждан Российской Федерации используют русский язык как средство коммуникации и еще 127 млн. человек делают это за рубежом (рис.1). Для сравнения представим данные о числе владеющих другими языками, в том числе и русским (рис.2).

Еще в 2018 г. эксперты Министерства образования и науки пришли к выводу, что количество иностранцев, целенаправленно занимающихся русским языком, снизилось на 50%. Прогноз, который они представили, вызывает тревогу и беспокойство: так, к 2025 г. число владеющих русским языком составит 2,7% от доли общемировой численности населения, а к 2050 г. - упадет до 1,4%, что в 2,5 и 5 раз меньше показателей 1980 г. (рис. 3). Конечно, нельзя не принимать в расчет геополитические реалии 1990-х годов, когда произошло катастрофическое снижение интереса к русскому языку и в странах бывшего соцлагеря и в странах, являющимися бывшими

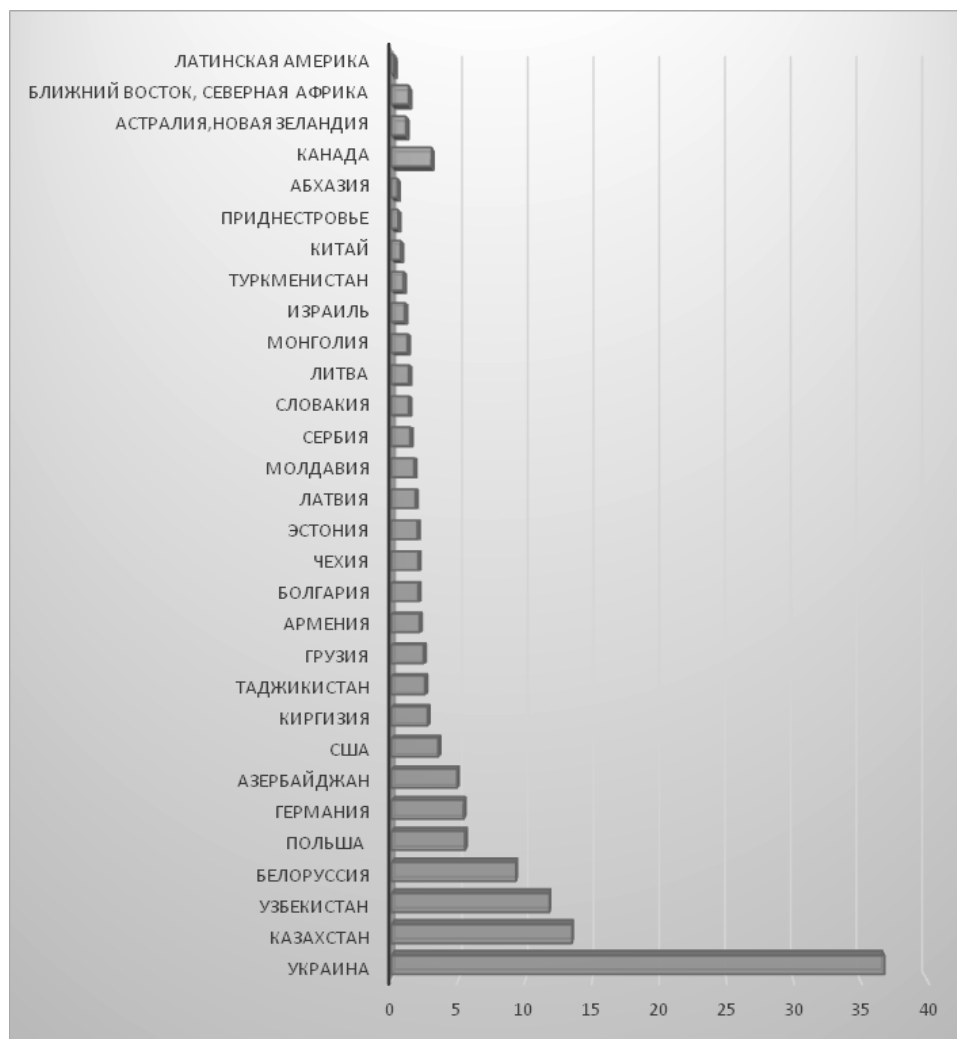

Рис. 1. Количество людей, владеющих русским языком за рубежом (млн. чел.) в межстрановом разрезе. Источник: <https://rs.gov.ru/%C2%A0/activities/9> [9]

республиками СССР. Но, к сожалению, говорить о том, что ситуация выравнивается, не приходится.

На наш взгляд, частичное решение данной проблемы должно быть возложено на организации, которые курируют обучение иностранцев за рубежом: именно они должны максимально способствовать созданию таких условий на территории стран, нуждающихся в поддержке русского языка, чтобы у граждан появлялась возможность качественного его изучения с целью в дальнейшем получения высшего образования либо в российских вузах на русском языке, либо на английском языке в рамках международных программ, реализуемых в российских вузах. Таким образом, перед данными институтами должна быть поставлена задача разработки своеобразной матрицы поддержки и расширения использования русского языка за рубежом, которая определила бы возможные траектории решения проблемы (рис. 4,5).

Экономика знаний, в которой человеческому капи-

талу отводится роль ключевого игрока в осуществлении качественных преобразований, вызванных четвертой индустриальной революцией, вызвала небывалый подъем рынка образовательных услуг в мире, прежде всего на уровне высшего образования. Как следствие, в борьбу за потенциального студента включились не только страны с развитой экономикой, но и государства, находящиеся на переходном этапе своего экономического развития. И в данном случае экспорт высшего образования становится еще одним важным вектором реализации государственной языковой политики любой страны, призванным санкционировать активное движение своих институтов в этом направлении и целенаправленное вовлечение в данный процесс всех заинтересованных организаций, а также разработать стратегию по достижению максимальных объемов экспорта образовательных услуг, поскольку в конечном итоге речь должна идти об увеличении темпов экономического роста за счет прироста знаний и увеличения интеллектуального капитала (рис. 6).

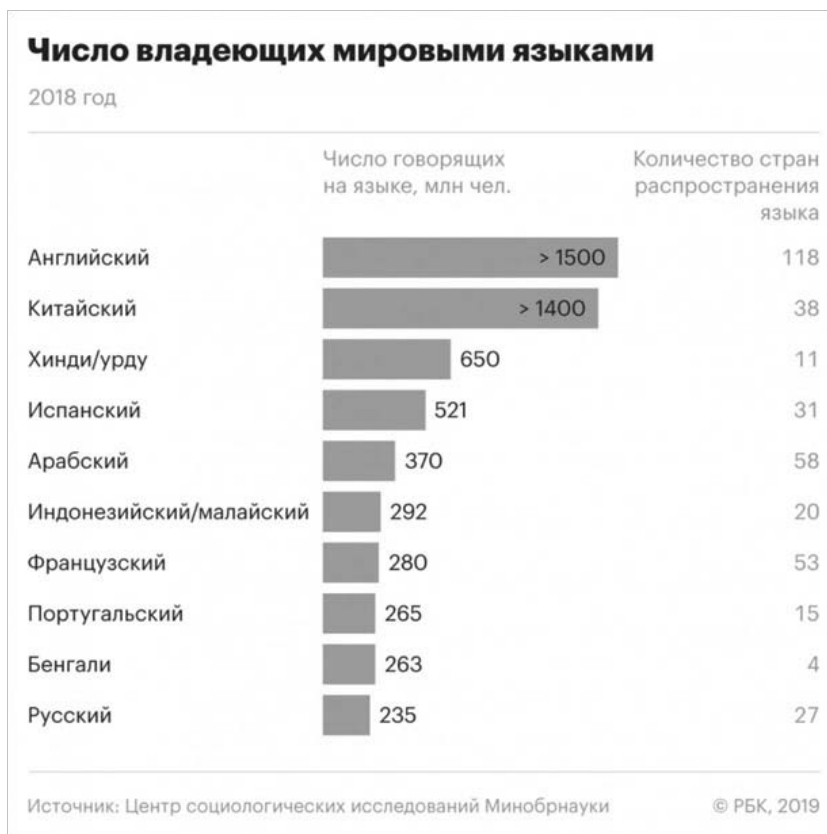

Рис. 2. Количество людей, владеющих мировыми языками, в том числе и русским языком (млн. чел.).
 Источник: <https://www.rbc.ru/society/28/11/2019/5ddd18099a79473d0d9b0ab1> [10]

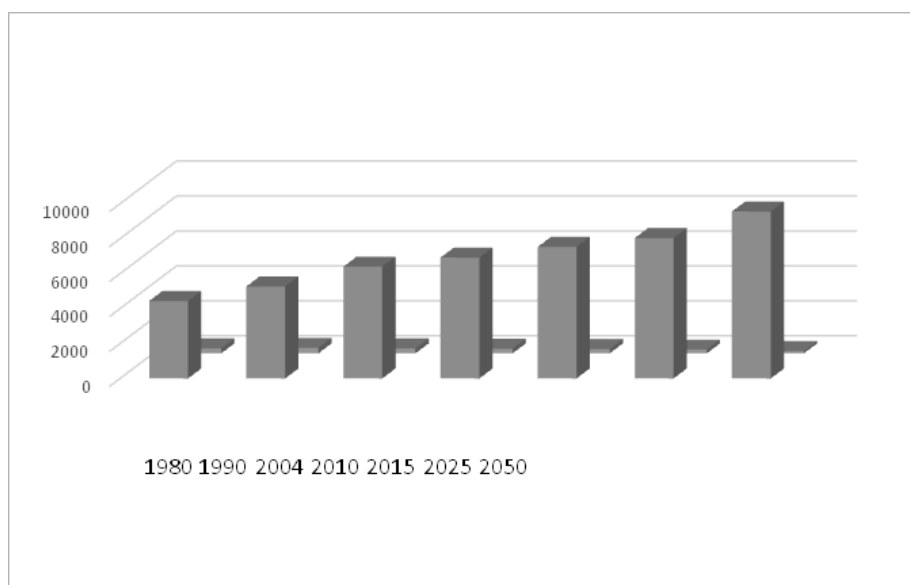

Рис. 3. Изменение удельного веса владеющих русским языком с 1980 по 2050 г.
 Голубым цветом обозначена общемировая численность населения, оранжевым – количество людей, владеющих русским языком (прогноз экспертов). Источник: www.unkniga.ru

Интересно отметить, что до определенного времени Всемирный банк осуществлял программу «Знания для развития», ключевым моментом которой была разработанная этой организацией методика подсчета индек-

са экономики знаний и индекса знаний (рис. 7). Оценка вышеуказанных индексов происходила на основании 148 показателей, объединенных в четыре основные группы: экономические стимулы и институциональ-

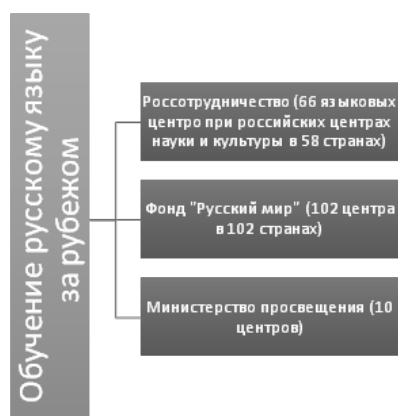

Рис. 4. Организации, в ведении которых находится обучение русскому языку за рубежом. Источник: <https://www.rbc.ru/society/28/11/2019/5ddd18099a79473d0d9b0ab1> [10].

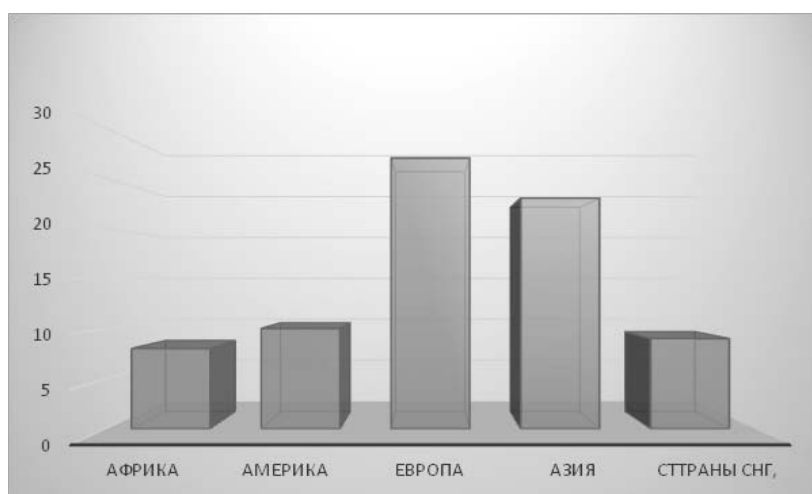

Рис. 5. Количество зарубежных представительств Россотрудничества. Источник: <https://rs.gov.ru/ru/contacts>

ная среда, система образования и подготовки кадров, инновационный потенциал и технологическое развитие, индекс информационных технологий и телекоммуникации [12].

Анализ данных индексов позволил выявить корреляцию между странами с развитой экономикой и высоким показателем индекса знаний. И, наоборот, наименее развитые страны имели низкий показатель индекса знаний. Таким образом, интеллектуальные ресурсы страны начинают становиться ключевым драйвером экономического роста государства и становятся катализатором для перехода университета к инновационной модели 4.0.

Для того чтобы высшее учебное заведение могло эффективно участвовать в экспорте услуг высшего образования, оно должно иметь ряд преимуществ:

- активно вести междисциплинарные исследования;
- реализовывать практико-ориентированные проекты по запросам работодателей;

- иметь собственный бизнес-инкубатор с коммерческой составляющей;
- присутствовать на международном рынке с возможностью обучения, преподавания и проведения исследований в разных странах;
- создавать условия для привлечения талантливых студентов из своей страны и из-за рубежа;
- вести деятельность по привлечению лучших преподавателей-предметников из своей страны и из-за рубежа.

Российские вузы в течение последних десяти лет постарались максимально использовать вышеуказанные преимущества и комплексный подход в решении поставленной задачи, что дало возможность нашей стране войти в число лидеров по количеству иностранных студентов наряду с Германией, Францией, Великобританией и США – традиционными флагманами международной студенческой мобильности. Рис. 8 наглядно демонстрирует более чем двукратное увеличение с 2007 по 2018 г. количества студентов, приехавших получать

Рис. 6. Виды экспорта высшего образования.

Источники: Е. К. Защитина, П.В. Павлов. Экспорт высшего образования: прикладное исследование [11].

Рис. 7. Методология оценки индекса экономики знаний и индекса знаний. Источник: Е. К. Защитина, П.В. Павлов. Экспорт высшего образования: прикладное исследование. – 2019 [11].

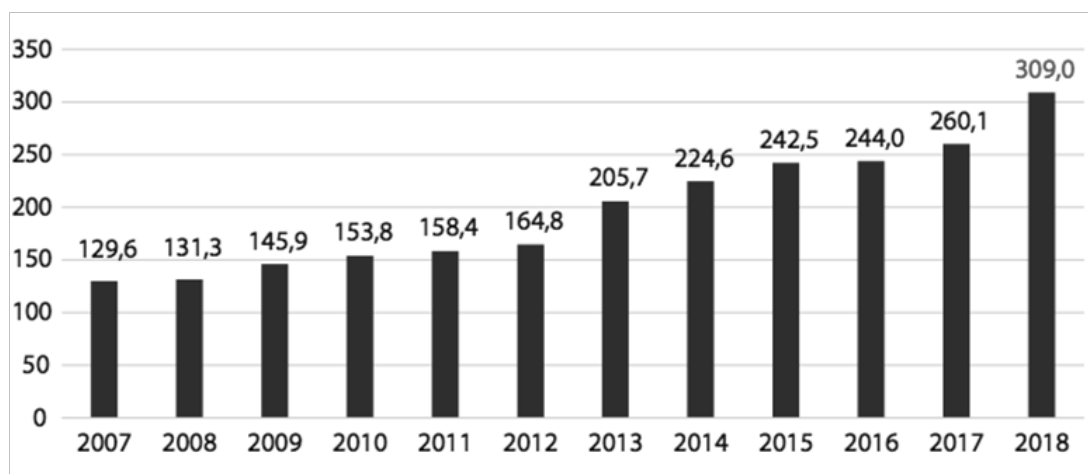

Рис. 8. Динамика количества иностранных студентов, обучающихся по программам бакалавриата, специалитета, магистратуры в российских вузах, тыс.чел. Источник: Обучение иностранных граждан в российских учреждениях высшего образования/Министерство науки и высшего образования Российской Федерации. — М.: ФГАНУ «Социоцентр», 2019 [13].

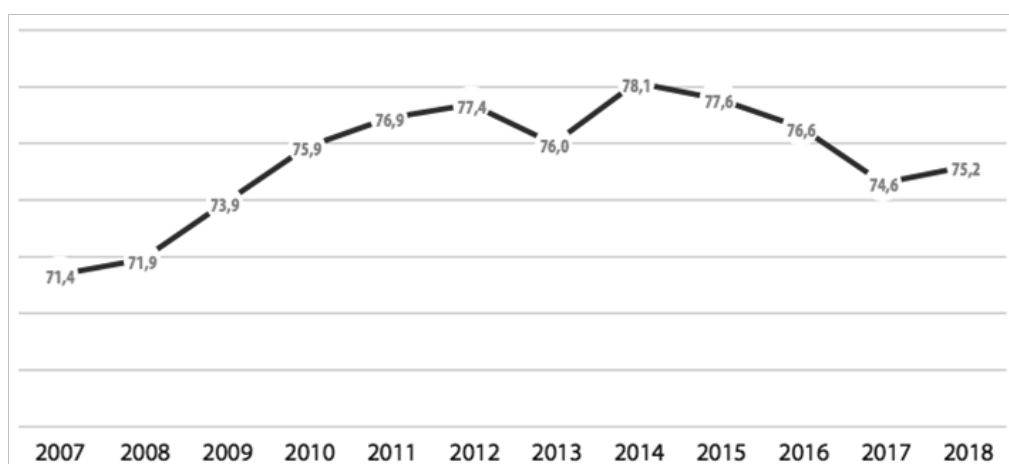

Рис. 9 Динамика доли студентов из стран СНГ, Балтии и Грузии среди всех иностранных студентов, обучающихся в российских вузах, %. Источник: Обучение иностранных граждан в российских учреждениях высшего образования/Министерство науки и высшего образования Российской Федерации. — М.: ФГАНУ «Социоцентр», 2019 [13].

Страна	Количество студентов	Доля студентов среди всех студентов из стран СНГ, Балтии, Грузии
Республика Казахстан	73660	31,7
Республика Узбекистан	28650	12,3
Туркменистан	28269	12,2
Республика Таджикистан	27693	11,9
Украина	18759	8,1
Киргизская Республика	15663	6,7
Республика Беларусь	13216	5,7

Рис. 10. Студенты из стран СНГ, Балтии и Грузии (по странам), чел., %. Источник: Обучение иностранных граждан в российских учреждениях высшего образования/Министерство науки и высшего образования Российской Федерации. — М.: ФГАНУ «Социоцентр», 2019 [13].

высшее образование в России из-за рубежа.

Наибольшее количество иностранных студентов, обучающихся в российских вузах, - это слушатели, приехавшие в Россию из стран СНГ – Казахстана, Туркменистана, Узбекистана и Таджикистана (рис. 9 и 10).

Таким образом, на основе исследований, представленных в данной статье, можно сделать следующие выводы. Институциональная политика любого государства направлена на стимулирование экономического роста, структурным базисом которого являются повышение

производительности труда и конкурентоспособности, активное внедрение инноваций, повышение качества предоставляемых образовательных услуг, а надстройкой – переход к экономике знаний и цифровой экономике. Все это приводит к тому, что ключевое место в дискурсе институциональной политики начинает занимать языковая политика государства, неразрывно связанная с высшим образованием.

Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финуниверситету.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мартынова М.Ю. Языковые процессы на Балканах как элемент национального вопроса // Этнографическое обозрение. - 2016. - № 3. - С. 16-30.
2. Бахтикиреева У.М. Русский - полинациональный язык? // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. Лингвистика. - 2014. - № 2. - С. 16-30.
3. Сомин А.А. Языковая рефлексия в современной Беларуси сквозь призму комментариев в интернет-СМИ // Вестник РГГУ. Сер. История. Филология. Культурология. Востоковедение. - 2015. - № 1 (1). - С. 62-86.
4. Павленко А. Языковые ландшафты и другие социолингвистические методы исследования русского языка за рубежом // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. Лингвистика. - 2017. - Т. 21. - № 3. - С. 493-514.
5. Фарукшин М.Х. Статус официальных языков этнических общностей в полиэтнических государствах // Социологические исследования. — 2017. — № 7. - С.77-87.
6. Суюнбаева А.Ж., Шелестюк Е.В. Проблемы переходной диглоссии и функционирование билингвизма в профессиональной коммуникации (на примере языковой ситуации в республике Казахстан). - Вестник Челябинского государственного университета. - 2019. - № 10 (432). -С. 149-164.
7. Петрулевич И.А., Месропян Л.М. Современная языковая политика Российской Федерации: основные векторы и тенденции развития // Гуманитарий Юга России. – 2015. – С. 66-76.
8. Заседание Совета по русскому языку [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/61986>
9. Укрепление позиций русского языка [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://rs.gov.ru/%C2%A0/activities/9>
10. Число изучающих русский язык в мире упало в два раза со времен распада СССР [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.rbc.ru/society/28/11/2019/5ddd18099a79473d0d9b0ab1>
11. Защитина Е.К., Павлов П.В. Экспорт высшего образования: прикладное исследование: монография. – Ростов-на-Дону; Таганрог: Издательство Южного федерального университета, 2019. – 184 с.
12. Zak K. The knowledge economy – the diagnosis of its condition in selected countries / Studia Ekonomiczne. Zeszyty Naukowe Uniwersytetu Ekonomicznego w Katowicach No 271. - 2016 – pp. 176-187 [Электронный ресурс]. URL: <http://yadda.icm.edu.pl/yadda/element/bwmeta1.element.cejsh-830242e1-2713-460e-a2db053fbb334dde/c.pdf>
13. Гурко Д.Д., Тростянская И.Б., Сема Е.Ю., Барсуков А.А., Полихина Н.А. Обучение иностранных граждан в российских учреждениях высшего образования/ Министерство науки и высшего образования Российской Федерации. — М.: ФГАНУ «Социоцентр», 2019. — 308 стр.

© Юдина Наталья Владимировна (NVYudina@fa.ru), Мельничук Марина Владимировна (MVMelnichuk@fa.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ НАЛОГОВОЙ ОБЯЗАННОСТИ ПО НАЛОГУ НА ИМУЩЕСТВО ОРГАНИЗАЦИЙ В КОНТЕКСТЕ РЕШЕНИЙ ВЫСШИХ СУДЕБНЫХ ИНСТАНЦИЙ

ACTUAL PROBLEMS OF DETERMINING THE TAX LIABILITY ON THE PROPERTY OF ORGANIZATIONS IN THE CONTEXT OF DECISIONS OF THE HIGHEST COURTS

V. Golenev

Summary: Determining the tax liability of taxpayers is an urgent problem in legal practice. Due to the lack of a unified methodology for determining the actual tax liability, the practice of state bodies (FTS and courts) in disputes with taxpayers differs. The study analyzed the Decree of the Moscow City Government No. 937-PP dated December 26, 2016, its legal force and impact on the existing legal relations between the state and legal entities. The positions of the Moscow City Court of the Russian Federation and the Judicial Collegium for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation in relation to this Resolution were also considered. To prove the absence of a unified method for determining the tax liability, it was also examined with further comparison the Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated February 28, 2019 No. 13-P in the case of checking the constitutionality of clause 3 of Art. 391 of the Tax Code of the Russian Federation in connection with the complaint of LLC «Parus».

Keywords: law, courts, tax law, substantial tax obligation, computational method, the property tax organization.

Голенев Вячеслав Вячеславович

Адвокат, Аспирант, Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина
vg@golenev.ru

Аннотация: Определение налоговой обязанности налогоплательщиков является актуальной проблемой юридической практики. В силу отсутствия единой методологии определения действительной налоговой обязанности, практика государственных органов (ФНС России и судов) в спорах с налогоплательщиками различается. В проведенном исследовании было проанализировано Постановление Правительства города Москвы № 937-ПП от 26.12.2016, его юридическая сила и влияние на существовавшие правовые отношения государства и юридических лиц. Также были рассмотрены позиции Московского городского суда РФ и Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ в отношении данного Постановления. В доказательство отсутствия унифицированного метода определения налоговой обязанности также было исследовано с дальнейшим сравнением Постановление Конституционного суда РФ от 28.02.2019 № 13-П по делу о проверке конституционности п. 3 ст. 391 НК РФ в связи с жалобой ООО «Парус».

Ключевые слова: закон, суды, налоговое право, действительная налоговая обязанность, расчетный метод, налог на имущество организаций.

Юридические лица в равной мере пользуются правом, которое провозгласила Конституция Российской Федерации - правом осуществлять предпринимательскую и иную не запрещенную законом экономическую деятельность (ст. 34). Закрепленному праву корреспондирует конституционная обязанность, в соответствии с которой юридические лица также обязаны платить законно установленные налоги и сборы (ст. 57).

Закрепляя налоговую обязанность налогоплательщика, законодатель соблюдает реализацию базовых принципов налогообложения, таких как, например, законность, равенство, справедливость и соразмерность. Однако правоприменительные органы не всегда применяют установленные нормативные положения законно и обоснованно.

Уместным в данной ситуации будет рассмотреть Постановление Правительства Москвы от 26 декабря 2016 года № 937-ПП [1] «О внесении изменений в постанов-

ление Правительства Москвы от 21 ноября 2014 г. № 688-ПП» (далее – Постановление №937), которое вносило изменение в уже действующее Постановление Правительства Москвы от 21 ноября 2014 г. № 688-ПП [2]. В обоснованности и законности вновь принятого Постановления №937 заставляет усомниться пункт 3, в соответствии с которым введенные изменения должны были применяться для налоговых отношений, которые возникли с 1 января 2016 года. В связи с этим возникает логически обоснованный вопрос: могло ли Правительство Москвы своим актом от 26 декабря 2016 года утвердить изменения, которые распространялись бы на налоговые правоотношения, возникшие практически за год до его принятия.

Обратимся к основным началам (принципам) российского налогового законодательства для уяснения этой проблемы.

Во-первых, налоговое законодательство находится в

совместном ведении федерального центра и его субъектов. Законодательство о налогах и сборах вступает в силу не ранее чем по истечении одного месяца со дня официального опубликования и не ранее 1-го числа очередного налогового периода по соответствующему налогу. Налоговым периодом по налогу на имущество организаций признается календарный год.

Во-вторых, согласно пункту 2 статьи 5 НК РФ [3], акты законодательства о налогах, которые устанавливают новые налоги, повышают размер налоговых ставок, устанавливают или отягчают размер юридической ответственности в данной сфере, то есть каким-либо образом ухудшают положение налогоплательщика, обратной силы не имеют, о чем также в своих постановлениях не раз отмечал Конституционный суд Российской Федерации, указывая, что запреты придания закону обратной силы служат гарантией защиты прав налогоплательщиков [4].

Из изложенного следует, что Постановление № 937-ПП, нормы которого распространены на возникшие до его принятия отношения, является незаконным и ухудшает правовое положение налогоплательщиков. Учитывать стоит и тот факт, что юридически Постановление № 937-ПП вступило в силу только 26 января 2017 года.

Такого правового подхода придерживался Московский городской суд при вынесении Решения от 31.10.2018 о признании недействующим п. 3 Постановления № 937-ПП, на основании чего уже нельзя было при определении налоговой обязанности за налоговый период 2016 года руководствоваться вышеупомянутым актом. Решение суда было оставлено в силе Апелляционным определением Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда Российской Федерации от 06.03.2019 № 5-АПА19-12. Как отметил Зарипов В.М., Решение от 31.10.2018 «сильно удивило своей неожиданной и нехарактерной для этого суда прогрессивностью» [5].

Таким образом, Постановлением № 937-ПП изменена кадастровая стоимость объектов недвижимости за период 2016 года, что, в свою очередь, повлияло на изменение налоговой базы и привело к увеличению размера действительной налоговой обязанности налогоплательщиков.

Безусловно, Постановление № 937-ПП повлияло на изменение экономических прав и свобод юридических лиц. Большинство собственников узнали о повышении кадастровой стоимости своих зданий только во время проверок в 2017 году [6].

Наиболее известным делом, связанным с применением норм Постановления № 937-ПП, стало дошедшее до

Верховного суда РФ дело «Юмакс» [7].

В конце 2017 года ООО «Юмакс» обратилось в Арбитражный суд города Москвы с обжалованием решений УФНС России по городу Москве. В общей совокупности обществу была доначислена сумма налога в размере 10 471 527 рублей и назначен штраф в размере 2 094 305 рублей 40 копеек. Такие финансовые последствия были вызваны перерасчетом оценки кадастровой стоимости здания площадью 3,3 тысячи квадратных метров с 58 209 523 рублей до 863 711 645 рублей 50 копеек (более, чем в 14 раз) на основании Постановления № 937-ПП, которое налогоплательщик не учел при определении действительной налоговой обязанности на имущество юридических лиц.

Решением Арбитражного суда города Москвы от 26.03.2018, оставленным без изменения постановлением Девятого арбитражного апелляционного суда от 15.05.2018, в удовлетворении требований общества отказано. Кассационная инстанция, Арбитражный суд Московского округа, постановлением от 14.08.2018 оставил состоявшиеся по делу судебные акты без изменения.

В июле 2019 года Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации (далее - СКЭС ВС РФ) Определением № 305-КГ18-17303 отменила ранее принятые акты нижестоящих судов и направило дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции.

По мнению СКЭС ВС РФ, необходимо принять во внимание отсутствие учета объекта налогообложения и определить величину действительной налоговой обязанности используя подпункт 7 пункта 1 статьи 31 НК РФ, позволив доказать Обществу иную рыночную стоимость. В обоснование такой позиции СКЭС ВС РФ сослалась на то, что налогоплательщик, не согласный с вмененной ему налоговой обязанностью по налогу на имущество юридических лиц, не лишается права опровергать представленный ФНС расчет налога, доказывания необходимость исчисления налога в соответствии с рыночной стоимостью облагаемого объекта, что также указывалось в правовых позициях Конституционного суда [8][9].

Если проанализировать данное решение СКЭС ВС РФ, можно сказать, что оно является в определенном смысле уникальным, поскольку Обществу была дана возможность оспорить должную рыночную стоимость объекта даже невзирая на пункт 5 Постановления Пленума ВС РФ от 30.06.2015 № 28, в соответствии с которым в целях соблюдения правил подсудности и подведомственности дел требования об оспаривании результатов определения кадастровой стоимости не подлежат совместно рассмотрению с иными требованиями, например, о пересмотре налоговых обязательств.

Решением Арбитражного суда города Москвы от 22 октября 2020 года в удовлетворении повторно поданного заявления ООО «Юмакс» было отказано в виду следующих обстоятельств. Учитывая признания пункта 3 Постановления № 937-ПП недействительным, Управление ФНС своим решением от 09.10.2020 № 24-23/4/155031@ отменило решение Инспекции от 06.10.2017 № 32749, в соответствии с которым было произведено доначисление суммы налога на имущество организации за 2016 год в размере 1 867 201,15 руб., а также суммы штрафа в размере 373 440,23 руб. Исходя из всей совокупности обстоятельств, суд признал требования ООО «Юмакс» необоснованными.

Исходя из правовой позиции, которую СКЭС ВС РФ сделала по делу «Юмакс», некоторые эксперты в области налогового права стали утверждать о ее противоречии позиции, которая была сформулирована в Постановлении Конституционного суда РФ от 28.02.2019 № 13-П по делу о проверке конституционности п. 3 ст. 391 НК РФ в связи с жалобой ООО «Парус». В указанном деле ООО «Парус» оспаривало п. 3 ст. 391 Налогового кодекса, согласно которому обязанностью налогоплательщика является определение налоговой базы по земельному налогу самостоятельно на основании сведений из ЕГРН.

Конституционный суд отметил, что, исходя из нормативного содержания принципа правового государства и конституционного принципа добросовестности, налогоплательщик не должен нести бремя неблагоприятных налоговых последствий, вызванных как неопределенностью положений законодательства, так и ненадлежащим применением норм государственными и муниципальными органами.

Также был сделан вывод, что п. 3 ст. 391 Налогового кодекса сам по своему правовому смыслу не может являться основанием для привлечения организации-налогоплательщика, которая добросовестно исполнила свои налоговые обязательства, к юридической ответственности.

В свою очередь, заместитель главы Федеральной налоговой службы, Бациев В.В. отмечает: «Данное решение справедливо. Но оно основано на аргументации, требующей оценки характера ошибки, допущенной регистратором, наличия правомерных ожиданий у налогоплательщика, характеризующихся через категорию «добросовестность». Такая аргументация хороша для конкретного спора, но вряд ли годится для формирования универсальной позиции» [10].

Учитывая данные обстоятельства, представляется, что все же противоречий в подходе СКЭС ВС РФ и подходе КС РФ, высказанной в постановлении от 28.02.19 № 13-П не имеется, поскольку обе позиции были сформулированы исходя из особенностей конкретных судебных дел и направлены во исполнение принципов добросовестности и законности.

Обобщая все вышесказанное, стоит отметить, что методика определения действительной налоговой обязанности по налогу на имущество организаций до конца не выработана (если она вообще есть). Даже высшие судебные инстанции от части расходятся во мнениях необходимого характера действий при расчете размера налогообложения.

Так, Конституционный суд РФ обращает внимание на анализ обстоятельств, характеризующих внесение сведений в ЕГРН, и приходит к выводу, что допущенная государственным органом ошибка по определению кадастровой стоимости не может являться безусловным основанием доначисления налога, что противоречило бы принципам добросовестности налогоплательщика.

Вместе с тем, высшие судебные инстанции едины в том, что техническая ошибка, допущенная регистратором при формировании сведений в ЕГРН о кадастровой стоимости, не должна приводить к ситуации, когда величина самого налога подлежала бы исчислению отдельными налогоплательщиками исходя из недостоверной кадастровой стоимости.

ЛИТЕРАТУРА

1. Официальный сайт Правительства Москвы. № 937-ПП от 26.12.2016 «О внесении изменений в постановление Правительства Москвы от 21 ноября 2014 г. № 688-ПП». [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://www.mos.ru/authority/documents/doc/35826220/> (дата обращения: 10.11.2020).
2. Официальный сайт Правительства Москвы. № 688-ПП от 21.11.2014 «Об утверждении результатов государственной кадастровой оценки объектов капитального строительства в городе Москве». [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://www.mos.ru/authority/documents/doc/2512220/> (дата обращения: 10.11.2020).
3. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31.07.1998 № 146-ФЗ // СЗ РФ. № 31. 1998. Ст. 3824.
4. Банк судебных решений СПС «Консультант Плюс». Постановления Конституционного Суда РФ от 24.10.1996 № 17-П; от 30.01.2001 N 2-П; от 28.02.2006 N 2-П. [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 10.11.2020).
5. Зарипов В.М.: Налогоплательщик разумный – кто это? [Электронный ресурс] // Режим доступа: https://zakon.ru/blog/2019/7/21/nalogoplatelschik_razumnyj_-_kto_eto (дата обращения: 10.11.2020)
6. Верховный суд не разрешил повысить налог на недвижимость задним числом. РБК.ру. [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://www.rbc.ru/busin>

- ess/19/07/2019/5d3049309a79476b549bf23c (дата обращения: 10.11.2020)
7. Банк судебных решений «Кад.Арбитр». Решение АС города Москвы по делу А40-232515/17-20-4706. [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://kad.arbitr.ru/Kad/Card?number=%D0%9040-232515%2F2017> (дата обращения: 10.11.2020).
 8. Банк судебных решений СПС «Консультант Плюс». Постановление Конституционного Суда РФ от 11.07.2017 N 20-П. [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 10.11.2020).
 9. Банк судебных решений СПС «Консультант Плюс». Постановление Конституционного Суда РФ от 05.07.2016 N 15-П « // СПС «Консультант Плюс». [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 10.11.2020).
 10. Бациев В.В.: Победа, превратившаяся в прах. [Электронный ресурс] // Режим доступа: https://zakon.ru/blog/2019/08/02/pobeda_prevrativshayasya_v_prah (дата обращения: 10.11.2020).

© Голенев Вячеслав Вячеславович (vg@vgolenev.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ДЕЙСТВИТЕЛЬНАЯ НАЛОГОВАЯ ОБЯЗАННОСТЬ НАЛОГОПЛАТЕЛЬЩИКА: ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ В СУДЕБНОЙ ПРАКТИКЕ

Голенев Вячеслав Вячеславович

Адвокат, Аспирант, Московский государственный
юридический университет имени О.Е. Кутафина
vg@vgolenev.ru

SUBSTANTIAL TAX OBLIGATION OF A TAXPAYER: PROBLEMS OF DEFINITION IN JUDICIAL PRACTICE

V. Golenev

Summary: This article is devoted to the problem of determining the substantial tax obligation (actual tax liability). In the tax code of the Russian Federation, this issue remained unresolved, which subsequently led to widespread legal proceedings regarding the actual amount of tax liability. Courts have applied tax law in different ways in situations of uncertainty about tax liability. In the article: the issue of additional taxes in excess of the contract prices offset the single tax under the simplified system of taxation on account of income tax applied for "business fragmentation", and incorrect calculation of the tax on the actual amount of tax obligations results of the tax audit (neglect all costs «scheme members» and the problem of determining the subjects of the composition "business fragmentation").

Keywords: law, tax law, Tax Code of the Russian Federation, tax, value added tax, Federal Tax Service, tax audits, additional tax assessment, contract, freedom of contract, substantial tax obligation.

Аннотация: Данная статья посвящена рассмотрению проблемы определения действительной налоговой обязанности. В Налоговом кодексе Российской Федерации данный вопрос остался неурегулированным, впоследствии это привело к распространенным судебным разбирательствам относительно реального размера налоговой обязанности. Суды по-разному применяли налогово-правовые нормы в ситуациях неопределенности относительно налоговой обязанности. В статье рассмотрены: проблема доначисления налога сверх цены договоров, зачет единого налога по упрощенной системе налогообложения в счет налога на прибыль при «дроблении бизнеса», и неправильное исчисление налоговым органом действительного размера налоговых обязательств по результатам налоговой проверки (неучет всех расходов «участников схемы»).

Ключевые слова: закон, налоговое право, Налоговый кодекс Российской Федерации, Налог, Налог на добавленную стоимость, Налог на прибыль организаций, Федеральная налоговая служба, налоговая проверка, доначисление налогов, действительная налоговая обязанность.

Введение

Налоговые органы выявляют случаи снижения налогоплательщиками своих налоговых обязательств путём создания ситуации, при которой видимость действий тех или лиц прикрывает фактическую деятельность самого налогоплательщика с целью получения, как правило, возможности пользоваться пониженным налогообложением посредством специальных налоговых режимов.

Для выявления указанных ситуаций налоговые органы используют расчетный метод, предусмотренный подпунктом 7 пункта 1 статьи 31 НК РФ [1], и определяют права и обязанности единого хозяйствующего субъекта исходя из подлинного экономического содержания осуществленных им операций (т.е. налогоплательщиком и подконтрольными ему лицами).

Однако, «объединяя» для целей налогообложения несколько организаций на базе проверяемого налогоплательщика в единый хозяйствующий субъект, возникает несколько проблем:

Как рассчитывать налоговую базу по налогу на прибыль теперь уже единого хозяйствующего субъекта?

Как учитывать расходы всех участников «дробления»?

Обязан ли налоговый орган учесть налоги, ранее уплаченные всеми участниками схемы? Кто вообще является участником такой «схемы»?

Какой должна быть налоговая обязанность «единого бизнеса» по НДС?

Наиболее часто указанные проблемы определения реального размера налоговой обязанности по налогу на прибыль организации встречаются в спорах о «дроблении бизнеса» [2]. Рассмотрим каждый из поставленных вопросов.

Учитывается ли уплаченный подконтрольными налогоплательщиками обществами на УСН единый налог УСН?

Налоговые органы нередко вменяют налогоплатель-

щику «дробление бизнеса» путем занижения налоговой базы налога на прибыль путем искусственного включения в цепочку хозяйственных операций подконтрольных посредников, применяющих УСН при осуществлении спорных хозяйственных операций с конечными контрагентами.

Подконтрольные налогоплательщику посредники на УСН также уплачивают единый налог в связи с применением УСН с тех же доходов от спорных хозяйственных операций, с которых впоследствии налоговые органы взимают с налогоплательщика налог на прибыль.

Налоговой инспекции в таком случае сложно отрицать уплату единого налога подконтрольными налогоплательщику обществами на УСН с доходов от операций реализации товаров, работ и услуг. Реализуя право на применение расчетного метода, инспекция согласно буквальному толкованию подпункта 7 пункта 1 статьи 31 НК РФ должна определить расчетным путем именно суммы налога на прибыль единого хозяйствующего субъекта (налогоплательщика и подконтрольных обществ), уменьшив его на суммы уже уплаченного участниками дробления на УСН единого налога.

Однако налоговые органы нередко повторно облагают указанные доходы налогом на прибыль, вменяя его налогоплательщику, не учитывая ранее уплаченный единый налог УСН подконтрольными налогоплательщику участниками «дробления».

Вместе с тем, вмененный налогоплательщику налог на прибыль снижается на суммы уплаты подконтрольными обществами на УСН единого налога. Налог должен иметь экономическое основание (пункт 3 статьи 3 НК РФ). Экономический источник для взимания налога на прибыль с налогоплательщика - это вмененные ему доходы подконтрольных обществ на УСН от операций реализации товаров, работ или услуг.

Противоположный подход, нередко занимаемый налоговыми органами, формален. Он влечет двойное налогообложение одних и тех же операций с конечными контрагентами. По существу, с доходов по одним и тем же (с экономической точки зрения) операциям один раз уплачен единый налог обществами на УСН, во второй раз с этих же доходов с налогоплательщика взят налог на прибыль. Это неосновательное обогащение бюджета, хотя интересы казны не нарушены. Нарушается баланс частных и публичных интересов, неприкосновенность частной собственности [3], а также подход Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации (далее — ВАС РФ) [4].

Поскольку оба налога (единый УСН и на прибыль) взяты с одних и тех же доходов за один налоговый период, то отсутствует ущерб бюджету в части уже уплаченного

обществами на УСН единого налога. Обложение налогоплательщика налогом на прибыль подлежит уменьшению на суммы уже уплаченного участниками дробления на УСН единого налога.

Реальные расходы «участников дробления» уменьшают вмененные налогоплательщику доходы «участников дробления»

По мнению ФНС России, инспекция может применить расчетный метод определения налога на прибыль исключительно при отсутствии претензий к реальности операций налогоплательщика [5] (что касается и операций подконтрольных обществ как объединенных с налогоплательщиком). В налоговом законе запрет определения действительной налоговой обязанности («налоговой реконструкции» обязательства) по налогу на прибыль при «дроблении бизнеса» путем восстановления по платежным документам расходной части расчетным путем на основании подпункта 7 пункта 1 статьи 31 НК РФ отсутствует, что отмечается и в судебной практике [6].

Делая выводы о дроблении единого бизнеса, инспекция при отсутствии первичных документов использует право определить доходы «участников схемы» по налогу на прибыль расчетным путем. Следовательно, учитываются и полученные «участниками дробления» доходы, и понесенные ими расходы, к реальности которых нет претензий. Это допустимо и при отсутствии у «участников дробления» подтверждающих первичных документов, и при признании их ненадлежащими [7].

Формальный подход инспекции (полное непринятие затрат налогоплательщика и подконтрольных ему обществ на УСН по налогу на прибыль), в ситуации, когда затраты участников «дробления» на ведение деятельности для последующей реализации услуг конечным приобретателям продукции инспекцией не опровергнуты, неизбежно влечет искажение действительного размера обязательств по налогу на прибыль, поскольку неопровергнутые расходы единого бизнеса (налогоплательщик и подконтрольные общества) признаются реальными при исчислении налога (пункт 3 статьи 3 НК РФ) [8].

В случае, когда налоговый орган выявил занижение налоговой базы по налогу на прибыль организаций налогоплательщиком путем применения схемы дробления бизнеса, расходы взаимозависимых организаций на осуществление деятельности необходимо учитывать в полном объеме [9].

Таким образом, положения НК РФ, определяющие объект налогообложения и налоговую базу по налогу на прибыль организаций, не допускают возможности доначисления налогоплательщику сумм налогов в размере большем, чем это установлено законом, поскольку на-

логоплательщики сами определяют размер налоговой обязанности исходя из фактических показателей хозяйственной деятельности налогоплательщика.

НДФЛ, страховые взносы, и иные «затратные» налоги, уплаченные обществами на УСН ранее, также уменьшают общую налоговую базу налогоплательщика по налогу на прибыль

Учет прямых «затратных» налогов (например, налог на доходы физических лиц (далее - НДФЛ), налог на имущество организаций, транспортный налог, налог на добычу полезных ископаемых (далее — НДПИ) и т.д.) и страховых взносов, уплаченных ранее участниками «дробления» в состав налоговой базы налогоплательщика, не противоречит главе 22 НК РФ, и на их сумму можно уменьшить налогооблагаемую базу по налогу на прибыль.

Доначислив по результатам выездной налоговой проверки, например, страховые взносы или НДПИ, налоговый орган был уменьшить налоговую базу налогоплательщика по налогу на прибыль организаций на сумму доначисленного НДПИ или страховых взносов, если налог на прибыль организаций входил в предмет выездной налоговой проверки.

Вменив налогоплательщику доходы иных «участников дробления», с которых ими уже уплачены «затратные» налоги, инспекция обязана отразить их в расходах и уменьшить базу по налогу за тот же период [10].

Какой должна быть налоговая обязанность «единого бизнеса» по НДС?

Несмотря на позицию ВАС РФ [11] о том, что если НДС в договоре не выделен, то он включен в цену, данный вывод был неочевиден по возможности его применения к ситуации, когда продавец теряет право пользования «спецрежимом» предшествующей датой, например, с УСН, при нарушении ограничений, поскольку Пленум ВАС РФ рассматривал ситуацию, когда продавец изначально является плательщиком НДС. А налогоплательщики-«спецрежимники» плательщиками НДС не являются и, соответственно, при заключении договоров НДС в цену в принципе заложить не вправе. Так что этот вопрос на уровне ВАС РФ остался нерешенным.

Более того, этот вопрос приобрел особую актуальность в связи с уже упомянутой проблемой принудительного «перевода» налогоплательщика с УСН на ОСН, в связи с чем инспекции доначисляют НДС «сверх» договорных цен, не производя извлечение НДС расчетным методом. Зачастую такие ситуации возникают при наличии у налоговых органов претензий к налогоплательщикам, связанных с возможным наличием схем «дробления бизнеса».

Определение действительного размера обязательств по НДС

Доначисление инспекциями НДС сверх цены договоров между участниками схем «дробления бизнеса» и конечными контрагентами противоречит статьям 421, 424 ГК РФ, статье 164 НК РФ. НДС, из чего следует, что в силу свободы договора подлежит извлечению из цены сделок с контрагентами.

Зачастую инспекции и суды, имея в распоряжении все договоры (и изложенные в них цены) [12], заключенные между взаимозависимыми по отношению к налогоплательщику посредниками, которые используют УСН, и конечными сторонними контрагентами, протоколы допросов этих контрагентов (их должностных лиц), отказываются применять расчетный метод, указанный в статье 164 НК РФ и в пункте 17 Постановления № 33, для определения действительной налоговой обязанности налогоплательщика. Налоговые органы в таких ситуациях производят доначисление НДС сверх цены договоров участников «схемы» со сторонними контрагентами, вменяя доходную базу по указанным сделкам проверяемому лицу.

Однако экономическим источником для взимания НДС как части цены договора является встречное предоставление за продукцию, уплачиваемое налогоплательщику покупателем. При реализации товаров покупателю НДС не может исчисляться в сумме, не соответствующей реально сформированной цене. Иное означает незаконное взимание налога без переложения на потребителя, за счет иного экономического источника - собственного имущества продавца. Например, поставщик не может возложить на покупателя НДС, требуемый к уплате инспекцией, согласованная цена полагается как уже включающая НДС [13].

Определяя цену товара, стороны вправе указать в договоре на то, что сумма НДС включается или не включается в цену. В случае не выделения НДС в цене сделки в силу императивного указания закона сумма НДС извлекается из цены сделки. Таким образом, налоговые органы, не применяя, либо неверно применяя (к примеру, только к части операций налогоплательщика и/или его взаимозависимых лиц), расчетный метод при доначислении НДС, вторгаются в сферу усмотрения сторон, в экономическую целесообразность заключения сделок по той или иной цене, нарушают свободу договора, изменяют коммерческие условия сделок, что недопустимо.

Определяя права и обязанности субъекта предпринимательской деятельности, необоснованно применявшего «спецрежим», как плательщика НДС, сумма налога по операциям реализации подлежит установлению, как

если бы НДС изначально был бы предъявлен к уплате сторонним контрагентам по установленным с ними договорным ценам и полученной от них выручки, т.е., как правило – путем выделения НДС из выручки, с последующим применением расчетного метода определения (расчетной ставки) НДС. Сами по себе факты получения необоснованной налоговой выгоды не изменяют порядка определения недоимки и не влекут взимание налога в относительно большем размере [14]. Форма вины имеет

значение при определении размера штрафа (пункты 1 и 2 статьи 122 НК РФ).

Таким образом, правомерным в указанных ситуациях является расчет действительного размера налоговых обязательств налогоплательщика исходя из применения ставки НДС 20/120 вместо прямого обложения спорных по своим налоговым последствиями хозяйственных операций по ставке 20 % «сверху».

ЛИТЕРАТУРА

1. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31.07.1998 № 146-ФЗ // СЗ РФ. № 31. 1998. Ст. 3824.
2. Пункты 3, 3.2 Письма ФНС России от 11.08.2017 № СА-4-7/15895@ «О направлении обзора судебной практики, связанной с обжалованием налогоплательщиками ненормативных актов налоговых органов, вынесенных по результатам мероприятий налогового контроля, в ходе которых установлены факты получения необоснованной налоговой выгоды путем формального разделения (дробления) бизнеса и искусственного распределения выручки от осуществляемой деятельности на подконтрольных взаимозависимых лиц» // Документ опубликован не был. Источник – СПС «Консультант Плюс».
3. Статьи 8, 34 (часть 1), 35 (часть 1) Конституции России, Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 08.12.2017 № 39-П // Документ опубликован не был. Источник – СПС «Консультант Плюс».
4. Постановление Президиума ВАС РФ от 21.06.2005 № 2347/05 по делу ОАО «Винзавод „Воронежский“» // Документ опубликован не был. Источник – СПС «Консультант Плюс».
5. Пункт 8 Письма ФНС России от 22.08.2014 № СА-4-7/16692 «О применении отдельных положений Постановления Пленума ВАС РФ от 30.07.2013 № 57 «О некоторых вопросах, возникающих при применении арбитражными судами части первой НК РФ» // Документ опубликован не был. Источник – СПС «Консультант Плюс».
6. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 23.01.2020 № Ф09-9691/19 по делу № А50-17644/2019 // Картотека арбитражных дел Верховного Суда Российской Федерации, URL: http://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/7a554048-bbc1-485c-b478-a741b5f33403/01d67ae3-9406-4abb-a844-b539b855c0da/A50-17644-2019_20200123_Reshenija_i_postanovlenija.pdf?isAddStamp=True (дата обращения 12.11.2020).
7. Подпункт 7 пункта 1 статьи 31 НК РФ, пункт 8 постановления Пленума ВАС РФ от 30.07.2013 № 57 «О некоторых вопросах, возникающих при применении арбитражными судами части первой НК РФ»; пункты 3, 3.2 Письма ФНС России от 11.08.2017 № СА-4-7/15895@ «О направлении обзора судебной практики, связанной с обжалованием налогоплательщиками ненормативных актов налоговых органов, вынесенных по результатам мероприятий налогового контроля, в ходе которых установлены факты получения необоснованной налоговой выгоды путем формального разделения (дробления) бизнеса и искусственного распределения выручки от осуществляемой деятельности на подконтрольных взаимозависимых лиц» // Документ опубликован не был. Источник – СПС «Консультант Плюс».
8. Пункты 3, 7, 11 Постановления Постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 12.10.2006 № 53 «Об оценке арбитражными судами обоснованности получения налогоплательщиком налоговой выгоды» // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации, 2006. № 12.
9. Определение Конституционного Суда Российской Федерации № 440-О от 04.07.2017; Постановление Президиума ВАС РФ от 06.07.2010 № 17152/09 по делу А29-5718/2008 «Молочный завод «Сыктывкарский», Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 26.03.2018 по делу А33-29597/2016 «Вторичные ресурсы Красноярск», Постановление Арбитражного суда Московского округа от 05.02.2019 № Ф05-23958/2018 по делу № А40-195593/2017 // Документ опубликован не был. Источник – СПС «Консультант Плюс».
10. Статьи 89, 101, 264 (подпункт 1 пункта 1), 272 (подпункт 1 пункта 7) НК РФ, пункт 32 Обзора судебной практики Верховного Суда Российской Федерации (ВС РФ) № 1 (2017) от 16.02.2017; Определения Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 26.01.2017 № 305-КГ16-1347, от 30.11.2016 № 305-КГ16-10138; Постановления Президиума ВАС РФ от 06.07.2010 № 17152/09, от 02.10.2007 № 7379/07 // Документ опубликован не был. Источник – СПС «Консультант Плюс».
11. Пункт 17 Постановления Пленума ВАС РФ от 30.05.2014 № 33 «О некоторых вопросах, возникающих у арбитражных судов при рассмотрении дел, связанных с взиманием налога на добавленную стоимость» // электрон. ресурс, сайт системы арбитражных судов Российской Федерации, URL: http://www.arbitr.ru/archiv/post_plenum/109469.html, (дата обращения 15.10.2020).
12. Дело № А40-36419/2019 Арбитражного суда города Москвы // электрон. ресурс, сайт системы арбитражных судов Российской Федерации, URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/ac917483-2295-4955-9caa-ce27c65c387c> (дата обращения 15.10.2020).
13. Определения Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 28.10.2019 № 305-ЭС19-9789 по делу № А41-48348/2017 (дело ИП Пяташова М.Е.), от 30.09.2019 № 307-ЭС19-8085, от 16.04.2019 № 302-КГ18-22744, от 23.11.2017 № 308-ЭС17-9467, от 24.11.2014 № 307-ЭС14-162 2015 // Документ опубликован не был. Источник – СПС «Консультант Плюс». Дата обращения 09.10.2020; Решение Европейского суда справедливости от 07.11.2013 по делам C-249/12, C-250/12 // Сайт Европейского суда справедливости. URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/en/TXT/PDF/?uri=uriserv%3A0J.C_.2012.243.01.0007.01.ENG. (дата обращения 09.10.2020);

14. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 28.10.2019 № 305-ЭС19-9789 по делу № А41-48348/2017; Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 12.10.2006 № 53 «Об оценке арбитражными судами обоснованности получения налогоплательщиком налоговой выгоды» // «Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации». 2006. № 12.

© Голенев Вячеслав Вячеславович (vg@vgolenev.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина

О СПЕЦИФИКЕ ОБЪЕКТИВНОЙ СТОРОНЫ ПРЕСТУПНОГО МОШЕННИЧЕСТВА В СФЕРЕ ЗАКУПОК ТОВАРОВ, РАБОТ И УСЛУГ ДЛЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ И МУНИЦИПАЛЬНЫХ НУЖД

Гудков Антон Павлович

следователь по особо важным делам, Следственный
комитет Российской Федерации по Магаданской области
an_gudkov@rambler.ru

ON THE SPECIFICS OF THE OBJECTIVE SIDE OF CRIMINAL FRAUD IN THE FIELD OF PROCUREMENT OF GOODS, WORKS AND SERVICES FOR STATE AND MUNICIPAL NEEDS

A. Gudkov

Summary: Fraud in the procurement of goods, works, services for state and municipal needs (public procurements) has a specific character that manifests itself in all elements of a crime. This article proposes to consider the features of the objective side of this crime. Analysis of the theoretical works and judicial practice revealed three main features of the objective side of the fraud in the field of public procurement. Firstly, there is a great variety of actions to create conditions for committing a crime: collusion between procurement participants and procurement organizers, violations in the preparation of procurement documentation, formation of a contract with an inflated initial (maximum) price, etc. The second and main feature is to simulate the delivery of goods, the performance of work or the provision of services; the supply of goods, the performance of work or the provision of the services at an inflated cost, or the supply of cheaper goods, the performance of cheaper work or the provision of cheaper services. The third feature is related to the precise definition of the moment when the crime ends, since in some cases the theft is accompanied by various actions aimed at disguising the crime committed. The revealed features of the objective side of the considered crime allow us to understand its specifics, which has theoretical and practical significance.

Keywords: fraud, state (municipal) procurement, objective side, collusion, supply, tender, overpriced, falsification of documents, contract, budget.

Аннотация: Мошенничество в сфере закупок товаров, работ, услуг для государственных и муниципальных нужд (публичных закупок) обладает спецификой, которая проявляется во всех элементах состава преступления. В настоящей статье предлагается рассмотреть особенности объективной стороны данного преступления. Анализ теоретических работ и судебной практики позволил выявить три основные особенности объективной стороны мошенничества в сфере публичных закупок. Во-первых, большим многообразием обладают действия по созданию условий для совершения преступления: сговор между участниками закупок и организаторами закупок, нарушения при подготовке документации о закупке, формирование контракта с завышенной начальной (максимальной) ценой и т.д. Вторая и основная особенность заключается в имитации поставки товаров, выполнения работ или оказания услуг; поставки товаров, выполнения работ или оказания услуг по завышенной стоимости либо поставки более дешевых товаров, выполнении более дешевых работ или оказании более дешевых услуг. Третья особенность связана с точным определением момента окончания преступления, поскольку в ряде случаев хищение сопровождается различными действиями, направленными на маскировку совершенного преступления. Выявленные особенности объективной стороны рассмотренного преступления позволяют уяснить его специфику, что имеет теоретическое и практическое значение.

Ключевые слова: мошенничество, государственные (муниципальные) закупки, объективная сторона, сговор, поставка, конкурс, завышенная цена, фальсификация документов, контракт, бюджет.

В последние годы теоретики уголовного права России особое внимание уделяют изучению проблем уголовно-правовой оценки мошенничества в сфере закупок товаров, работ, услуг для государственных и муниципальных нужд (публичных закупок), что обусловлено рядом причин, в числе которых: существенное увеличение количества зарегистрированных преступлений, связанных с публичными закупками; значительно возрастающая динамика причиненного ущерба от хищений государственного и муниципального имущества; совершение преступления в специфической сфере общественных отношений, специальными субъектами, а также особыми способами [1, с. 108].

Изучение специальной литературы [2, 129], судебной практики по уголовным делам о мошенничестве в сфере публичных закупок позволило выявить определенную специфику его объективной стороны, проявляющуюся в особенностях, которые предполагается раскрыть в настоящей публикации.

Первая особенность объективной стороны рассматриваемого преступления проявляется в приискании соучастников преступления, сговоре на совершение преступления, а также ином умышленном создании условий для совершения преступления, то есть соответствует понятию приготовления к преступлению, данному в ч. 1 ст. 30 УК РФ. Целью злоумышленников в данном

случае, как правило, выступает стремление обеспечить в конкурсной процедуре незаконную победу заранее определенного поставщика, с которым впоследствии будет заключен государственный или муниципальный контракт.

А.Ю. Бочкова выделяет два вида сговоров, встречающихся на рынке госзаказа: между участниками закупки (картельный сговор), между участниками закупок и организаторами закупок (заказчиком, в т.ч. членами комиссии, уполномоченным органом, специализированной организацией) [3, с. 117-119]. Второй из отмеченных видов сговора наиболее часто встречается в судебной практике по делам рассматриваемой категории. Одной из распространенных форм реализации преступного сговора при совершении рассматриваемой разновидности мошенничества является подыскание организатором закупки подконтрольной ему коммерческой организации для участия в конкурсных процедурах и создание условий для ее победы. Условия для победы такой организации создаются путем выполнения комплекса незаконных действий по подготовке документации для участия в конкурсных процедурах, направленных на ограничение конкуренции.

Так, одним из распространенных способов ограничения конкуренции является излишняя детализация в документации о закупке продукции технических требований, которые способен удовлетворить исключительно определенный поставщик. Для данной категории рассматриваемого преступления также характерен и такой незаконный прием ограничения конкуренции как укрупнение заказа. В этом случае в один заказ (лот) включается намеренно большое число разнообразного оборудования, которое технологически и функционально никак не связано между собой. Ещё одно типичное нарушение при составлении документации об участии в конкурсных процедурах – это формирование контракта с завышенной начальной (максимальной) ценой. Для этого, как правило, используются коммерческие предложения от поставщиков, содержащие завышенную цену предложения накупаемую продукцию.

Так, например, К. признан судом виновным в совершении мошенничества при закупке оборудования станции обезжелезивания питьевой воды на водозаборном узле при следующих обстоятельствах. К., будучи заместителем главы администрации района, дал своим подчиненным указание подготовить комплект документов для участия в открытом аукционе с использованием сведений, предоставленных соучастником. Подчиненные работники, выполняя указание К., получили от его соучастника по электронной почте письмо со световыми копиями коммерческих предложений на поставку оборудования станции для обезжелезивания с завышенной стоимостью от подконтрольных соучастнику юридических лиц.

Будучи введенными в заблуждение относительно стоимости оборудования и умысла соучастников, работники администрации сформировали завышенную начальную (максимальную) цену по трем муниципальным контрактам. Как установлено судом, мошенник использовал и другой способ, который облегчил совершение преступления: было осуществлено дробление закупки на три контракта так, чтобы каждый из них был заключен на сумму ниже 10 млн.руб. Это позволило виновному уйти от дополнительного контроля со стороны Комитета по конкурентной политике [4].

В другом случае виновный, являясь членом конкурсной комиссии, намеренно не указал в конкурсном извещении начальную максимальную цену контракта с целью создать условия для участия и победы в конкурсе «подставной» фирмы [5].

Одним из способов обеспечения незаконной победы нужной организации в конкурсных процедурах является предоставление в комиссию подложных документов о соответствии участника предъявляемым требованиям (лицензии, свидетельства о допуске к определенным видам работ и пр.). Еще одним способом незаконно повлиять на выводы комиссии при проведении конкурсных процедур является предоставление в комиссию так называемых авторизационных писем, свидетельствующих о том, «нужный» участник является партнером-дилером фирмы-производителя в России и единственным («эксклюзивным») поставщиком, осуществляющим поставки определенного оборудования. Такие письма могут быть либо поддельными, либо настоящими, полученными по договоренности с фирмой-производителем. В действительности же «партнер-дилер» никакими эксклюзивными качествами не обладает и ничем не отличается от обычного продавца, приобретающего и продающего товары.

Как отмечал С.А. Черняков, мошенничество в сфере закупок может быть связано с предоставлением государственным и муниципальным заказчикам поддельных или необеспеченных банковских гарантий. В таких ситуациях реальное обеспечение исполнения государственных и муниципальных контрактов отсутствует [6, с. 140].

Другая особенность объективной стороны мошенничества в сфере публичных закупок заключается в совершении умышленных действий, непосредственно связанных с осуществлением поставки товаров, выполнением работ и оказанием услуг по государственному или муниципальному контракту. Это может быть, к примеру:

- имитация поставки товаров, выполнения работ, оказания услуг путем изготовления фиктивных документов и иных действиях, при фактическом отсутствии поставки товаров, выполнения работ или оказания услуг,

- поставка товаров, выполнение работ, оказание услуг по завышенной стоимости,
- поставка более дешевых товаров, выполнение более дешевых работ, оказание более дешевых услуг.

Имитация поставки товаров, выполнения работ, оказания услуг означает выполнение комплекса действий по созданию видимости поставки товаров, выполнения работ, оказания услуг, при фактическом ее отсутствии. К таким действиям, как правило, относится изготовление фиктивных документов. Свидетельство подобным действиям можно встретить и в судебной практике.

Так, суд признал Г. виновным в совершении мошенничества, связанном с поставкой стройматериалов для нужд лечебного учреждения. Подсудимый Г., будучи представителем Заказчика, попросил своего знакомого учредителя коммерческой организации, принимавшего участие в аукционе, снизить цену контракта в целях победы на аукционе. После победы указанной организации Г. обеспечил заключение с ней государственного контракта. Затем Г. попросил свою мать, являющуюся директором указанной коммерческой организации (Поставщика), изготовить фиктивные документы, свидетельствующие о поставке стройматериалов – счета-фактуры и товарные накладные. После изготовления и подписания ею указанных документов Г., как представитель Заказчика, сам подписал данные фиктивные документы, свидетельствующие о приемке якобы поставленного товара. После поступления денежных средств по государственному контракту на счет аффилированной коммерческой организации Г. получил возможность распоряжаться ими по своему усмотрению [7].

При поставке товаров по завышенной стоимости поставка товара фактически производится, однако цена поставляемого товара искусственно завышается обвиняемыми. Разница между стоимостью товара, выделяемой из средств бюджета, и фактической стоимостью, по которой товар приобретает у поставщика (изготовителя), присваивается и является ущербом.

Наконец, поставка более дешевых товаров, выполнение более дешевых работ, оказание более дешевых услуг означает, что поставляются товары (выполняются работы), не предусмотренные контрактом, а более дешевые, разница в их стоимости неправомерно присваивается. Подобные случаи наиболее распространены в строительной сфере, где производится множество скрытых работ, и выявить факт их удешевления представляет значительную сложность.

Третья особенность объективной стороны мошенничества в сфере публичных закупок заключается в специфике момента окончания преступления. Так, со-

гласно пункту 5 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 48 от 30 ноября 2017 года «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» мошенничество признается оконченным с момента, когда имущество поступило в незаконное владение виновного или других лиц, и они получили реальную возможность (в зависимости от потребительских свойств этого имущества) пользоваться или распорядиться им по своему усмотрению. В этом же пункте названного Постановления высший судебный орган разъясняет, что хищение безналичных денежных средств «...следует считать оконченным с момента изъятия денежных средств с банковского счета их владельца или электронных денежных средств, в результате которого владельцу этих денежных средств причинен ущерб» [8]. Из приведенного разъяснения следует, что Пленум Верховного Суда Российской Федерации конкретизировал момент окончания хищения безналичных денежных средств путем указания на изъятие их с банковского счета их владельца. Формулировку «в результате которого ... причинен ущерб» можно понимать как получение виновным реальной возможности пользоваться и распоряжаться указанными денежными средствами по своему усмотрению. Изученные нами материалы судебной практики по делам о мошенничестве в сфере публичных закупок свидетельствуют о том, что в отдельных случаях изъятие безналичных денежных средств с банковского счета их владельца совпадает по времени с зачислением их на банковский счет виновного и получением им реальной возможности пользоваться и распоряжаться указанными денежными средствами по своему усмотрению [9].

Но встречаются и ситуации, когда между двумя указанными событиями имеется временной промежуток, обусловленный спецификой некоторых хищений, маскировкой виновными своих действий. К примеру, К. являлся директором акционерного общества «З.», учредителем и единственным акционером которого является Российская Федерация в лице Государственной корпорации «Ростех». Действуя в составе организованной группы, К. обеспечил победу АО «З.» в аукционе на поставку быстровозводимых войсковых фортификационных укреплений и заключение государственных контрактов с Министерством обороны Российской Федерации. После этого участники организованной группы приняли фиктивное решение финансовой комиссии о неудовлетворительном финансовом положении АО «З.» и передаче исполнения контрактов подконтрольной фирме-однодневке ООО «К.». В дальнейшем участники организованной группы обеспечили перечисление на счет указанной фирмы авансовых платежей, обеспечив привлечение и поступление денежных средств от Министерства обороны Российской Федерации на счета АО «З.» на сумму 13,2 млн.руб. Из указанной суммы на изготовление быстровозводимых войсковых фортификационных укре-

плений участники организованной группы затратили 8,5 млн.руб. После этого АО «З.» перечислило на расчетные счета ООО «К.» оставшуюся сумму по государственным контрактам в размере 10,9 млн.руб. Оставшаяся на расчетных счетах ООО «К.» сумма в размере 15,6 млн. руб. была перечислена на лицевые счета шестерых физических лиц подконтрольных членам организованной группы, а также на счета двух аффилированных юридических лиц, с указанием несоответствующего действительности основания перечислений «оплата за комплектующие к ГНТ-1 и ГНТ-2». Перечисленные на счета подконтрольных физических лиц и фиктивных хозяйствующих субъектов указанные денежные средства были обналичены и распределены между членами организованной группы [10]. В приведенном примере имеется значительный временной разрыв между перечислением платежей на счет ООО «К.» (изъятие денежных средств со счета владельца) и распределением похищенных денежных средств между членами организованной группы.

В данном случае, если исходить из позиции высшей судебной инстанции, моментом окончания преступления следует считать перечисление на счет ООО «К.» последней денежной суммы, предназначенной для оплаты по государственным контрактам. Дальнейшие действия, связанные с перечислением денежных средств подконтрольным физическим и юридическим лицам, обналичивание и распределение между членами преступной группы являются посткриминальным поведением, выходят за рамки объективной стороны и направлены на сокрытие преступления.

Изложенное подтверждает, что объективная сторона мошенничества в сфере публичных закупок имеет и такую специфическую особенность, которая сопряжена с точным определением момента окончания

такого преступления.

В заключение следует отметить, что именно вторая из выявленных особенностей объективной стороны рассматриваемого преступления – совершение умышленных действий, непосредственно связанных с осуществлением поставки товаров, выполнением работ и оказанием услуг по государственному или муниципальному контракту, и позволяет наиболее точно определить суть мошенничества в сфере публичных закупок.

С учетом изложенного, объективную сторону мошенничества в сфере публичных закупок можно определить как хищение бюджетных денежных средств, выделенных на закупку товаров, работ или услуг для государственных или муниципальных нужд, совершенные путем обмана и (или) злоупотребления доверием, а также имитации поставки товаров, выполнения работ или оказания услуг; поставки товаров, выполнения работ или оказания услуг по завышенной стоимости либо поставки более дешевых товаров, выполнении более дешевых работ или оказании более дешевых услуг.

Таким образом, выявленные особенности объективной стороны рассмотренного преступления позволяют не только уяснить его специфику, но и учесть её при формулировании определения мошенничества в сфере публичных закупок, что имеет значение для дальнейших теоретических исследований по проблемам его уголовно-правовой оценки. Кроме того, отмеченные специфические признаки мошенничества в сфере публичных закупок раскрывают его сложный характер, а это имеет практическое значение для раннего выявления и пресечения таких преступлений, предотвращению причинения существенного вреда объектам, охраняемым уголовным законом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Трунцевский, Ю.В. Преступления в сфере использования федеральной собственности. Теория и практика противодействия коррупции / Ю.В. Трунцевский // Имущественные отношения в РФ. – 2016. – № 11(182). – С. 106-114.
2. Краснов, И.В. Эффективность и перспективы уголовно-правовой охраны сферы государственных и муниципальных закупок / И.В. Краснов, Л.О. Герасимова // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. – 2014. – № 4. – С. 127-131.
3. Бочкова, Ю.А. Сговоры на торгах при осуществлении государственных закупок / Ю.А. Бочкова // Проблемы современной экономики. – 2014. – № 2 (50). – С. 117-120.
4. Приговор Дмитровского городского суда Московской области от 13.06.2018 по делу № 1-265/2018 [Электронный ресурс] // Sudact.ru. – 28.08.2019. – URL: <http://sudact.ru/regular/doc/j0jOLmsEK05u>.
5. Приговор 235 гарнизонного военного суда (город Москва) от 17.12.2012 по делу № 1-65/2012 [Электронный ресурс] // Sudact.ru. – 25.08.2019. – URL: <http://sudact.ru/regular/doc/gulEh1H3vQmv>.
6. Черняков, С.А. Предупреждение мошенничества в сфере обеспечения исполнения обязательств банковскими гарантиями: дис. . . . канд. юрид. наук / Черняков С.А. – М., 2016. – 274 с.
7. Приговор Первомайского районного суда г. Кирова от 11.07.2018 по делу № 1-172/2018 [Электронный ресурс] // Sudact.ru. – 02.07.2019. – URL: <http://sudact.ru/regular/doc/pJ0kDg5uXgYL>.
8. О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 ноября 2017 г. № 48 / Пленум Верховного Суда Российской Федерации // Справочная правовая система «Консультант Плюс». Раздел «Судебная практика».

- Информационный банк «Версия Проф».
9. Приговор Центрального районного суда г. Барнаула от 18.06.2018 по делу № 1-13/2018 [Электронный ресурс] // Sudact.ru. – 28.08.2019. – URL: <http://sudact.ru/regular/doc/th8qUsdPY9i>.
 10. Приговор Володарского районного суда г. Брянска от 26.06.2018 по делу № 1-82/2018 [Электронный ресурс] // Sudact.ru. – 27.08.2019. – URL: <http://sudact.ru/regular/doc/IKaNRmHrkLbg>.

© Гудков Антон Павлович (an_gudkov@rambler.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРИВЛЕЧЕНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ К УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА УГОН ТРАНСПОРТНОГО СРЕДСТВА

Мажинский Роман Александрович

Аспирант, ГАОУ ВО «Московский городской педагогический университет»; Преподаватель, Правовой колледж Российского университета транспорта (МИИТ)
roman_mazik@mail.ru

SOME PROBLEMS OF BRINGING MINORS TO CRIMINAL RESPONSIBILITY FOR VEHICLE THEFT

R. Mazhinsky

Summary: The purpose of this article is to identify the problems of qualification of the objective side of crimes containing signs of vehicle theft committed by minors in relation to vehicles belonging to their parents. As a result of the study, the author makes the assumption that, in fact, the impunity of minors for this act increases the number and recidivism of thefts committed by adolescents. The author seeks to bridge the gaps of legal regulation and compares two of the offences provided for by article 166 of the criminal code and article 330 of the criminal code, trying thus to draw attention to the fact that the similarity described these articles acts, with certain modifications of the standards will prosecute minors who decided to «just ride» on a family car despite the prohibitions established by the law and parents.

The author concludes that it is necessary to repeal rules that are currently set and makes impossible the application of article 166 of the criminal code, in connection with the fact that the unauthorized use of a vehicle by family members of the owner or his close ones or people who used it previously or continue to use does not form part of the crime. The author proposes to consider the legislator the possibility to use article 330 of the criminal code for the purposes of the application of criminal penalties to minors if the sign of the objective side of the offence of article 166 of the criminal code, is an obstacle to the criminal prosecution of a teenager for joyriding parents and close relatives.

Keywords: illegal possession of a vehicle, theft, arbitrariness, traffic police, objective side of the crime, direct intent.

Аннотация: Целью настоящей статьи является выявление проблем квалификации объективной стороны преступлений, содержащих признаки угона транспортного средства, совершенных несовершеннолетними в отношении транспортных средств, принадлежащих их родителям.

В результате проведенного исследования, автор делает предположение о том, что, по сути, безнаказанность несовершеннолетних за данное деяние увеличивает количество и рецидивы угонов, совершаемых подростками. Автор ищет возможность преодолеть пробелы правового регулирования и сравнивает два состава преступлений, предусмотренных ст. 166 УК РФ и ст. 330 УК РФ, пытаясь, таким образом, обратить внимание на то, что схожесть описываемых этими статьями деяний, при определенном изменении норм позволит привлекать к уголовной ответственности несовершеннолетних, решивших «просто покататься» на семейном автомобиле вопреки запретам, установленным нормами права и родителями.

Автором делается вывод о том, что необходимо отменить действие правила, которое установлено в настоящее время и делает невозможным применение ст. 166 УК РФ, в связи с тем, что самовольное использование транспортного средства членами семьи собственника или близкими ему людьми или лицами, которые пользовались им ранее или продолжают пользоваться не образует состава рассматриваемого преступления.

Автор вносит предложение рассмотреть законодателем возможность использования ст. 330 УК РФ для целей применения уголовного наказания к несовершеннолетним, если признак объективной стороны преступления, установленного ст. 166 УК РФ, является препятствием для привлечения к уголовной ответственности подростка за угон автомобиля родителей и близких родственников.

Ключевые слова: неправомерное завладение транспортным средством, угон, самоуправство, ГИБДД, объективная сторона преступления, прямой умысел.

Огромной проблемой в практической деятельности правоохранительных органов, является квалификация деяния, когда несовершеннолетний завладел без цели хищения транспортным средством (ТС) своих родителей или знакомых (решил покататься один или с друзьями). Исходя, из гипотезы ст. 166 УК РФ, такое деяние можно квалифицировать, применяя уголовный закон. Уголовное дело о преступлении, предусмотренном ст. 166 УК РФ считается уголовным делом публичного обвинения, возбуждается независимо от мнения потерпевшего, коим является собственник или титульный владелец. Однако, когда несовершеннолетний, незаконно управляющий транспортным средством

останавливается сотрудниками ГИБДД, для правильной квалификации содеянного, всегда выясняется кто является собственником ТС. Весьма часто, при том, что в действиях несовершеннолетнего нарушителя обнаруживаются признаки состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 166 УК РФ, сотрудники ГИБДД не могут возбудить уголовное дело из-за весьма важного конструктивного признака, т.к. самовольное использование транспортного средства членами семьи собственника или близкими ему людьми или лицами, которые пользовались им ранее или продолжают пользоваться не образует состава рассматриваемого преступления. Полагаем, что данное правило, фактически разваливающее потенциальное

уголовное дело и делающее невозможным применение этой статьи, для цели наказания нелогично применять к деянию несовершеннолетнего, т.к. лицо, не достигшее возраста 18 лет самовольно, вопреки установленному законом или иным нормативным правовым актом порядку совершает заведомо неправомерное действие, а, следовательно, должно быть подвергнуто порицанию со стороны государства и общества.

Безусловно, такие действия, также можно было бы рассматривать и как самоуправство, т.е. деяние, квалифицируемое в соответствии со ст. 330 УК РФ. Так как признаки состава преступления этого деяния, имеют несущественные отличия, которые при определенном изменении конструкции можно было бы применять при завладении подростком транспортным средством, принадлежащим его родителям или членам семьи.

Так, если сравнивать признаки двух составов преступления, то можно обнаружить, что:

1. субъект преступления, предусмотренного ст.166 УК РФ – лицо, достигшее 14-летнего возраста, и не имеющее законных прав на владение транспортным средством субъект преступления, установленного ст. 330 УК РФ – 16-летнего возраста;
2. субъективная сторона и в том, и в другом составах преступления – прямой, конкретизированный умысел, т.е. виновное лицо осознает противоправный характер своих действий;
3. объективная сторона преступления, предусмотренного в ч. 1 ст. 330 УК РФ, включает самовольное (не разрешенное) действие, Деяние в составе указанного преступления имеет различные формы: самовольное осуществление действительного или предполагаемого права вопреки существующему порядку, совершение иных действий вопреки установленному порядку. При самовольном осуществлении действительного права нарушается нормативный порядок его реализации. При осуществлении предполагаемого права требуется соблюдение порядка его установления и лишь затем — порядка его реализации.

Таким образом, самоуправство в осуществлении предполагаемого права нарушает как порядок установления права, так и порядок его реализации. Самоуправство может выразиться и в совершении действий, на которые виновный заведомо не имеет никакого права. [1, с.51] Объективная сторона угона схожа, т.к. под ним понимается неправомерное завладение транспортным средством без цели хищения (угон), и осуществление поездки на нем. Полагаем, что неправомерно завладение ТС по сути аналогично самоуправству, т.к. лицо, совершающее его также, как и в деянии, описанном в ст.330 УК РФ вопреки установленному нормативному порядку и совершает такие дей-

ствия (по управлению ТС), на которые заведомо не имеет никакого права.

Безусловно, в ст.330 УК РФ составляющим конструктивным признаком состава преступления помимо деяния, является наличие последствия (существенного вреда) и причинно-следственной связи между деянием и последствиями. Существенный вред как итог рассматриваемого деяния подвергается тщательному анализу в каждом конкретном случае. В результате самовольных действий организации или гражданину (потерпевшими могут быть не только лица, которые оспаривают правомерность действий виновного) причиняется существенный вред. Вид вреда законом не определен и может выражаться в имущественном ущербе, упущенной выгоде, причинении морального вреда, нарушении конституционных прав граждан, и т.п. Размер ущерба как существенный определяется с учетом конкретных обстоятельств дела на момент совершения самоуправных действий в зависимости от величины ущерба или важности нарушенных прав и интересов.

Диспозиция статьи 166 УК РФ, описывающая объективную сторону преступления, не содержит указания о таком конструктивном признаке как вред, однако, безусловно он презюмируется, даже если завладение транспортным средством производится без цели хищения, так как в действиях угонщика, может проследиваться корыстный мотив, например, стремление безвозмездно пользоваться чужим транспортным средством, не неся расходы хотя бы даже на ГСМ. Кроме того, вред может быть и моральным, так как отнюдь не радостные эмоции будет испытывать собственник или титульный владелец, когда узнает о том, что его транспортное средство угнано. Ст.330 УК РФ называет в качестве важного условия то, что вред – существенный.

4. Объекты преступления в ст.166 УК РФ и ст.330 УК РФ различны: в норме об угонах это - общественные отношения, связанные с отношениями собственности, независимо от ее формы; в статье УК РФ о самоуправстве - общественные отношения в области порядка управления. Общественная опасность уголовно-наказуемого деяния заключается в нарушении установленного порядка осуществления людьми своих прав, при котором наносится существенный вред другим гражданам или организациям.

Такая сравнительная характеристика позволяет нам сделать вывод о том, что эти составы очень схожи между собой и даже при определенных условиях могут составить конкуренцию норм несмотря на то, что, исходя из замысла законодателя – это отдельные самостоятельные составы.

Для того, чтобы изменить ситуацию с правоприменением и привлечением несовершеннолетних к уголовной ответственности за угон законодателю необходимо ликвидировать пробел, принять во внимание, что условие о самовольном использовании несовершеннолетним ТС его родителей и других близких родственников не подлежит применению, а, следовательно, не образует объективную сторону состава преступления, предусмотренного ст.166 УК РФ. Для этого, предлагаем ввести примечание к этой норме, которое следует изложить в следующей редакции: «Самовольное использование несовершеннолетним транспортного средства членом семьи, являющихся собственниками или законными владельцами транспортного средства, образует состав рассматриваемого преступления, так как несовершеннолетний не вправе самостоятельно пользоваться им и не мог ранее им пользоваться до наступления совершеннолетия».

Еще одним из возможных вариантов разрешения рассматриваемой проблемы может стать дополнение

конструкции статьи 330 УК РФ условием о возможности ее применения в случаях, если несовершеннолетний самовольно вопреки запретам действующего законодательства завладел без цели хищения ТС родителей или близких родственников и совершил на нем поездку. Такое деяние при определенной адаптации норм статьи 330 УК РФ можно будет инкриминировать именно несовершеннолетним, называя их самовольное поведение самоуправством и привлекать их к уголовной ответственности. Для этого законодателю необходимо определиться с понятием «существенный вред». В настоящий момент, отсутствует методика по правильному установлению вреда при самоуправстве, его рассматривают в каждом отдельном случае, опираясь на мнение судьи. [2] А, некая размытость или универсальность существующего понятия о самоуправстве, полагаем, может дать после соответствующей доработки возможность квалифицировать как самоуправство и неправомерно совершенную несовершеннолетним вопреки закону, поездку на транспортном средстве родителей без цели хищения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Уголовное право России. Части Общая и Особенная: Учебник. Издание второе исправленное и дополненное / Под ред. доктора юридических наук, профессора Л.В. Иногамовой-Хегай, доктора юридических наук, профессора А.И. Рарога, доктора юридических наук, профессора А.И. Чучаева. — М.: Юридическая фирма «КОНТРАКТ»: ИНФРА-М, 2012. — 800 с.
2. Самоуправство. Ст.330 УК РФ. Судебная практика / [Электронный ресурс]. — Режим доступа. — URL: <http://allelets48.ru/samoupravstvo-st-330-uk-rf-sudebnaya-praktika/> (дата обращения 22.12.2020 г.)

© Мажинский Роман Александрович (roman_mazik@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

GENESIS OF LEGAL AWARENESS

**A. Petrov
M. Gorbatoва
A. Domnina**

Summary: The article reveals the natural sequence of the appearance of a special form of legal thinking—legal awareness in the legal sphere of public life. Its main source—the contradiction between the essential elements of law and legal reality determines the goals of legal awareness – knowledge of the actual content of law and bringing the sphere of external existence of law in accordance with it. The special role of legal science and legal education as the main forms of legal awareness in this process is determined.

Keywords: legal reality, legal reality, legal practical thinking, legal awareness, legal science and education.

Постановка проблемы

В российской юридической науке разработка понятия правосознания имеет длительную историю, проявившись как самостоятельная проблематика на рубеже XIX-XX веков. Достаточно указать здесь на работы П.И. Новгородцева, Л.И. Петражицкого, И.А. Ильина [1]. Теория правосознания активно разрабатывалась в юридической науке советского периода, она представлена здесь обширной библиографией, из которой укажем только несколько фундаментальных работ [2]. В постсоветский период также появились исследования по теории правосознания [3], хотя в основной части работы этого периода касаются особенностей отдельных видов правосознания, главным образом профессионального.

Отметим, что в представленных исследованиях по вопросам правосознания были достаточно основательно раскрыты вопросы содержания правосознания, его функций, уровней и видов. Однако, при всей значительности проведенной работы понятие правосознания так и не получило четкого статуса в системе понятий теории права. Обратим внимание прежде всего на то, что это понятие не имеет в теории права сколько-нибудь определенного места и может рассматриваться авторами в самых различных вариантах последовательности с другими понятиями теории права.

ГЕНЕЗИС ПРАВОСОЗНАНИЯ

Петров Александр Васильевич

К.ю.н., доцент, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского
avpetrov@unn.ru

Горбатова Марина Константиновна

К.ю.н., доцент, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского
mk-g@mail.ru

Домнина Анастасия Валерьевна

старший преподаватель, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского
anastasiy-domnina@yandex.ru

Аннотация: В статье раскрывается закономерная последовательность появления особой формы правового мышления – правосознания в правовой сфере общественной жизни. Главный его источник – противоречие между сущностными элементами права и правовой реальностью определяет цели правосознания – познание действительного содержания права и приведение в соответствии с ним сферы внешнего бытия права. Определяется особая роль в этом процессе юридической науки и юридического образования как основных форм правосознания.

Ключевые слова: правовая действительность, правовая реальность, правовое практическое мышление, правосознание, юридическая наука и образование.

Вряд ли кому-то придет в голову мысль рассматривать, скажем, вопросы правотворчества после вопросов реализации права; или вначале рассмотреть понятие юридической ответственности, а затем понятие правонарушения. Логика предмета, отражаемая в последовательности понятий теории, диктует иной ход анализа понятий. Для понятия правосознания логика предмета, видимо пока ничего не диктует; для теории права в целом неясно, как генетически, из какого правового явления или их совокупности продуцируется правосознание.

Такое «блуждающее» состояние понятия правосознания, полагаем, следствие сложившегося подхода к содержанию правосознания, которое, как отмечается рядом ученых, трактуется предельно широко [4, с. 393]. В такой трактовке правосознанию приписываются нормативные, регулятивные и охранительные свойства и функции, что делает неразличимым правосознание и элементы механизма правового регулирования.

С позиций современной российской концепции правосознания размышления, например, судьи при вынесении решения суда или постановлении приговора относятся к правосознанию, куда точно так же относятся мышление законодателя при создании нормативного акта или продавца при заключении сделки купли-продажи. Но тогда получается, что решение или приговор

суда, нормативный акт или договор – ни что иное, как способы, формы существования правосознания.

Еще в советский период активно дискуссировался вопрос о соотношении права и правосознания [5, с. 10-32]. Вряд ли и к настоящему времени ученые, рассматривающие мышление законодателя при подготовке нормативного акта в качестве одного из видов правосознания, могут четко определить, где проходит грань между ним и нормативным актом как элементом правового регулирования. Так что проблема соотношения права и правосознания остается такой же актуальной для российской теории права, как и несколько десятилетий назад.

Представляем методологически ошибочным ограничиться, как это обычно делается, рассмотрением правосознания как одной из форм общественного сознания с вытекающими отсюда применительно к праву признаками и свойствами. Понять действительную природу правосознания можно лишь установив причины появления этой формы человеческого мышления в правовой сфере общественной жизни. Анализ этого процесса дает возможность определить цели правосознания и вытекающие отсюда его особенности по сравнению с другими формами мышления.

Данной проблеме посвящена настоящая статья, задача которой определить основные этапы формирования правосознания внутри правовой сферы общественной жизни и хотя бы в общем плане ответить на вопросы откуда, почему и как появляется правосознание. Начнем с определения некоторых исходных понятий, которые отражают явления и процессы, составляющие объективную основу формирования правосознания.

Правовая действительность

Правовую действительность первоначально можно представить как всеобщую совокупность юридических явлений общества или явлений, содержащих в себе качество правового. Вместе с тем, правовая действительность — это не простой набор явлений, а такая их однородная совокупность, которая скреплена, связана единым генетическим началом – сущностью права. Именно принадлежность к единой сущности делает эти явления явлениями одной правовой действительности, в отличие от экономической политической, моральной и иной действительности.

В основе юридических явлений, составляющих правовую действительность, как и всех социальных процессов и явлений лежит социальная воля, которую для определённости назовем волей правовой. Формирование правовой воли обусловлено специфическими правовыми потребностями, которые появляются в социальных связях, имеющих общезначимый для нормального

функционирования общества характер, с распределенными между субъектами функциями и подвергающихся периодическим нарушениям. Носителем или субъектом правовой воли является общество в целом, а непосредственным выразителем – доминирующие в нем социальные группы.

Правовая воля в отличие от социальной воли, формирующей экономические, политические или идеологические институты, имеет особые предметные цели – достижение баланса интересов основных социальных групп, а в конечном итоге – гармонии этих интересов, путем урегулирования, упорядочения общественных связей. Именно эти цели определяют возможность действия правовой воли самой по себе, без внешних принудительных сил, по причине заинтересованности в сбалансированном по интересам социальном порядке всех основных субъектов общества.

Как любая социальная воля, правовая воля развертывается в целенаправленной предметной практической деятельности, направленной на достижение заложенных в ней целей. Ее необходимыми этапами и элементами являются выявление правовых потребностей, выражение стремления социальных групп к достижению правовых целей, формирование системы юридических норм, закрепление правового статуса субъектов, возникновение на основе юридических фактов правоотношений, реализация субъективных прав и обязанностей, выявление фактов правонарушений и реализация юридической ответственности, и в конечном результате – формирование и защита правопорядка.

Этот результат, рассматриваемый с точки зрения лежащей в его основе социальной воли, достигается и может быть правильно понят только в совокупности с процессом его достижения, через последовательное прохождение этапов развёртывания правовой воли. Он неотделим от ведущего к нему пути. На этом пути каждый этап необходимо фиксирован и необходимо связан с другим системой закономерностей, определяющей порядок перехода от одного этапа к другому.

Правовая воля, выступающая как сущность или энергетический источник всего правового, соединяет юридические явления в системно замкнутый процесс, который начинается с правовой потребности и завершается в правопорядке. В ходе этого процесса, в котором правопорядок есть не что иное как удовлетворенная правовая потребность, юридические явления образуют замкнутый цикл или целостную правовую действительность.

Таким образом, правовая действительность с внешней стороны – это объединенная в едином содержательном процессе совокупность юридических явлений общества. В аспекте своей структуры – это устойчивая

последовательность юридических явлений и их необходимых связей друг с другом. Наконец, с внутренней стороны правовая действительность – это способ выражения, объективизации правовой воли, способ существования сущности правовых явлений.

Правовая реальность

Правовую действительность не следует смешивать с правовой реальностью, с тем, каким образом система юридических явлений предстает при их простом внешнем видении. Правовая реальность представляет собой сферу непосредственного бытия правового, где наряду с существенными, необходимыми и закономерными процессами в равной степени присутствуют процессы наносные, случайные и стихийные. Существование последних – результат действия различного рода аномалий права, имеющих объективные и субъективные причины, с которыми сталкивается движение правовой воли к реализации целей [6, с. 170-180].

Правовая действительность с внешней стороны, со стороны ее видимости оказывается, таким образом, представленной не в форме чистого проявления сущности, а сущности вплетенной в несущественное, перемешанной с ним. Причем в функционирующей и исторически развивающейся правовой реальности нет бирок или указателей на то, что в ней существенное, а что – наносное, что необходимое, а что – случайное, что закономерное, а что – стихийное. Действие и история права – это представление правовой реальности, а не правовой действительности.

В рамках правовой реальности цели правовой воли реализуются частично, неадекватно или вовсе не реализуются, в результате чего правовые потребности общества не удовлетворяются, удовлетворяются не полностью или искаженно. В функционировании правовой реальности неизбежно появляются противоречия, которые потенциально подталкивают правовую реальность к преобразованию в правовую действительность, к воспроизводству в себе сущностных, необходимых и закономерных сторон права.

Для снятия противоречий и развития в правильном направлении вектор движения и связанных с ним преобразований правовой реальности нужно по крайней мере знать. Значит необходимо наличие инструментов – мышления, нацеленного на понимание действительных процессов в праве, и стремления работать над преобразованием правовой реальности в правовую действительность. При отсутствии первого и второго начнется накопление шлаков из правовых аномалий, которое приведет в итоге к критическим сбоям и затем к деградации правовой системы и соответствующем торможении социальной жизни в целом.

Правовое практическое мышление

Все что создается в социальной жизни – это результат деятельности людей, обладающих мышлением и волей. Правовая реальность здесь не исключение, все ее элементы и процессы – это продукты осознанной деятельности людей. Поэтому правовая реальность по природе содержит в себе человеческое сознание как свой необходимый элемент. Однако это сознание имеет определенную направленность, оно носит практический характер и продуцируется людьми, имеющими конкретные практические правовые цели, достижение которых обеспечивает наиболее оптимальное решение для них экономических, социальных, политических и иных задач.

Объект их размышлений – это юридическая норма (действующая или будущая) и социальная связь, под которую под эту норму необходимо подвести или для которой норму нужно создать. Это мышление, приобретающее форму воли, воплощается в конкретных правовых явлениях и процессах: актах правотворчества и юридических нормах, юридических фактах и правоотношениях, актах толкования юридических норм и актах применения права, выявлении фактов правонарушений и юридической ответственности. Такое мышление для определенности будем называть правовым практическим мышлением.

Конкретная практическая направленность ограничивает для субъектов, создающих правовую реальность и участвующих в ней в качестве действующих лиц, сферу тех юридических явлений и процессов, которые включаются при определении и реализации целей правовой воли. Все что не имеет практического правового значения – сущность права, его содержание и формы, необходимые связи и закономерности права – это остается за пределами внимания правового практического мышления, оно не становится само по себе объектом его познания и понимания.

Получается интересная ситуация, когда, несмотря на наличие в правовой реальности правового мышления, существующая необходимость движения в сторону правовой действительности не может быть в ней самостоятельно реализована. Конечно, заложенные в правовой действительности сущностные элементы находят выход в сферу существования. Однако в правовой реальности это становится скорее игрой случая, следствием использования метода проб и ошибок, действия спонтанных процессов, а не осознанной работы правового практического мышления. Для практически действующих субъектов различия между правовой действительностью и правовой реальностью попросту не существует.

Для определения вектора и путей развития по направлению к правовой действительности необходим выход мышления за пределы правовой реальности, от-

деление от практически ориентированного правового мышления и переход к иным его формам, способным рассматривать правовую реальность не как среду обитания и воплощения своих интересов, а как внешний, независимый от субъекта объект. Эта потребность в совокупности с отмеченными ранее противоречиями между правовой реальностью и правовой действительностью в итоге приводит к формированию и постепенному выделению особой формы правового мышления – правосознания.

Правовое сознание

Правосознание, как видим, это не взявшаяся откуда-то со стороны форма общественного сознания, а продукт собственных процессов и противоречий правовой реальности. Оно появляется в силу необходимости разрешения субъектами практической деятельности постоянно возникающего противоречия между правовой действительностью и правовой реальностью, которое они сами разрешить не в состоянии.

Отсюда становится понятна основная цель правосознания. Она состоит отнюдь не в том, чтобы что-то регулировать, кого-то защищать или воспитывать. Его цель в установлении за внешним бытием правовой реальности ее действительного содержания и создание условий для того, чтобы установленные параметры правовой действительности могли быть воплощены в правовой реальности.

Между правосознанием и сознанием, непосредственно реализующим себя в правовой реальности – правовым практическим мышлением, есть качественные различия. Во-первых, правосознание это сфера чистого духа, сфера размышления над правовой реальностью, тогда как практическое правовое мышление – это сфера делания правовой реальности; во-вторых, правосознание наслаивается над правовой реальностью и в качестве рефлексии взаимодействует с ней в процессе ее понимания и преобразования правовой реальности в правовую действительность, тогда как практическое правовое мышление это составная часть самой правовой реальности; наконец, правосознание непосредственно не связано практическим интересом, тогда как правовое практическое мышление имеет практический интерес в качестве своего основного двигательного момента.

Высказанные соображения на первый взгляд легко опровергаются очевидным фактом присутствия правосознания у практически действующих субъектов на уровне обывательного и профессионального юридического мышления [7, р. 74-78]. Оно там действительно есть; вопрос только в том, откуда оно здесь появляется – продуцируется самими субъектами практической деятель-

ности или принимается, привходит из развитых форм правосознания, которыми выступают юридическая наука и юридическое образование.

Формы правового сознания

Правовое сознание приобретает свои завершённые развитые формы с появлением в правовой сфере общественной жизни субъектов и социальных институтов, специализирующиеся на познании правовой реальности и выработке соответствующих знаний о ней. Этот этап связан главным образом с формированием правовой или юридической науки как особого социального института и соответствующим окончательным отделением правосознания как особого типа правового мышления от правовой реальности и правового практического мышления.

Основная миссия юридической науки – это познание правовой реальности во всем многообразии ее внешних проявлений, установление существенного в этом многообразии, необходимых элементов содержания, связывающих их закономерностей, требуемых данному содержанию форм как в целом, так и в отдельных сферах правового регулирования. Этим, однако не исчерпывается роль и значение юридической науки. Выработанное ею знание, обретая форму научной истины, необходимо для того, чтобы стать достоянием правовой реальности, воплотившись в конкретных продвижениях правовой реальности к правовой действительности.

Непосредственным объектом воздействия юридической науки на правовую реальность выступает правовое практическое мышление, которое делает правовую реальность тем, что она есть. Возможность правового практического мышления к трансформации в соответствии с научными представлениями о правовой реальности и наличие у него стремления к соответствующим преобразованиям являются необходимыми условиями для изменения практической деятельности и закреплению в ней элементов правовой действительности.

Основную роль в создании для практического юридического мышления возможности восприятия научного юридического знания играет система юридического образования. Здесь важно подчеркнуть, что юридическое образование является необходимым передаточным звеном между юридической наукой и правовым практическим мышлением и отметить, что им должны охватываться все уровни правового практического мышления обывательного и профессионального, ибо правовая действительность формируется в деятельности всех субъектов общественной жизни.

Что касается стремления практически действующих субъектов к адекватному воплощению полученных зна-

ний, то здесь не все так просто и гладко. Правовая реальность живет и преобразуется не только на основе внутренних закономерностей, но и под влиянием мощных экономических, политических, идеологических процессов, доминирующих в обществе классов, социальных групп, страт и даже отдельных личностей. Все они действуют по своим правилам, которые далеко не всегда совпадают с направлениями, заданными потребностями права. Вектор юридической науки и юридического образования в системе влияний на развитие правовой реальности часто выглядит отнюдь не самым определяющим.

Выводы

Для понимания природы правосознания необходимо последовательное рассмотрение категориального ряда: сущность права, правовая действительность, правовая реальность, правовое практическое мышление, правосознание.

Причиной появления правосознания в качестве особой формы правового мышления является про-

тиворечие между правовой реальностью как сферой бытия юридических явлений и правовой действительностью как способом проявления сущностных сторон права.

Правосознание следует отличать от правового практического мышления; обе эти формы правового мышления имеют свои различающиеся истоки существования, цели, содержание и формы.

Основные формы правосознания – это юридическая наука, которая за внешним бытием правовой реальности открывает ее существенные стороны, и юридическое образование, которое преобразует правовое практическое мышление в направлении их понимания.

Прогресс правовой реальности, ее движение к утверждению действительного содержания, закономерностей и форм оказывается напрямую зависим от развитости юридической науки и юридического образования, а также создания условий их эффективного воздействия на правовое практическое мышление.

ЛИТЕРАТУРА

1. Петражицкий Л.И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. Том 1 и 2. – С.-Петербург, 1909, 1910; Новгородцев П.И. Сочинения. – М.: Раритет, 1995; Ильин И.А. О сущности правосознания. – М., 1993.
2. Остроумов Г.С. Правовое осознание действительности. – М.: Наука, 1969; Лукашева Е.А. Социалистическое правосознание и законность. – М.: Юридическая литература, 1973; Чефранов В.А. Правовое сознание как разновидность социального отражения (философско-методологический очерк). – Киев, 1976; Щегорцев В.А. Социология правосознания: монография. – М.: Мысль, 1981; Соколов Н.Я. Профессиональное сознание юристов. – М.: Наука, 1988.
3. Колотов А.Ф. Правовое сознание: понятие, структура, функции. – Оренбург: МГЮА, 1997; Малахов В.П. Правосознание: природа, содержание, логика. – М., 2001; Сафронов В.В. Правосознание гражданина: монография. – Красноярск, 2008; Бреднева В.С. Уровни правосознания и юридическая деятельность: монография. – Южно-Сахалинск, 2010.
4. Философия права. Курс лекций в 2-х томах. Том 1. М., 2013.
5. Козюбра Н.И. Социалистическое право и общественное сознание. – Киев: Наукова думка, 1999.
6. Петров А.В. Аномалии права: понятие и природа. – Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. № 1. – Н. Новгород: Изд-во ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2015.
7. Петров А.В., Домнина А.В. Признаки профессионального правосознания. – Poland, Warsaw. – East European Scientific Journal, 2017, № 5.

© Петров Александр Васильевич (avpetrov@unn.ru), Горбатова Марина Константиновна (mk-g@mail.ru), Домнина Анастасия Валерьевна (anastasiy-domnina@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

К ВОПРОСУ «НЕПОИМЕНОВАННОСТИ» В ИСПОЛНИТЕЛЬНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ

TO THE QUESTION OF "NEPOIMENOVANNOSTI" IN THE ENFORCEMENT PROCEEDINGS

**N. Sheremeteva
S. Kalashnikov
E. Vasilenko**

Summary: The article is devoted to the study of the problems of legal regulation of unnamed forms of coercive measures in enforcement proceedings. Attention is paid to the study of the process of digitalization of public relations, developing under the influence of information technologies. Particular attention is paid to the possibility of foreclosure on electronic forms of money. The article analyzes the need to secure atypical types of enforcement measures in order to ensure the correct and timely execution of judicial acts.

Keywords: namelessness, gap in the law, enforcement measures, electronic forms of money, digitalization process.

Шереметьева Наталья Владимировна

старший преподаватель, ФГБОУ ВО «Владивостокский государственный университет экономики и сервиса», г. Владивосток; помощник судьи, Арбитражный суд Приморского края
nata-sheremet@mail.ru

Калашников Сергей Сергеевич

ФГБОУ ВО «Владивостокский государственный университет экономики и сервиса», г. Владивосток
sergej_kalashnikov_99@mail.ru

Василенко Екатерина Олеговна

ФГБОУ ВО «Владивостокский государственный университет экономики и сервиса», г. Владивосток
ekaterinavasilenko@list.ru

Аннотация: Статья посвящена изучению проблем правовой регламентации непоименованных форм принудительных мер в исполнительном производстве процессе. Уделяется внимание изучению процесса цифровизации общественных отношений, развивающихся под влиянием информационных технологий. Особое внимание уделено возможности обращения взыскания на электронные формы денег. Анализируется необходимость закрепления нетипичных видов мер принудительного исполнения в целях правильного и своевременного исполнения судебных актов.

Ключевые слова: непоименованность, пробел в законе, меры принудительного исполнения, электронные формы денег, процесс цифровизации.

Общественно-правовые отношения в современном мире постоянно изменяются и трансформируются, выходят на новые этапы развития. При этом каждая сфера жизни человека, будучи подверженной постоянному правовому развитию, дает нам ряд нерешенных вопросов, в том числе и в исполнительном производстве, как одного из важных и заключительных этапов судебного процесса.

В данной работе хотелось бы остановиться на относительно новом явлении, которое получило название «непоименованность».

В научной литературе довольно редко можно встретить анализ такого явления как «непоименованность». Однако отдельные авторы, такие как С.И. Сулова, В.В. Лазарев, З. Улугова затрагивали эту тему в своих научных исследованиях.

Так, С.И. Сулова сформулировала определенные аспекты, являющиеся важными для понимания термина «непоименованность» [1].

Во-первых, автор говорит о том, что «непоименован-

ность» – это, прежде всего, результат отсутствия правовой регламентации.

Во-вторых, автор подчеркивает, что появление термина «непоименованность» вызвано не только реализацией принципа диспозитивности, но и гарантированными Конституцией свободами, позволяющими каждому лицу создавать новые варианты, отличающиеся правовой новизной, для защиты своих субъективных прав и законных интересов.

В-третьих, прослеживается тесная взаимосвязь понятий «непоименованность» и «пробел в законе», которая проявляется в причинности появления обоих терминов.

Необходимо отметить, что состояние непоименованности имеет место абсолютно в любой отрасли права. Такое понятие известно и исполнительному производству.

Существование термина «непоименованность» применительно к отдельным правовым явлениям можно наблюдать и на заключительной стадии судебного процесса – исполнительное производство.

Исполнительное производство – это совокупность юридически значимых действий на заключительном этапе судебного процесса осуществляемых органами исполнительной власти в целях обеспечения исполнения требований, содержащихся в исполнительном документе.

Важно отметить, что динамику исполнительного производства невозможно представить без совершения исполнительных действий судебными приставами и иными участниками в целях достижения задач исполнительного производства.

Федеральный закон «Об исполнительном производстве» определяет исполнительные действия, как совершаемые судебным приставом действия, направленные на создание условий применения мер принудительного исполнения, а равно на понуждение должника к полному, правильному и своевременному исполнению требований, содержащихся в исполнительном документе [2]. В силу публично-правового характера данных отношений судебный пристав занимает руководящее положение, но нельзя говорить об эффективности исполнительного производства, не принимая во внимание активные действия других участников.

Взяв за основу закрепленное в законе определение исполнительных действий, можно утверждать, что законодателем справедливо было произведено разделение мер принудительного исполнения и исполнительных действий. Безусловно, представленные действия судебного пристава составляют основу исполнительного производства и находятся в тесной взаимосвязи между собой, однако назвать их тождественными нельзя. Нужно учитывать, что указанные в статье 64 исполнительные действия, направленные на создание условий применения мер принудительного исполнения, в свою очередь вторые имеют целевую направленность – исполнение требований, указанных в исполнительном документе [2].

В качестве примера, можно привести позицию Верховного суда при рассмотрении кассационной жалобы, поданной на определение судебной коллегии. Апелляционная инстанция, равно как и районный суд допустили ошибку при квалификации нетипичных или, как принято говорить, непоименованных действий судебного пристава. Ошибочное понимание представленных выше судебных инстанций заключалось в определении сущности исполнительных действий и мер принудительного исполнения. Верховный суд указал, что суд первой и апелляционной инстанции ошибочно приравнял исполнительное действие по запрету на совершение регистрационных действий в отношении квартиры, принадлежащей гражданину, к мерам принудительного исполнения [3]. Из этого можно сделать вывод, что при оценке любого действия судебного пристава, необходи-

мо исходить из целей применения таких действий для успешного разграничения мер принудительного исполнения и исполнительных действий.

Несмотря на объемность числа принудительных мер, предусмотренных в статье 68 вышеуказанного закона, законодатель расширяет возможности судебного пристава, но с одной оговоркой: меры допустимы, если они предусмотрены федеральным законом или исполнительным документом.

Ситуация с исполнительными действиями, указанных в статье 64, немного иная. В статье устанавливается перечень исполнительных действий, каждый из которых соответствует принципам и связан с необходимостью обеспечить реализацию задач исполнительного производства. Этот перечень не является закрытым, что подтверждает пункт 17: « Судебный пристав-исполнитель вправе совершать иные действия, необходимые для своевременного, полного и правильного исполнения исполнительных документов» [2].

Так, например, в постановлении Пленума Верховного Суда справедливо было отмечено, что судебный пристав вправе выходит за пределы установленных в статье 64 исполнительных действий, если это требуется для полного, своевременного и правильного исполнения исполнительного документа. При этом абсолютно все исполнительные действия, не указанные в статье 64, равно как и указанные в ней, должны соответствовать основным правовым началам и задачам исполнительного производства, не нарушая законные права и интересы должника [4]. Абсолютно аналогичная позиция содержится в Апелляционном определении Верховного суда Республики Татарстан, указав, что перечень мер принудительного не является исчерпывающим. Помимо этого, Верховный суд Республики Татарстан сделал важное примечание, касающиеся правового статуса судебного пристава: в каждом конкретном случае судебный пристав действует самостоятельно в зависимости от вынесенных требования и обстоятельств дела [5].

Представленные выше позиции, еще раз подтверждают наличие в исполнительном производстве состояния непоименованности, в данном случае затрагивающего юридически важные действия судебного пристава: исполнительные действия и меры принудительного исполнения, открытый перечень которых представлен в статье 64 и 68 соответственно.

К числу непоименованных исполнительных действий можно отнести:

1. Запрет, направленный к должнику, расходовать денежные средства, поступающие в кассу, в полном объеме с последующим перечислением на депозитный счет судебного пристава. Как было

отмечено выше, любое исполнительное действие выступает средством обеспечения реализации в дальнейшем мер принудительного исполнения. Данное исполнительное действие не является исключением при исполнении требований, изложенных в судебном акте. Наложение подобного запрета на денежные средства должника позволяет достичь оперативности в процессе исполнения исполнительных документов.

2. Обязанность передать взыскателю ключи от жилого помещения, принадлежащего должнику. Разновидность данного исполнительного действия, равно как и представленного выше, не указана в законе, однако процедура их исполнения производится в соответствии с общими правилами исполнительного производства. С момента подачи взыскателем заявления о возбуждении исполнительного производства судебный пристав осуществляет комплекс исполнительных действий необходимых для удовлетворения требований взыскателя.

Применение мер принудительного исполнения в отличии от исполнительных действий ставится в зависимость от соблюдения двух условий: возбуждение исполнительного производства и истечение срока для добровольного исполнения требований.

В судебной практике часто встречаются ситуации, когда должники заявляют о незаконности проведения тех или иных принудительных мер судебными приставами по причине их непоименованности в законе.

Так, например, в одном из дел судебный пристав обратил взыскание на имущественное право управляющей компании, а именно на денежные средства, находящиеся на балансе управляющей компании и формируемые за счет платежей, поступающих от граждан. Служба судебных приставов, в связи с невозможностью обратиться взыскание на денежные средства или иное имущество управляющей компании, вынесла альтернативное постановление, по которому предусматривалась возможность обращения взыскания на право получения платежей, поступающих от жильцов. Верховный суд представленную меру принудительного исполнения счел допустимой [6]. Ситуация, связанная с непоименованностью принудительных мер, требует особого внимания ввиду отсутствия соответствующего правового регулирования. В каждой конкретном, разрешаемом деле судам необходимо тщательно рассматривать с разных позиций непредусмотренные, но допустимые меры принудительного исполнения. Так, в рассматриваемом случае Судебной коллегией Верховного суда необходимо было указать следующие: обращение взыскания на денежные средства, находящиеся на счетах платежного агента, возможно, но в пределах денежных сумм, при-

читающихся непосредственно управляющей компании. В ином случае процесс накопления средств и их дальнейшее распределение в соответствии с нуждами жильцов – утрачивает смысл. Данная оговорка очень важна в формировании основ единообразия при разрешении подобных споров.

Продолжая тему технологического развития общества, виртуальная реальность в котором охватила все сферы отношений между людьми, стоит отметить, что на сегодняшний день большое распространение получили электронные формы денег.

В связи с этим возникает вопрос - Может ли судебный пристав в исполнительном производстве воспользоваться таким непоименованным видом меры принудительного исполнения, как обращения взыскания на электронные деньги должника?

Российское законодательство пока не дает конкретного ответа на данный вопрос, но, безусловно, уже неспецифическая форма денег в повседневных отношениях применяется все чаще и, как следствие, требует соответствующего правового регулирования. Во многих научных трудах деньги определяют через призму своих функций, среди которых функция расчета выступает важнейшей. Лидирующими торговыми площадками по широкому использованию электронной платежной системы выступают WebMoney и Яндекс-деньги. Важно отметить, что все операции, совершаемые на таких цифровых платформах, выполняются с помощью различных, характерных для той или иной платежной платформы электронной валюты, объем которой зависит от вложенных наличных денежных средств.

Несмотря на отсутствие четкого закрепления обозначенной выше меры принудительного исполнения, процедуру взыскания электронных денег можно считать допустимой. Во-первых, учитывая специфику движения денежных средств на электронных платежных платформах, проведение взыскания электронных денег во многом будет схожа с процедурой взыскания денежных средств, находящихся у третьих лиц. Посреднические операции по хранению, расчету и иные формы осуществления денежных средств клиента осуществляемые на электронных платформах, схожи с операциями, производимыми банками. Из этого следует, что электронные платформы – некий заменитель банков. Во-вторых, исходя из положений Гражданского кодекса, к объектам гражданских прав, на которые может быть обращено взыскание, относятся денежные средства (наличные и безналичные) [7]. Нестандартность электронных денег заключается лишь в том, что это еще мало изученная разновидность конвертации денежных средств лица. Таким образом, можно отметить, что электронные деньги – это вид безналичных денежных средств, на которые

допустимо обращаться взыскание.

Как видим, постепенное появление новых информационных технологий и усовершенствование старых, безусловно, со временем подтолкнет законодателя к корректировке норм в правовой системе: поспособствует усовершенствованию порядка применения мер принудительного исполнения, благодаря введению мер, отвечающих задачам исполнительного производства с учетом цифровизации современного мира; позволит ликвидировать техническую неосведомленность судебного состава, а также вызовет необходимость внедрения технического оборудования с целью проверки

электронных доказательств в суде. А потому, такое явление, как непоименованность, по нашему мнению, нельзя назвать негативным.

С нашей точки зрения, возникновение новых форм непоименованности позитивно скажется на правовой системе Российской Федерации, а именно, устраним существующие пробелы и обогатит ее новыми положениями. Несмотря на то, что на данный момент тенденция допустимости непоименованных форм носит в большинстве случаев все же запретительный характер, по нашему мнению, курс на цифровизацию общественных отношений предопределил их дозволительный характер.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сулова С.И. Непоименованность в гражданском праве: к постановке вопроса / С.И. Сулова // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2018. – Т. 160. – № 2. – С. 404–414
2. Об исполнительном производстве: Федеральный закон от 02.10.2007 № 229-ФЗ (последняя редакция) // СПС «КонсультантПлюс». – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_71450/.
3. Апелляционное определение Московского городского суда от 18 августа 2015 г. № 33-29482/15 // СПС «Гарант». – URL: <https://base.garant.ru/137389617/>.
4. О применении судами законодательства при рассмотрении некоторых вопросов, возникающих в ходе исполнительного производства: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17 ноября 2015 г. № 50 // СПС «Гарант». – URL: <https://base.garant.ru/71251222/>.
5. Апелляционное определение СК по административным делам Верховный Суда Республики Татарстан от 19 октября 2015 №33-14579/2015 // СПС «Гарант». – URL: <https://base.garant.ru/137563613/>.
6. Обзор судебной практики Верховного Суда РФ от 13 апреля 2016 г. № 1 // СПС «Гарант». – URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71275534/>.
7. Гражданский кодекс: федеральный закон от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 16.12.2019) [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/.

© Шереметьева Наталья Владимировна (nata-sheremet@mail.ru), Калашников Сергей Сергеевич (sergej_kalashnikov_99@mail.ru),
Василенко Екатерина Олеговна (ekaterinavasilenko@list.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

К ВОПРОСУ О ДОХОДАХ, НА КОТОРЫЕ НЕВОЗМОЖНО ОБРАТИТЬ ВЗЫСКАНИЕ В ИСПОЛНИТЕЛЬНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ

ON THE QUESTION OF INCOME THAT CANNOT BE FORECLOSED IN THE ENFORCEMENT PROCEEDINGS

**N. Sheremeteva
N. Sheremeteva**

Summary: In the content of this article, the authors consider the extremely significant and topical issue today about the impossibility of foreclosure on certain types of the debtor's income within the framework of enforcement proceedings. The authors agree that in some part the statutory prohibition violates the rights of creditors, and certain types of income from the specified list in the current Russian law on enforcement proceedings, in order to resolve the existing problem, should be collected from debtors.

Keywords: income, impossibility of collection, debtor, creditor, court decision, enforcement proceedings, amendments, violation of law, private property.

Шереметьева Наталья Владимировна

старший преподаватель, ФГБОУ ВО «Владивостокский государственный университет экономики и сервиса», г. Владивосток; помощник судьи, Арбитражный суд Приморского края
nata-sheremet@mail.ru

Шереметьева Нина Геннадьевна

ФГБОУ ВО «Владивостокский государственный университет экономики и сервиса», г. Владивосток
sheremeteva_99@inbox.ru

Аннотация: В содержании настоящей статьи авторами рассматривается крайне значимый и актуальный на сегодняшний день вопрос о невозможности обращения взыскания на отдельные виды дохода должника в рамках исполнительного производства. Авторы сходятся в едином мнении о том, что в некоторой части регламентированный законодательно запрет нарушает права кредиторов, и отдельные виды дохода из указанного перечня в действующем российском законодательстве об исполнительном производстве, с целью разрешения существующей проблемы, должны взыскиваться с должников.

Ключевые слова: доходы, невозможность взыскания, должник, кредитор, судебное решение, исполнительное производство, изменения, нарушение права, частная собственность.

В настоящее время прослеживается четко выраженная тенденция стремления должников уклониться от исполнения вступившего в законную силу решения судов о взыскании с них сумм задолженности в рамках возбужденного исполнительного производства Федеральной службы судебных приставов: так, согласно официальным отчетным статистическим данным, представленным на официальном сайте вышеуказанного органа ежегодно свыше 30000 судебных решений не могут быть исполнены, в связи с отсутствием у должников имущества и доходов, в отношении которых в соответствии с положениями действующего российского законодательства может быть обращено взыскание [1].

Именно в этой связи особенно остро встает вопрос о необходимости пересмотра действующего российского законодательства об исполнительном производстве в части запрета взыскания на некоторые виды дохода должника с целью восстановления нарушенных прав кредитора и своевременного исполнения судебного решения, вступившего в законную силу: насколько это реально и допустимо на сегодняшний день и предстоит ответить нам в рамках настоящего исследования.

Так, в содержании положений статьи 110 действующего российского закона, регламентирующего порядок

реализации исполнительного производства на территории нашего государства приведен перечень всевозможных видов доходов, принадлежащих должнику, на которые не может быть обращено взыскание [2]. Приведенный в указанном нормативном правовом акте перечень носит исключительно исчерпывающий характер, включая в себя следующее:

- денежные суммы, выплаченные в качестве компенсации вреда причиненного здоровью должника;
- денежные суммы, выплаченные в качестве компенсации вреда в связи со смертью кормильца должника;
- денежные суммы, выплаченные в качестве компенсации вреда здоровью должника, (а именно увечий, ранений, травм, контузий), полученного при служебной необходимости, а также членам семьи (в числе которых находится должник) погибших при исполнении служебных обязанностей лиц;
- компенсационные выплаты лицам, пострадавшим в результате происхождения техногенных и радиационных катастроф (должнику), которые начисляются из средств бюджета Российской Федерации; региональных бюджетов, а также местных бюджетов;
- компенсационные выплаты лицам (должнику), которые начисляются на их счет в связи с осуществ-

влением ими ухода и присмотра за нетрудоспособными гражданами;

- ежемесячные выплаты, начисляемые лицам (должнику) в связи с компенсацией его расходов на приобретение медицинских лекарственных препаратов, проезда в общественном транспорте, а также иные;
- алименты, а также выплаты детям, в период розыска их родителей, признанных по решению суда, вступившего в законную силу, без вести отсутствующими;
- компенсационные выплаты, начисляемые работникам (должнику) в соответствии с положениями действующего российского трудового законодательства, а также в связи с переводом на другую должность, командировкой, в связи с изнашиванием инструмента, которые принадлежит на праве частной собственности работнику; в связи с рождением детей, гибелью родных, регистрацией брака в органа записи гражданского состояния;
- страховое обеспечение, за исключением различных видов пенсий (по старости и инвалидности), а также выплат в период нетрудоспособности;
- пенсии, выплачиваемые в связи с потерей кормильца из средств бюджета Российской Федерации и доплаты к ним из средств региональных бюджетов;
- пособия на детей, выплачиваемые должнику из средств бюджета Российской Федерации и доплаты к ним из средств региональных бюджетов, а также местного бюджета;
- федеральный и региональный материнский капитал;
- денежные суммы единовременной помощи, выплачиваемые в связи стихийными бедствиями, террористическим актом, смертью члена семьи, гуманитарной помощью, за содействие расследованию (в том числе выявлению, пресечению и раскрытию) преступных деяний террористической направленности;
- полная или частичная денежная сумма, выплачиваемая должнику в счет компенсации неиспользованных путевок в санитарно-курортные учреждения (исключения тут составляют те денежные средства, которые были выплачены в счет компенсации путевок туристических);
- денежные суммы, выплаченные должнику в счет компенсации проезда к месту лечения и, соответственно, обратно;
- доплата по 10 000 (десять тысяч) рублей, выплачиваемая на основании волеизъявления Президента Российской Федерации за каждого ребенка в период распространения коронавируса на территории российского государства [3].

Таким образом, становится совершенно очевидно,

что отечественный законодатель в указанный перечень включил все то множество денежных выплат, носящих сугубо социально ориентированный характер: иными словами, ограничения по обращению взыскания в рамках исполнительного производства распространяются исключительно на те виды дохода должника, которые выплачиваются ему за счет средств различных бюджетов в сложившейся сложной жизненной ситуации. Полагаем, что при таком раскладе он преследовал именно цель защиты социальных прав должников, которые попали в трудную жизненную ситуации, и выплачиваемые им денежные средства попросту помогают им выжить в ней. Именно поэтому обратиться взыскание на них в рамках исполнения вступившего в законную силу судебного решения не представляется возможным, что отчасти с позиции социально-демократического и правового государства, которым провозглашена Российская Федерация, в конституционных положениях.

Однако, насколько же справедливым это может считаться по отношению кредиторам? Ведь многие из них также находятся в сложной жизненной ситуации, и при этом остаются по сути лишенными возможности получить денежные средства, причитающие им от должника на законных основаниях (преимущественно здесь мы ведем речь о ситуациях, при которых со стороны должника был причинен вред здоровью кредитору, или быть может, когда по вине должника произошла гибель его родственника). Ведь в подобного рода ситуациях кредитор ничем не отличается от должника, только при этом последний, как правило, сам виноват в том, что на нем лежит бремя юридической ответственности перед кредитором, выраженная в финансовом эквиваленте. И невозможность взыскания с него денежных выплат, носящих социально-ориентированный характер в пользу кредитора позволяет должнику улучшить свои жизненные обстоятельства, а кредитор (и без того лицо, являющееся потерпевшим), вынуждено претерпевать неблагоприятные последствия, неизбежно возникающие в связи с неисполнением судебного решения, вступившего в законную силу.

В этой связи вполне логичным и оправданным представляется снятие установленных законодательно ограничений по недопустимости обращения взыскания на имущество должника, в выше названном перечне, в той ситуации, когда задолженность перед кредитором возникла в связи с причинением последнему вреда здоровью или смерти в результате совершения должником неправомерных (незаконных) действий. Это позволило бы восстановить баланс справедливости. При этом важно понимать, что по-прежнему логичным следует оставить установленное законом ограничение в отношении выплат, производимых на счет лица, являющегося должником для содержания и финансового обеспечения несовершеннолетних детей (в частности, речь, прежде всего,

идет об алиментах, пособиях (например, единовременном пособии при рождении ребенка, ежемесячных выплатах на содержание ребенка в возрасте до полутора лет (и далее, если речь идет о так называемых выплатах для малоимущих до достижения их детей возраста 7 лет («Путинские выплаты» в обиходе обывателя), а также все множество иных, ведь в таком случае эти выплаты принадлежат не должнику, а его детям (а он лишь является их уполномоченным законным представителем).

Еще одна проблема связывается нами с невозможностью определения вида дохода на счет должника Федеральной службой судебных приставов: иными словами, служащие данного органа лишены возможности заблаговременно понимать относятся ли денежные средства, поступившие на счет должника, который находится под арестом, к видам доходов, в отношении которых не допускается взыскание или нет. Автоматически денежные средства, как правило, списываются в счет погашения существующей задолженности, и только после должник сам вынужден доказывать, что данные денежные средства не могли быть взысканы в рамках исполнительного производства на основании действующего российского

законодательства. Данный процесс является достаточно трудоемким и долговременным, в связи с чем, должник лишен возможности распоряжаться денежными средствами, попав и без того в сложную жизненную ситуацию (а это может поставить под угрозу его жизнь и здоровье, а также благосостояние и здоровье близких и родных ему лиц).

Полагаем, такое положение дел заведомо нарушает права граждан, являющихся должниками, в силу чего в закон должны быть внесены изменения, обязывающие судебных приставов-исполнителей до момента списания денежных средств уточнять, относятся ли поступивших денежные средства к установленному перечню в законе или нет (для этого будет уместно обязать отправителя денежных средств назначение платежа).

В завершении настоящего исследования укажем, что предложенные нами способы разрешения существующих проблем позволят не только их разрешить, но сделать весомые шаги в укреплении позиций российского государства как социального, демократического и правового.

ЛИТЕРАТУРА

1. Отчет о результатах деятельности Федеральной службы судебных приставов за период с 2015 по 2019 годы [Электронный ресурс] Официальный сайт Федеральной службы судебных приставов. URL: <http://fssp.gov.ru/> [дата обращения: 03.11.2020].
2. Об исполнительном производстве: Федеральный закон от 02.10.2007 № 229-ФЗ (ред. от 31.07.2020) [Электронный ресурс] доступ из справоч.- правовой системы «Гарант». - Загл. с экрана.
3. «О дополнительных мерах социальной поддержки семей, имеющих детей: Указ Президента Российской Федерации от 07.04.2020 № 249 [Электронный ресурс] доступ из справоч.- правовой системы «Гарант». - Загл. с экран

© Шереметьева Наталья Владимировна (nata-sheremet@mail.ru), Шереметьева Нина Геннадьевна (sheremeteva_99@inbox.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

НАШИ АВТОРЫ

Demin S. – Doctor of Economics, Professor, Moscow Aviation Institute (National Research University), Moscow

Domnina A. – senior lecturer, Lobachevsky state University of Nizhny Novgorod

Golenev V. – Advocate, Postgraduate student, Moscow State Law University named after O.E. Kutafin

Gorbatova M. – candidate of law, associate Professor, Lobachevsky state University of Nizhny Novgorod

Gudkov A. – Investigator for the particularly important cases, Magadan region of the Investigation Committee of Russian Federation

Kalashnikov S. – FGBOU VO "Vladivostok State University of Economics and Service", Vladivostok

Laptiyov S. – General of the Army A.V. Khrulev Military Academy of Procurement and Logistics

Lebedev N. – doctor of Economics, Professor, leading researcher at the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences

Lipatov A. – Candidate of economic Sciences, associate Professor, State University of management

Mazhinsky R. – Postgraduate student, Moscow City Teachers' Training University; Lecturer at the Law College of the Russian University of transport (MIIT)

Melnichuk M. – Doctor of Science (Economics), professor, Financial University under the Government of the Russian Federation

Ostrovkin D. – Candidate of Historical Sciences, Ural State Forestry University

Ovchinnikov A. – Ph.D. in Economics, associate professor, Russian University of Transport (MIIT)

OUR AUTHORS

Petrov A. – candidate of law, associate Professor, Lobachevsky state University of Nizhny Novgorod

Resnyanskaya E. – Petrozavodsk State University; General director of customs broker, LLC "Germes", Saint Petersburg

Sandler D. – PhD in Economics, Associate Professor, UrFU named after the First President of Russia B.N. Yeltsin

Semenova A. – Doctor of Economics, Professor, Russian New University, Moscow

Sheremeteva N. – FGBOU VO "Vladivostok State University of Economics and Service", Vladivostok

Sheremeteva N. – Senior lecturer, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Vladivostok State University of Economics and Service", Vladivostok; assistant judge of the Arbitration Court of the Primorsky Territory

Solovieva N. – North Caucasus Federal University, Stavropol

Stolyarov N. – Honored economist of the Russian Federation, Doctor of Economics, Professor, Chief researcher, FSUE «State Research Institute of Civil Aviation», Moscow

Vasilenko E. – FGBOU VO "Vladivostok State University of Economics and Service", Vladivostok

Volchkov D. – General of the Army A.V. Khrulev Military Academy of Procurement and Logistics

Yudina N. – Doctor of Science (Philology), professor, Financial University under the Government of the Russian Federation

Zamchalov S. – General of the Army A.V. Khrulev Military Academy of Procurement and Logistics

Требования к оформлению статей, направляемых для публикации в журнале

Для публикации научных работ в выпусках серий научно-практического журнала «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» принимаются статьи на русском языке. Статья должна соответствовать научным требованиям и общему направлению серии журнала, быть интересной достаточно широкому кругу российской и зарубежной научной общественности.

Материал, предлагаемый для публикации, должен быть оригинальным, не опубликованным ранее в других печатных изданиях, написан в контексте современной научной литературы, и содержать очевидный элемент создания нового знания. Представленные статьи проходят проверку в программе «Антиплагиат».

За точность воспроизведения дат, имен, цитат, формул, цифр несет ответственность автор.

Редакционная коллегия оставляет за собой право на редактирование статей без изменения научного содержания авторского варианта.

Научно-практический журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» проводит независимое (внутреннее) рецензирование.

Правила оформления текста.

- ◆ Текст статьи набирается через 1,5 интервала в текстовом редакторе Word для Windows с расширением “.doc”, или “.rtf”, шрифт 14 Times New Roman.
- ◆ Перед заглавием статьи указывается шифр согласно универсальной десятичной классификации (УДК).
- ◆ Рисунки и таблицы в статью не вставляются, а даются отдельными файлами.
- ◆ Единицы измерения в статье следует выражать в Международной системе единиц (СИ).
- ◆ Все таблицы в тексте должны иметь названия и сквозную нумерацию. Сокращения слов в таблицах не допускается.
- ◆ Литературные источники, использованные в статье, должны быть представлены общим списком в ее конце. Ссылки на упомянутую литературу в тексте обязательны и даются в квадратных скобках. Нумерация источников идет в последовательности упоминания в тексте.
- ◆ Литература составляется в соответствии с ГОСТ 7.1-2003.
- ◆ Ссылки на неопубликованные работы не допускаются.

Правила написания математических формул.

- ◆ В статье следует приводить лишь самые главные, итоговые формулы.
- ◆ Математические формулы нужно набирать, точно размещая знаки, цифры, буквы.
- ◆ Все использованные в формуле символы следует расшифровывать.

Правила оформления графики.

- ◆ Растровые форматы: рисунки и фотографии, сканируемые или подготовленные в Photoshop, Paintbrush, Corel Photopaint, должны иметь разрешение не менее 300 dpi, формата TIF, без LZW уплотнения, CMYK.
- ◆ Векторные форматы: рисунки, выполненные в программе CorelDraw 5.0-11.0, должны иметь толщину линий не менее 0,2 мм, текст в них может быть набран шрифтом Times New Roman или Arial. Не рекомендуется конвертировать графику из CorelDraw в растровые форматы. Встроенные - 300 dpi, формата TIF, без LZW уплотнения, CMYK.

По вопросам публикации следует обращаться к шеф-редактору научно-практического журнала «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» (e-mail: redaktor@nauteh.ru).